

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

РГГУ

1

2017

Серия «История. Филология.
Культурология. Востоковедение»

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 1 (22)

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (22)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больдмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: А.А. Киличенков, д-р ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Т.А. Колосовская

Д.А. Милотин и его кавказские материалы: О первых опытах
создания военно-политической истории Кавказа 9

И.А. Рычков

Речной транспорт Волжского бассейна
накануне Первой мировой войны 20

Ю.С. Филина

Российская политическая эмиграция в европейском контексте
начала XX в. (по воспоминаниям художника Н. Прахова) 30

С.В. Карпенко

Предприниматели в Крыму
при власти генерала П.Н. Врангеля (1920 г.) 38

А.В. Серегин

Проекты государственных преобразований в движении
монархистов-легитимистов в эмиграции (1920-е годы) 44

Н.М. Иванов

Техническая грамотность бойцов Красной армии в 1930-х годах:
стрелковое оружие и его использование 54

А.П. Фернандес-Эрес

«Заставить их полюбить эту жизнь...»:
Испанские детские дома в СССР (1937–1939) 63

В.Н. Назаров

Железнодорожный транспорт и условия воинских
железнодорожных перевозок на Северо-Западный (Финляндский)
фронт (1939–1940) 72

М.А. Коневская

Организация ободно-вещевого снабжения в период
централизации системы снабжения РККА (1935–1941) 81

<i>А.Д. Винокуров</i> «Рыба – фронт!»: Чурапчинская трагедия 1942–1944 гг.: из истории трудовых мобилизаций в Якутской АССР	90
---	----

<i>М.А. Дубовицкая</i> Скандал как разновидность политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева	98
---	----

<i>Е.А. Серегина</i> Государственная институционализация памяти о периоде сталинизма в России и Латвии: сравнительный анализ	107
--	-----

<i>А.Ф. Лушкин</i> Критический анализ биографических книг о генерале П.Н. Врангеле в российской журнальной публицистике 2000-х годов	116
--	-----

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Г.Н. Ланской</i> Вопросы экономической истории России на страницах «Экономического журнала»	124
--	-----

<i>О.В. Шемякина</i> Историография народнического движения глазами его участников	132
---	-----

Культурология

<i>А.Г. Колесникова</i> Булгаковское наследие как культурный код современности (молодежный аспект)	140
--	-----

Abstracts	150
-----------------	-----

Сведения об авторах	156
---------------------------	-----

CONTENTS

The History of Russia

T. Kolosovskaya

D.A. Milyutin and his Caucasus papers. On early attempts
of forming the Caucasus military and political history 9

I. Rychkov

River transport in the Volga basin on the eve of the World War I 20

J. Philina

Russian political emigration in the European context at the beginning
of the 19th century (based on artist N. Prakhov's memoirs) 30

S. Karpenko

Business class in the Crimea under the rule
of general P.N. Wrangel (1920) 38

A. Seregin

The projects of state reforms in monarchist-legitimist movement
in emigration (1920s) 44

N. Ivanov

Technical skills of the Red Army soldiers in the 1930s.
Hand arms and their use 54

A. Fernandes-Eres

"To make them love this life...". The orphanages for spanish children
in the USSR (1937–1939) 63

V. Nazarov

The railway transport and conditions of the military
railway transportation to the North-Western (Finnish)
Front (1939–1940) 72

M. Konevskaya

The organization of supply in the period of centralization
of supply system of the Red Army (1935–1941) 81

<i>A. Vinokurov</i>	
“Fish – for the Front!”. The tragedy of Churapcha, 1942–1944. From the history of labour mobilization in the Yakut ASSR	90
<i>M. Dubovitskaya</i>	
A scandal as a kind of political narrative in N. Khrushchev’s personal diplomacy	98
<i>E. Seregina</i>	
The state institutionalization of the memory of the Stalinism period in Russia and Latvia. A comparative study	107
<i>A. Lukshin</i>	
The critical analysis of the biographical books about general P.N. Wrangel in the Russian magazine journalism of 2000s	116

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

<i>G. Lanskoj</i>	
The issues of Russia’s economic history on the pages of the “Economic journal”	124
<i>O. Shemyakina</i>	
The historiography of populist movement through the eyes of its participants	132

Cultural Studies

<i>A. Kolesnikova</i>	
The Bulgakov’s heritage as a cultural code of the modernity (aspect of youth)	140
Abstracts	150
General data about the authors	158

Т.А. Колосовская

Д.А. Милютин и его кавказские материалы: О первых опытах создания военно-политической истории Кавказа

В статье рассматривается научно-исследовательская деятельность Д.А. Милютина в 1839–1850-е годы. Характеризуются его неопубликованные программы, записки, официальная и частная переписка, отражающие работу по изучению истории российско-кавказских отношений. Раскрываются итоги первых опытов по созданию официальной военно-политической истории Кавказа и их влияние на развитие отечественного исторического кавказоведения.

Ключевые слова: Д.А. Милютин, военная историография, историческое кавказоведение, военно-политическая история Кавказа, Кавказская война XIX в.

В 2016 г. исполняется 200 лет со дня рождения одного из выдающихся государственных деятелей Российской империи, военного министра, заменившего рекрутчину всеобщей воинской повинностью, Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912). Его административная и реформаторская деятельность уже неоднократно становилась предметом изучения историков¹. При этом отдельные вехи жизненного пути этой многогранной и даровитой исторической личности раскрыты пока недостаточно. К последним относится его научно-исследовательская работа в 1839–1850-е годы XIX в., направленная на изучение Кавказа – в то время новой окраины Российской империи, о которой, как писал современник, «публика судила по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на Пятигорские воды»².

© Колосовская Т.А., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00251.

Большая часть кавказских материалов Милютин, включающих программы, записки, черновики военно-теоретических и военно-исторических трудов, не была опубликована. В настоящее время они хранятся в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)³. На основе этого богатого творческого наследия, а также отложившихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) официальных документов и частной переписки в статье рассматривается деятельность Д.А. Милютин по созданию военно-политической истории Кавказа.

Д.А. Милютин относился к числу тех государственных деятелей на становление которых несомненно повлиял опыт военной службы на Кавказе. Знакомство его с краем началось в 1839 г. 23-летний офицер, выпускник Военной академии Генерального штаба, был направлен в годичную командировку для участия в военных экспедициях и получения боевого опыта. В г. Ставрополе, где в то время располагалось командование войсками на Кавказской линии и в Черномории, напишет впоследствии Милютин, «я занимался прилежно в штабе просмотром дел, чтобы ознакомиться с приготовительными распоряжениями к предстоящей экспедиции и сколько возможно изучить самый край. В короткий срок я успел сделать много выписок и заметок, которые впоследствии пригодились мне для разных работ по Кавказу»⁴.

В составе Чеченского отряда Милютин участвовал в военной экспедиции к резиденции имама Шамиля – аулу Ахульго. Как на офицера Генерального штаба на него были возложены обязанности отрядного квартирмейстера. Он собирал сведения о местности и дорогах, принимал решение о размещении войск, участвовал в боевых действиях и был ранен в плечо на вылет (пуля задела кость). Уже тогда у Милютин стали появляться мысли о причинах неэффективности действий русской армии на Кавказе и предложения на этот счет. Так, по мере знакомства с краем Дмитрий Алексеевич пришел к убеждению о необходимости изучения и анализа предшествующего исторического опыта и его изложения в виде официальной истории Кавказской войны.

По окончании экспедиции, в октябре 1839 г., Милютин отправили в г. Тифлис с докладом к корпусному командиру Е.А. Головину. Вместе с описанием экспедиции Чеченского отряда Милютин сообщил ему о своем намерении заняться историей Кавказской войны. Последнее предложение корпусный командир принял «с таким сочувствием, что дал себе труд изложить собственный свой взгляд на историческое значение этой войны»⁵.

Итоги обсуждения подходов к написанию военной истории Кавказа нашли отражение в составленной Д.А. Милютиным развернутой программе нового сочинения, под названием «История русского владычества на Кавказе». Данный документ, включая в себя общую концепцию и план для ее реализации, представляет собой весьма любопытное свидетельство о начале становления российского исторического кавказоведения⁶.

Основное изложение событий планировалось начать с конца XVIII в. и показать в контексте эволюции российской политики. «...История русского владычества на Кавказе соединяет в себе историю военную с историей политической, повествование о блистательных военных подвигах русского оружия с картиной постепенных, хотя весьма медленных успехов в гражданском и правительственном устройстве края...»⁷, – отмечалось в программе. Более ранние материалы, начиная с истории Закавказья в древности и заканчивая Персидским походом Петра I, предполагалось коротко представить во введении.

В программе главный акцент делался на практическую значимость нового сочинения, которое, с одной стороны, положительным образом повлияет на эффективность действий российского правительства в регионе, с другой стороны, будет способствовать формированию адекватных представлений об истории российско-кавказских отношений у широких кругов общественности. «Только полная история может совершенно раскрыть глаза и вразумить тех, которые удивляются и не могут понять, почему так долго Россия, при всем своем гигантском могуществе, борется в этом краю и постоянно приносит такие огромные жертвы для успокоения и устройства его»⁸, – подчеркивалось в документе.

Для реализации задуманного Е.А. Головин предлагал Милютину немедленно приступить за работу и перейти на службу в штаб Отдельного Кавказского корпуса⁹. Дмитрий Алексеевич был не против таких перемен, но тогда судьба распорядилась иначе. В конце октября 1839 г. он получил известие о необходимости немедленно вернуться в г. Ставрополь, где его ждали новые поручения.

Однообразная и тихая жизнь в Ставрополе позволила Милютину всецело посвятить себя умственному труду. В течение зимы 1839/40 г. он завершил свой проект об улучшении фортификационного строительства на Кавказе, пересмотрел и дополнил составленное им ранее описание военной экспедиции к аулу Ахульго, подготовил записку о мерах, необходимых для лучшего устройства

действующих против горцев отрядов. Вместе с тем Милютин продолжал свои исторические изыскания: «собирал материалы для описания разных племен кавказского населения и даже приступил к самому составлению этого описания»¹⁰. В Ставрополе Милютин решил отказаться от перевода в Отдельный Кавказский корпус: против были отец и петербургские друзья. В начале февраля 1840 г. истек его годичный срок пребывания на Кавказе и на курьерских перекладных он вернулся в Петербург, к своему постоянному месту службы.

Первое пребывание Милютина на Кавказе произвело на него неизгладимое впечатление. «Природа этого прекрасного края, разнообразные типы его населения, своеобразная обстановка жизни, поэзия военного быта и бесчисленные ощущения, испытанные в течение года, живо врезались в моей памяти до глубокой старости»¹¹, – писал он в своих воспоминаниях. Служебные занятия в гвардейском штабе, так же как и вся петербургская жизнь, после года, проведенного на Кавказе, показались Милютину крайне бесцветными и бессодержательными. Как ни старался он усердно заниматься своими новыми обязанностями по службе, его не покидало желание вернуться на Кавказ. И такая возможность ему вскоре представилась.

В 1843 г. Д.А. Милютин получил назначение на должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории. Это вернуло Милютина к необходимости продолжить изучение «кавказского вопроса». Выполнение им служебных обязанностей предполагало рассмотрение переписки своих предшественников, знакомство со статистическими и этнографическими материалами о местном населении. Особое внимание Милютина привлекал вопрос о мерах дальнейших действий на Кавказе. «Досугами своими я воспользовался, чтобы пересмотреть дела старых времен, – вспоминал Дмитрий Алексеевич. – В особенности заинтересовали меня найденные в архиве штаба за 1828, 1830, 1832 и 1833 годы некоторые записки по поводу предполагавшихся в ту эпоху решительных мер к покорению Кавказа. В числе их замечательны были мнения, высказанные генералом Вельяминовым, Паскевичем и самим императором Николаем... Из рассмотренных дел составлял я выписки и заметки, в том соображении, что, быть может, когда-нибудь они пригодятся мне как материал для истории Кавказской войны»¹².

В конце 1844 г. Д.А. Милютин подал прошение об отставке и в феврале 1845 г. вернулся в Санкт-Петербург. Дальнейшая его деятельность была связана с преподаванием в Военной академии

Генерального штаба, где он читал курс лекций по военной статистике, и с научной работой. В 1848 г. ему поручают завершить начатое военным историком А.И. Михайловским-Данилевским сочинение по истории войны России с Францией 1799 г.

В Санкт-Петербурге Кавказ по-прежнему оставался в поле зрения Милютина. «По своей привязанности к этому краю и по своей обязанности постоянно освежать в курсе военной статистики статьи о Кавказе, – писал он, – я не переставал следить за ходом тамошних дел»¹³. Представляя последнюю часть исторического сочинения об Итальянском походе А.В. Суворова лично военному министру А.И. Чернышеву, Милютин рассказал ему о своих дальнейших творческих планах. Речь шла о его намерении приняться за историю Кавказской войны начиная с первых походов русских войск в тот край. «Военному министру, – вспоминает Милютин, – видимо, это не понравилось; он признавал более “интересным” ближайшие к нам войны царствования императора Николая Павловича, имея, конечно, в виду Турецкую войну 1828–1829 гг. и Польскую 1830–1831 гг.»¹⁴. Дмитрий Алексеевич настаивал на необходимости изучения событий более отдаленных исторических эпох, твердо решив не поддаваться требованию, которое поставило бы его «в крайне неприятное и неудобное положение – сочинителя панегириков в прославление властей преобладающих»¹⁵.

Главное предназначение истории, с точки зрения Милютина, заключалось в изучение предшествующего исторического опыта для использования в настоящее время. Достаточно четко эта позиция проявилась в подготовленной им в 40-е годы XIX в. записке, в которой он излагал свой взгляд о мерах дальнейшей политики России на Кавказе. «Мысли мои по этому предмету, – писал Дмитрий Алексеевич, – я основываю на сущности событий, совершившихся на Кавказе в течение почти трехсотлетней борьбы нашей с кавказскими племенами, и полагаю, что вековая эта опытность должна нам служить руководством для определения мер и средств, к покорению Кавказа необходимых»¹⁶. В записке Милютин подчеркивал, что «полная и подробная история владычества нашего на Кавказе и за Кавказом была бы для нас весьма поучительна, и желательна не для одного любознания, но для пользы и выгод правительства, чтобы история эта была составлена. Начальники, как главные, так и частные, могли бы во многом руководствоваться многолетней опытностью своих предшественников»¹⁷.

Милютин предлагал следующий план исторического сочинения: «Период 1. Древняя история Кавказа. Период 2. Первые

отношения Руси к Кавказу и подвиги русских князей и царей до императора Петра I. Период 3. Походы Петра в Персию; походы Екатерины II до присоединения Грузии. Период 4. По присоединении Грузии до настоящего времени, и этот последний период должен составить две части, из которых последняя – со времени вступления на престол императора Николая Павловича и преимущественно со времени основания новой системы управления и покорения Кавказа»¹⁸. Предложения Милютина были высочайше утверждены, и на него же было возложено поручение по составлению «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии»¹⁹.

Развивая идеи, представленные в вышеупомянутой записке, Милютин планировал раскрыть в новом сочинении не только военные, но и политические аспекты истории Кавказа и показать их в широких хронологических рамках: начиная с походов киевского князя Святослава и заканчивая описанием военных действий на Кавказе первой половины XIX в. Для реализации столь обширной программы в ноябре 1850 г. в помощники Милютину был назначен капитан Генерального штаба Дмитрий Христианович Бушен²⁰. По отзыву самого Дмитрия Алексеевича, «добросовестный труженик» и «симпатичный молодой человек», с которым он «сблизился дружески»²¹.

В обязанности Д.Х. Бушена входило выявление для Милютина отложившихся в архивах военно-исторических материалов. Исследовав петербургские архивы, в феврале 1851 г. Бушен был отправлен в долгосрочную научную командировку для выявления документов в архивах Москвы и Кавказа. Д.А. Милютин подготовил для него рекомендательные письма, одно из которых было адресовано непосредственному участнику изучаемых событий, бывшему командиру Отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермолову. В нем Дмитрий Алексеевич просил его лично побеседовать с Бушеном и помочь ему советами и наставлениями. «Несколько слов Ваших, – отмечал Милютин в письме, – оживят в глазах его [Бушена. – Т. К.] мертвые груды архивных документов. При том не все было так в действительности, как представляют историку письменные свидетельства. Живой рассказ очевидца открывает более, чем целые стопы бумаги...»²²

Обращение к данным, как бы мы сказали сейчас, устной истории Милютин считал задачей первостепенной важности. «Еще важнее, чем бумаги, рассказы словесные очевидцев, – подчеркивал он в своей переписке с Бушеном, – я уверен, что Вы доставите мне, Дмитрий Христианович, богатую коллекцию рассказов,

которые вы услышите в Москве и на Кавказе, от людей бывалых. Вам не нужно при этом много заботиться о редакции, пишите просто, не стесняясь никакими формами. Главное дело сохранить тон и колорит рассказа. Особенно дорожу я подробностями анекдотическими, которые нельзя почерпнуть из письменных материалов, а подробности эти необходимы для занимательности рассказа...»²³

Стремясь представить события военной истории, говоря словами самого Милютина, «сколь возможно беспристрастно и ближе к истине»²⁴, он старался привлечь как можно больший круг источников. С этой целью, получив разрешение императора, Милютин опубликовал на страницах «Русского инвалида» воззвание «Любителям русской славы и доблестей»²⁵. Обращаясь в нем ко всем очевидцам и участникам истории присоединения Кавказа к России, Милютин призывал их присылать свои дневники, записки, служебную и частную переписку и «даже изустные предания, сохраняемые иногда в семействах от отцов и дедов»²⁶. «Доставляя означенные рукописи по указанному адресу, они могут быть вполне уверены, что бумаги их будут тщательно сбережены и по первому их требованию или по миновании надобности будут возвращены в неприкосновенной целости, – отмечалось в воззвании. – Автор сочтет священным долгом упомянуть в своем сочинении о тех лицах, от которых получит какие-либо исторические материалы... Лица эти, изложив просто и без всякой литературной обработки то, что известно им, окажут несомненную услугу истории, ибо ни одна мельчайшая черта, ни одна по-видимому маловажная подробность не пропадает для тщательного и добросовестного исторического труда»²⁷.

Отзывы на прозвучавший в объявлении призыв не заставили себя долго ждать. В адрес Милютина стали поступать разнообразные материалы из различных уголков страны, авторами которых являлись «старые кавказцы». Среди корреспондентов Милютина следует назвать бывшего командующего на Кавказе Е.А. Головина, приславшего свой «Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 г.». Изданный в Риге в 1847 г. ограниченным тиражом и не поступивший в продажу, он уже в то время являлся библиографической редкостью. Свои «Походные записки артиллериста на Кавказе и за Кавказом» отправил Милютину генерал в отставке И.Т. Радожицкий, служивший в Отдельном Кавказском корпусе в 20-е годы XIX в. Эти материалы Радожицкий пытался опубликовать на страницах периодических изданий, что называется, по горячим следам, но из-за цензурных ограничений так и не смог этого сделать.

Значительные результаты по собиранию документального материала удалось получить и помогавшему Милютину Д.Х. Бушену. В ходе его упоминавшейся выше научной командировки он произвел разбор дел Главного московского архива Министерства иностранных дел и отделения Императорского департамента Военного министерства, осмотрел документы, хранившиеся в архивах начальника Черноморской береговой линии в г. Керчи и в Войсковом правлении Земли войска Черноморского в г. Екатеринодаре. В г. Ставрополе, рассмотрев дела архива штаба войск Кавказской линии и Черномории и архива Губернского правления, Бушен составил опись дел, относящихся к устройству Кавказской линии. Не были оставлены без внимания Георгиевский и Моздокский архивы. В последнем Бушен сделал выписки о пребывании Е. Пугачева в г. Моздоке. Осмотром и составлением описи дел Кизлярского архива было закончено выявление документов в архивах Северного Кавказа. В Закавказье Бушен разобрал дела трех тифлисских архивов – Канцелярии наместника, Корпусного дежурства и Генерального штаба – и планировал в дальнейшем осмотреть архивы в г. Эривани, в древнем Эчмиадзинском монастыре, в г. Ленкорани²⁸.

Вместе с отчетами о проделанной работе Бушен отправлял Милютину описи выявленных архивных дел и копии наиболее значимых документов. «Пока рылся он в архивах петербургских, московских и кавказских, составляя описи хранящихся в них громадных материалов по Кавказу, – вспоминает Дмитрий Алексеевич, – я, со своей стороны, приступил к обработке первых глав предпринятого сочинения»²⁹.

Частная переписка показывает, что современники вполне одобряли кандидатуру Милютина как будущего военного историка Кавказа и возлагали на него большие надежды. «...Занятие, которое Вам поручено, – писал в своем письме к Милютину его бывший сослуживец Ф.Ф. Торнау, – согласно с Вашими наклонностями и с Вашим нравом, но к этому прибавлю я, что и наша военная история выиграет от Вашего назначения. Я вполне уверен, что Вы на этом поприще не только составите себе имя, но и будете полезны для тех, которые станут читать Ваши труды...»³⁰

Обстоятельства сложились таким образом, что из человека, пишущего историю, Милютин превратился в человека, ее делающего. В сентябре 1856 г. его научные исследования были прерваны назначением на должность начальника Главного штаба на Кавказе. Вопрос о продолжении работ над военной историей Дмитрий Алексеевич планировал решить по прибытии в Тифлис. Пока же

с разрешения военного министра все находившиеся в его руках материалы он передавал капитану Бушену, которому поручалось продолжить начатую работу «впредь до нового по сему предмету распоряжения»³¹.

Милютин надеялся, что в Тифлисе ему удастся образовать историческую комиссию, которая под его руководством завершит создание военной истории Кавказа. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Собранные материалы по описи были переданы в архив Военно-топографического депо. В настоящее время они хранятся в фонде Военно-ученого архива РГВИА и образуют собой уникальную коллекцию документов по истории российско-кавказских отношений XVI–XIX вв.³²

Из работ Милютина по военно-политической истории Кавказа было опубликовано лишь «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане» (СПб., 1850). Остальные черновики его трудов, в том числе о взаимоотношениях русов с Кавказом в IX–X вв., описания народов Кабарды, Чечни, восточного берега Черного моря, «Краткий очерк войн России с Турцией с 1769 по 1829 гг.»³³, так и остались в рукописях. Тем не менее сама идея Милютина о создании военно-политической истории Кавказа не погибла и впоследствии была реализована уже следующим поколением историков. В начале 60-х годов XIX в. материалы по истории Кавказа поступили в распоряжение полковника Н.Ф. Дубровина и были использованы им при подготовке многотомного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1871–1888). К этой же коллекции документов обращались сотрудники созданного в конце 80-х годов XIX в. при штабе Кавказского военного округа Военно-исторического отдела для написания фундаментального труда по истории присоединения Кавказа к России³⁴.

Таким образом, исследовательская деятельность Д.А. Милютина является свидетельством начала создания, по заказу Военного министерства, обобщающего труда по военно-политической истории Кавказа. Тогда эта работа преследовала не столько научные, сколько практические цели. Ее главным результатом должно было стать понимание специфики края, выявление причин неудач российской политики и в конечном итоге формирование эффективной стратегии и тактики дальнейших действий в регионе с учетом предыдущих ошибок. И хотя результаты трудов Д.А. Милютина так и не стали доступны широким кругам общественности, их значение преуменьшать не следует. Милютин, возглавив Главный штаб Кавказской армии, смог реализовать накопленные знания на практике, что и было им успешно выполнено. Спустя три года после своего

назначения на новую должность, в 1859 г., он уже сопровождал А.И. Барятинского в военной операции на Гунибе, ознаменовавшейся пленением имама Шамиля и завершением военного противостояния на Северо-Восточном Кавказе.

Примечания

- ¹ *Осипова М.Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005; *Петелин В.В.* Жизнь графа Дмитрия Милютина: историческое повествование. М., 2011.
- ² *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны. М., 2007. С. 145.
- ³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169: Личный фонд Д.А. Милютина. Карт. 81: Материалы по истории Кавказа.
- ⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. Томск, 1919. Т. 1. С. 175.
- ⁵ Там же. С. 255.
- ⁶ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 81. Ед. хр. 1.
- ⁷ Там же. Л. 1об.–2.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. Томск, 1919. Т. 1. С. 255.
- ¹⁰ Там же. С. 259.
- ¹¹ Там же. С. 262.
- ¹² *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. М., 2000. С. 86.
- ¹³ Там же. С. 202.
- ¹⁴ Там же. С. 178.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 96. Л. 2–2об.
- ¹⁷ Там же. Л. 79.
- ¹⁸ Там же. Л. 79об.–80.
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 23. Л. 3.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 118. Л. 27.
- ²¹ *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. С. 452.
- ²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 98. Л. 4об.
- ²³ Там же. Л. 12об.
- ²⁴ Там же. Л. 5.
- ²⁵ Русский инвалид [С.-Петербург]. 1853.10 нояб. № 242–243.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 100. Л. 4об.
- ²⁷ Там же. Л. 4об.–5.
- ²⁸ Там же. Ч. 98. 296 л.
- ²⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания: 1843–1856. С. 452.
- ³⁰ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 30. Л. 1об.

- ³¹ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–1об.
- ³² Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6164: Материалы для истории Кавказа и кавказских войн, собранные Бушеном; Д. 6165: Сборник материалов к истории распространения и утверждения русского владычества на Кавказе, с приложением разных записок, служивших материалом для сего сочинения (Бушена).
- ³³ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 82. Ед. хр. 2.
- ³⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: 1801–1901. Т. 1–4, 12. Тифлис, 1901–1908.

Речной транспорт Волжского бассейна накануне Первой мировой войны

В статье рассматривается начальный этап развития речного транспорта бассейна реки Волги. Основное внимание уделено хозяйственным и кадровым аспектам состояния речного транспорта накануне Первой мировой войны. Выясняются причины, по которым речной транспорт Волжского бассейна не справился с задачами военного времени.

Ключевые слова: речной транспорт, пароход, пароходная компания, грузооборот, военное снабжение, река Волга, Первая мировая война.

Природные условия России предопределили исключительную роль речного транспорта в развитии страны и ее экономики. Неоспоримым достоинством речного транспорта всегда являлась его дешевизна. До войны, например, перевозка тонны груза на расстояние 1300 км при движении вверх, т. е. против течения воды, обходилась в 4 раза дешевле, чем по железной дороге, а при расстоянии более 2200 км – даже в 5 раз¹. Крупнейшим водным бассейном Российской империи являлся Волжский. Волжский бассейн занимал лидирующую позицию как по протяженности водных путей, так и по количеству перевозимых грузов. В 1913 г. по всем рекам России ходило 5556 паротеплоходов и 24 141 несамоходных судов².

История Волжского пароходства началась с того, что 2 июля 1843 г. Государственный совет, рассмотрев записку инженера П.П. Мельникова о свободе русского пароходного предпринимательства, принял решение о введении на судоходных реках России буксирного пароходства. На Волге стали создаваться частные коммерческие пароходства. Количество судов ежегодно увеличивалось, и к началу 1840-х годов группа крупных капиталистов, владельцев

паровых и непаровых судов, решила основать на Волге судоходное общество. 7 сентября 1843 г. указом Николая I было образовано Пароходное общество «По Волге». У его истоков стояли иностранец Д. Кейли и два его русских компаньона – купцы М. Кириллов и Д. Полежаев. Первый пароход пайщики заказали в Голландии и после сборки нарекли «Волгой». С 1846 г., когда были куплены первые пароходы за границей и доставлены на Волгу, начались транспортные перевозки. Грузы (лес, продукты сельского хозяйства, строительные материалы) везли на баржах, буксируемых судами «Волга», «Самсон» и «Геркулес». Центром судостроения на Волге стал Нижний Новгород: крупные судостроительные предприятия были открыты в окрестностях города – в Молитовке, селе Бор. Речной флот послужил толчком к развитию судостроения и судоремонта в Череповце и Рыбинске, Костроме и Городце, Казани и Симбирске, Самаре, Саратове, Астрахани.

Топливом для пароходов до 1880-х годов служили дрова и каменный уголь, пока на смену им не пришел мазут. Судовладельцы сразу оценили преимущества нефтяного топлива, потому что оно занимало мало места на судне и позволяло экономить в связи с сокращением штата кочегаров.

В 1907 г. на Гороховецком судостроительном заводе была построена крупнейшая в мире нефтеналивная баржа «Марфа Посадница» длиной 172 м, шириной 24 м, высота борта составляла 3,85 м, а грузоподъемность – 9150 тонн. Ее появление историки речного флота до сих пор квалифицируют как настоящий переворот в баржевом судостроении. Постройка баржи стала техническим воплощением идей одного из крупнейших судостроителей и судовладельцев России, Д.В. Сироткина, и была с честью выполнена. «Марфа Посадница», наполненная почти 10 тысячами тонн нефти, имея почти плоское днище, уверенно и быстро шла по мелководью, ее закругленный нос представлял минимальное препятствие для течения, поэтому баржу мог легко буксировать самый обычный, не слишком мощный пароход. Узнав о «Марфе Посаднице», к Сироткину обратились братья Нобель, владельцы одной из ведущих в России и Европе по добыче, переработке и транспортировке нефтепродуктов компаний, с просьбой разрешить их инженерам исследовать работу судна в рейсе. Результаты оказались блестящими. Вскоре «Товариществом Братьев Нобель» на Мордовщиковской верфи (ныне Окская судовой верфь) была заказана целая партия барж этого типа³.

Знаменательной вехой в истории судоходства стало появление первых пассажирских теплоходов постройки Коломенского

завода по заказу общества «Кавказ и Меркурий». Не отставали и буксирные теплоходы. Пароходы, казавшиеся воплощением мощности, развивали скорость до 35 верст по течению, и можно было только поражаться, какой колоссальный груз они могли буксировать⁴.

Речной транспорт дореволюционной России был одним из основных и самых востребованных видов транспортного сообщения, развитым на очень высоком уровне, и представлял собой сложный производственный комплекс, состоявший из флота, водных путей, пристаней и судоремонтных мастерских. Общая протяженность водных путей России к началу войны составляла 386 200 км, их них сухоходных – 93 900 км⁵.

Обслуживанием этого огромного речного хозяйства были заняты десятки тысяч работников различных специальностей и уровней подготовки. В то же время специально организованной подготовки кадров для речного транспорта не велось. Капитанами, их помощниками, машинистами становились чаще всего иностранцы. Были они и среди команды, но довольно быстро поднимались из матросов до высоких должностей⁶.

Требования к командному составу были изложены еще в 1781 г. в «Уставе Купеческого водоходства по рекам, водам и морям» (гл. II), который разрешал работу на судах «корабельщиков или судовщиков, кормчих или штурманов и лотцов, знающих ход реки и вод, глубины тех рек или вод, по коим им вести корабль»⁷.

В договоре волжского «Товарищества торговли и пароходства М.Е. Башкирова» с капитаном буксирного парохода «Минск» И.И. Кремневым прописано требование «соблюдать всегда и во всем интересы Товарищества, повсюду охранять его права», но уволить капитана можно было «во всякое время» за «неисправности и нерадение»⁸.

Жизнь обычного водника в разных ее аспектах представляла собой довольно печальное зрелище. «Непривычный человек может упасть в обморок в этом помещении, которое насквозь пропитано сыростью и плесенью, в атмосфере зловонных испарений, идущих от трюмных вод. Здесь царит постоянная непроглядная тьма: окна, если они и имеются, тщателью законопачиваются, так как дождь и брызги речных волн хлещут прямо в окно... О более или менее совершенной вентиляции не может идти и речи. Железные стены парохода не пропускают воздуха, а единственный путь сообщения с внешним миром – люк – наглухо закрывается самими же матросами во избежание холода... Трюм отапливается паром, но, при полном отсутствии регуляторов, неизбежны резкие колебания температуры, начиная от накаливания трюма и кончая полным его охлаждением...»⁹.

Не удовлетворяли самым минимальным требованиям санитарии и гигиены и обычные постройки – деревянные дома, предназначенные для жилья судовых команд в затонах. «Квартиры рабочих не имеют сеней, а открываются прямо на улицу. Воздух то... насыщен водяными парами... то чрезмерно сух вследствие усиленного накаливания печей. Переполнение помещений доходит до того, что воздух в комнате становится невыносимо тяжел, и сами обитатели квартир выдергивают мох из сруба и образуют большие щели у своего изголовья. При таких условиях ночью царит невыносимый холод»¹⁰.

Кабальная система труда обуславливалась бесправным положением, забитостью, отсутствием государственных законоположений, в которых хотя бы формально защищались интересы рабочего-водника. Судовладельцы расходовали рабочую силу самым расточительным образом, имея в резерве колоссальную армию труда. Вахты несли в две смены, по 12 часов. При этом только вахтами рабочее время судовых рабочих не ограничивалось, часто оно продолжалось до 18 часов в сутки: «На рабочего наваливают массу дел, от которых он не может отказываться ни в какое время дня или ночи. Во время нагрузки, грузки, перегрузки, отлива воды, загрузки дров, переводки судов никто ни под каким предлогом отказываться права не имеет. Таково правило»¹¹.

Хозяева широко пользовались этим правилом, которое они внесли в договор найма, совершенно не признавая право рабочего на отдых. Не считаясь с необходимостью поспать хотя бы немного после рабочего дня, команды для погрузки и разгрузки назначались на всех промежуточных станциях. Судовладельцам незачем было держать штат грузчиков, сами матросы за ничтожную плату выполняли эту работу¹².

Судовладельца не интересовало сохранение этой ценной рабочей силы. Вот, например, как характеризовал положение водников санитарный врач: «Спали кочегары на полах, шириною в доску. Надо быть очень утомленным, чтобы заснуть на этих узких и коротких нашествиях, причем в ближайшем соседстве с паровой топкой. Из-за скученности и грязи в жилых помещениях, отсутствия вентиляции многие рабочие и матросы болели кожными и желудочно-кишечными болезнями, нередко были на судах эпидемические заболевания, уносившие много жизней»¹³.

Десятки миллионов пудов разных товаров, которые шли по рекам России, переносили с берега на суда и обратно десятки тысяч грузчиков, работавших в горячее время по 16–17 часов в сутки. Только на Волге грузчиков было более 35 000, причем каждый из

них перетаскивал на спине за день от 300 до 800 пудов, поэтому после нескольких лет такого непосильного труда здоровый человек становился калекой. В ряду заболеваний первое место по количеству больных занимал брюшной тиф, имевший благодатную почву для развития в связи с употреблением загрязненной сырой воды, которую не кипятили ради экономии. Далее следовали другие желудочно-кишечные заболевания, кожные болезни, причиной которых были антисанитарные условия жизни. Но особенно сильно страдали рабочие от несчастных случаев, возникавших из-за преступного отношения судовладельцев к обеспечению техники безопасности на судах¹⁴.

Судостроением и судоремонтом занимались крупные заводы, такие как Сормовский, Коломенский, Ижорский и другие, но большую часть судоремонтных предприятий составляли мелкие кустарные мастерские, технически очень слабо оснащенные. Речных портов в России не было. Загрузка и разгрузка судов осуществлялись у причалов, представлявших собой небольшие участки необорудованного берега, находящиеся во временном пользовании судовладельцев. Грузы здесь хранились на деревянных настилах или прямо на земле. Простейшие причальные устройства и склады имелись только в некоторых крупных городах. Перегрузочные работы производились обычно вручную, что требовало значительного времени и увеличивало простои.

Основными грузами на речном транспорте были нефть (32% грузооборота), лес (25,8%) и зерно (17,2%). Нефть и нефтепродукты перевозились в основном по Волге и ее притокам, причем из 10,3 млн т нефти, добывавшейся в 1913 г. в стране, 5,3 млн т перевозил речной транспорт. Лес доставляли по Волге, Каме, Вятке, а также рекам Севера и Северо-Запада. Потоки хлебных грузов шли из пунктов Волги через Мариинскую систему и далее в Петербург, а также по Дону на Ростов и по Днепру до Херсона. Из Петербурга и Херсона часть хлеба отправлялась на экспорт. Из общего грузооборота речного транспорта 94,3% приходилось на европейские бассейны (в том числе Волжско-Камский – 70,6%). По Ангаре, Енисею, Лене и другим рекам Сибири и Средней Азии перевозили всего несколько тысяч (иногда сотен) тонн за навигацию (5,7%).

Начало XX в. ознаменовалось весьма важным событием в мировом судоходстве, когда Россия в очередной раз заявила о себе как о крупной судостроительной державе: на построенном Сормовским заводом нефтеналивном судне «Вандал» были установлены двигатели внутреннего сгорания, работавшие на нефти вместо керосина. В 1903 г. первый в мире теплоход вышел в рейс. На следующий год

был готов «Сармат» – второй теплоход, значительно усовершенствованный по сравнению с «Вандалом». Затем по Волге пошли первый в мире буксирный теплоход «Мысль», пассажирский колесный теплоход «Урал» и, наконец, знаменитый винтовой теплоход «Бородино». Однако на речном транспорте в те годы не было единых условий перевозок, общих тарифов. Каждый судовладелец устанавливал их по своему усмотрению, что сыграло негативную роль в военные годы.

Если к использованию во время войны железнодорожного транспорта правительство и готовилось, хотя бы в мобилизационный период, то подготовки к использованию водного транспорта не было никакой, поэтому водный транспорт во время войны в достаточной степени использован не был. В годы Первой мировой войны развитие речного транспорта в стране практически приостановилось, если не считать работ по реконструкции некоторых водных путей. Флот с 1916 г. не ремонтировался, строительство судов прекратилось. Грузооборот ежегодно снижался и в 1917 г. составлял лишь 53% довоенного уровня¹⁵.

Россия владела лучшим в мире речным флотом, но не имела ни одного порта, располагавшего техникой и механизмами. Все погрузочно-разгрузочные работы выполнялись вручную. Происходила разгрузка так: два грузчика взваливали на спину третьему тяжелый тук, с которым он поднимался из трюма на лестницу, проходил по мосткам, заходил на дебаркадер, вновь спускался по сходням, рискуя ежеминутно зацепиться, поскользнуться или выйти из равновесия от столкновения с идущими навстречу людьми¹⁶.

Начавшаяся война внесла коррективы в состав водников. Основная часть ремонтников и речников была мобилизована в армию. Освобождение от военной службы получили только командиры, машинисты, помощники машинистов, лоцманы и штурвалы. В связи с массовой мобилизацией сельского населения пополнение рабочей силы, особенно грузчиков, резко сократилось. Более того, в годы войны водники массами уходили в другие сферы производства по причине чрезвычайно низкой заработной платы. В 1916 г. были нередки случаи, когда суда не могли выйти в рейс из-за отсутствия команд. Недостаток грузчиков сильно влиял на погрузо-разгрузочные работы¹⁷.

Не всем война приносила страдания, нищету и голод. Крупных судовладельцев она обогащала. Вследствие большой загруженности железных дорог перевозки на водном транспорте значительно возросли. К 1916 г. средние фрахты на Волге возросли

по сравнению с 1911 г. в 5 раз, соответственно этому увеличились и прибыли пароходчиков, достигнув небывалых размеров¹⁸.

Судовладельцы требовали от правительства освобождения от мобилизации в армию рабочих и служащих водного транспорта и добились этого. Вопреки ожиданиям заметного притока рабочей силы не последовало. Комплектование судовых команд к навигации 1916 г. шло с большим трудом, к марту многие пароходные общества имели одну треть необходимого состава рабочих. Недостаток судовых рабочих ощущался в течение всей навигации 1916 г. Перспектива на следующий год была еще более мрачной.

В 1916 г. в связи с полным расстройством железнодорожного и водного транспорта был создан особый Центральный междуведомственный распорядительный комитет по водным перевозкам, которому формально были предоставлены довольно широкие полномочия. Основные задачи комитета – обеспечение перевозки основных воинских грузов, их упорядочение путем составления планов и установления очереди отправления грузов в зависимости от срочности их поставки, распределения их между судоходствами, установления твердых цен за перевозки, равно издание общих предписаний по указанным вопросам, увязывание водных перевозок с железнодорожными. Также в его обязанности входила помощь судовладельцам в постройке и ремонте судов. Однако существенного изменения ситуации с перевозками, как того хотело правительство, не произошло: во-первых, Положение об этом комитете было утверждено лишь 17 января 1916 г., т. е. спустя полтора года с начала войны, во-вторых, члены комитета не хотели или не смогли умирить аппетиты судовладельцев, поднявших цены за провоз грузов¹⁹.

Протяженность водных путей почти в 4 раза превышала протяженность железнодорожных, в 10 раз – дорожных, при этом годных для судоходства путей было немногим более половины. Однако правительство водный транспорт и судоходные пути в мирное время к войне не готовило, ибо прецедентов речных войн мировая история не знала. Во время Первой мировой войны возникла необходимость использования рек для армейских перевозок, так как во фронтовых условиях они являлись идеальными путями сообщения, особенно в период распутицы. При проводке караванов требовалась их охрана от попыток неприятеля перекрыть движение грузов. Кроме этого, владение рекой давало возможность проводить фланговые обстрелы противника, высадки десантов и другие операции²⁰.

Поскольку протяженность водных путей сообщений страны к началу войны составляла более 150 тыс. км, не использовать

такие возможности было просто недопустимо. Но государство все средства направляло на войну, водному хозяйству доставались лишь остатки. Так, при общих расходах на военные нужды в сумме 41,4 млрд руб. на оборудование водных и железнодорожных путей было выделено только 79,7 млн руб. (0,02%)²¹. Говорить в данной ситуации о мероприятиях, оперативное проведение которых позволило бы усилить позиции России в предстоящей войне, когда предстояли переброски огромных масс личного состава, вооружения, продовольствия и топлива на значительные расстояния в самые кратчайшие сроки, просто не приходится.

Расстройство водных путей во время войны и значительное их недоиспользование главным образом объясняется ухудшением эксплуатации речного флота, происшедшей в связи с мобилизацией командного состава, невозможностью получения материалов для ремонта, острым недостатком топлива, ушедшего на нужды армии, и, конечно, распыленностью судовых средств между отдельными пароходствами при полном отсутствии планов перевозок. Образовалась значительная диспропорция между потребностями в перевозках и возможностями их совершения. Даже падение грузооборота не позволило водному транспорту справиться со сниженными потребностями. А поскольку перевозки были результатом соглашений с судовладельцами, это обстоятельство еще более усугубляло положение.

Попытки использовать водный транспорт в войне со стороны правительства все же были. 17 января 1915 г. военное ведомство в лице Генерального штаба по ходатайству Главного военно-технического управления разместило заказы на постройку речных бронированных кораблей. В 1917 г. военное ведомство на водных путях России располагало 9 канонерскими лодками, 18 катерами-разведчиками, 30 броневыми лодками, 30 разъездными катерами. Завершали этот скромный перечень 720 самоходных понтонов и 32 шлюпки-тральщика²². Очевидно, что при таком количестве средств водного транспорта ни о каком полноценном обеспечении боевых действий на реках не могло быть и речи.

Таким образом, Первая мировая война кардинально изменила условия работы всех видов транспорта, появился новый его потребитель – вооруженные силы. Именно он резко изменил картину нормального грузооборота как в количественном, так и в качественном отношении. Со всей остротой встал вопрос о наличии глубоких противоречий между интересами частных судовых компаний и государственной необходимостью. Нежелание императорского и Временного правительств даже в малой степени нарушить интересы

судовладельцев и большая раздробленность водного хозяйства по отдельным собственникам сделали невозможным его использование в военное время.

Подготовка водного транспорта к двойной работе по обслуживанию фронта и тыла в России до войны не велась. Обеспечение перевозок вооруженных сил фронта осуществлялось за счет значительного сокращения перевозок тыла, что привело к еще большему обострению и углублению противоречий в разоренной войной стране. Призыв рабочей силы в армию, лишение мастерских рабочих материалов, недостаток топлива окончательно обескровили водный транспорт.

Господство ручного труда на водном транспорте и отсутствие промышленной базы для строительства новых средств водного транспорта в период, предшествовавший войне, обрекли водников на медленные темпы строительства и привели к загромождению тылов огромным количеством строительных рабочих.

Ввиду своей полной неготовности к войне водный транспорт не сыграл своей роли в деле помощи и разгрузки железнодорожного транспорта, значительная часть которого была сосредоточена на перевозке воинских грузов. Его мощностей было недостаточно для тех требований, которые предъявляла война с ее огромными армиями и материальными ресурсами.

Использование даже имеющегося транспорта проводилось чаще всего стихийно, при отсутствии единого перевозочного плана. Согласование перевозок с владельцами судов отнимало значительное время, факторы внезапности, оперативности и скрытности при переброске войск теряли свою актуальность.

Совокупность всех вышеперечисленных причин помешала правительству организовать работу речного транспорта в условиях войны, что существенно снизило его роль в обслуживании фронта и тыла. Речной транспорт, как и вся Россия, испытания войной выдержал ценой огромных потерь.

Примечания

¹ Состояние водного транспорта СССР. М., 1933. С. 8.

² Речной транспорт СССР: 1917–1957 гг. М., 1957. С. 11.

³ Завод Нижегородский теплоход: время строить флот. СПб., 2011. С. 17.

⁴ *Спакович Н.А.* Волжская речная флотилия // Гражданская война в России: Борьба за Поволжье. М., 2005. С. 143.

⁵ *Васильев Н.Г.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 27.

- ⁶ *Миндовский В.А.* К 100-летию Волжского пароходства. Буй, 1920. С. 12.
- ⁷ Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям. М., 2012. [Репринт 1781 г.]
- ⁸ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2444. Оп. 1894. Д. 57. Л. 4.
- ⁹ *Канель В.Я.* Судорабочие и судовладельцы: К вопросу об условиях труда в бассейне Волги. М., 1906. С. 29.
- ¹⁰ Там же. С. 32.
- ¹¹ Там же. С. 33.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Ципоруха М.И.* Волга и волгари в истории России. М., 2013. С. 154, 155.
- ¹⁴ Большая Волга [Нижний Новгород]. 1887. 1 авг.; 4 авг.
- ¹⁵ *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России: 1914–1917 гг. М.; Л., 1926. С. 117, 118.
- ¹⁶ *Канель В.Я.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁷ *Васильев Н.Г.* Указ. соч. С. 119.
- ¹⁸ Водный транспорт. 1927. № 11. С. 436.
- ¹⁹ *Васильев Н.Г.* Указ. соч. С. 120.
- ²⁰ *Черников И.И.* Речной флот военного ведомства в 1915–1917 гг. // Гангут. 2000. № 23. С. 110.
- ²¹ *Клаус Р.* Указ. соч. С. 12.
- ²² *Черников И.И.* Указ. соч. С. 38.

Российская политическая эмиграция
в европейском контексте начала XX в.
(по воспоминаниям художника Н. Прахова)

В статье на основе воспоминаний Н.А. Прахова, хранящихся в отделе рукописей Третьяковской галереи, освещена история колонии русских эмигрантов на острове Капри. Главное внимание уделяется деятельности каприйской школы пропагандистов и М. Горького. Российские революционеры и представители творческой интеллигенции вели на Капри активную общественную деятельность, которая, несмотря на лояльное отношение, вызывала беспокойство у местного населения и властей.

Ключевые слова: большевики, творческая элита, Италия, Капри, эмиграция, школа пропагандистов, М. Горький, Н.А. Прахов.

Представители российской творческой интеллигенции в начале XX в. активно путешествовали за пределами России. Одним из излюбленных мест оказалась Италия, колыбель многих искусств. Восприятие Николая Адриановича Прахова (18 мая 1873, Рим – 25 ноября 1957, Киев), художника и искусствоведа, человека, с детства окруженного выдающимися российскими художниками, отражено в его воспоминаниях. Они сохранились в архивном фонде Прахова в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ГТГ). Его отец, Адриан Викторович, историк, искусствовед, художественный критик, археолог, был близок с И. Репиным, дал путевку в жизнь М. Нестерову. Мать Н.А. Прахова – Эмилия Львовна Прахова, пианистка, ученица Ф. Листа, ее портреты писали И.Е. Репин, В.А. Котарбинский, М.А. Врубель. Семья Праховых и ее окружение были типичными представителями русской интеллигенции – беспокойной, часто ездившей в Европу, интересующейся всеми общественными движениями.

Прахов провел в путешествиях значительную часть жизни. Он побывал во Франции и Германии, но страной, с которой Прахов был наиболее тесно связан, оказалась Италия. В воспоминаниях он пишет: «Я родился в Италии, в “Вечном Городе” – Риме... Конечно, ни в выборе места рождения, ни способа питания моя личная воля никакого участия не принимала, но, может быть, от того, что начало жизни было положено под сине-синим небом Италии, я всю жизнь испытывал два ярких чувства: любовь и влечение к этой стране. Профессия моего отца, историка искусств, постоянный круг его знакомств и дружбы, состоявший из деятелей науки и искусств, рассказы отца и матери о Риме, Неаполе, Помпеях, Сицилии, а позднее его поездки за границу, неизбежно приводившие в Италию, по пословице: “Все дороги ведут в Рим”».

В осознанном возрасте автор поехал в Италию осенью 1896 г. на три недели, посетив по пути Вену, Рим, Венецию и Геную. Интересно его восприятие смены пейзажа за окном при выезде из Российской империи: «После широкого простора русских полей, после болот и пустырей Полесья показались игрушечными маленькие, по линейке разбитые прямоугольники Австрийской земли. Точно грядки в любительском огороде, красиво подобранные под цвет. Каменные города с историческими названиями мелькают один за другим. Мы видим станции, похожие и здесь одна на другую, как и везде. Те же Депо, водокачки, пакгаузы, те же поворотные круги и стрелки, те же семафоры... Только архитектура другая и материал построек и их расцветка иные. В России, по преимуществу, желто-зелено-коричневые, деревянные здания; в Австрии – кирпичные, а здесь каменные постройки с отражением в них “романского” стиля»¹.

Генуя потрясла Н.А. Прахова своими ароматами: «Мягко шуршит под резиновыми шинами колес шипучий морской гравий, в воздухе опьяняющий запах цветущих апельсиновых деревьев и пряный запах морских водорослей»². Рим не произвел на Николая Адриановича ощущения какого-то нового, чужого города, он пишет: «Самое большое впечатление произвел на меня тот факт, что в Риме все для меня было свое, давно хорошо знакомое, точно от рождения не выезжал из родного, уютного города. Новы были только размеры и цвета»³. Николай Адрианович посещает доступные достопримечательности, в том числе римские катакомбы, где его поражает католический священнослужитель, проводивший экскурсию: «траппист⁴ – молчальник, освобождаемый от обета на время службы, он давал волю своему языку. После мрачных, невежественных лаврских монахов казалась удивительно симпатичной

веселость и светская обходительность, видимо, довольного жизнью человека»⁵.

В 1900 г. Прахов посещает Всемирную выставку в Париже, где в течение шести недель изучает новые течения в живописи. Осенью 1902 г. он женится на художнице Анне Крюгер⁶, они вместе путешествуют по Италии, проведя на этот раз там уже шесть месяцев. Семейство Праховых, объехав еще больше итальянских городов, отправилось в Неаполь. Этот город произвел неизгладимое впечатление на Николая Адриановича необыкновенными манерами местных жителей, своей «темпераментностью».

«Неистовое шелканье бичей и громкое змеиное шипение: “Псст! Псст! Псст!”», раздающееся со всех сторон, оглушают иностранца, едва только вышедшего из вокзала на площадь. Это неаполитанские извозчики так бурно приветствуют Ваш приезд»⁷.

Извозчики, по Н.А. Прахову, совершенно особенная категория людей в Неаполе, весьма опасная. Местные жители никогда не торгуются с извозчиками, чтобы не навлечь на себя их немилость. «Жест в Неаполе часто заменяет слово. Он также выразителен, как диалект, сокращенные слова которого с успехом заменяют длинные литературные выражения»⁸. Однажды Николай Адрианович поинтересовался у своего знакомого неаполитанца, почему извозчик, услугами которого он регулярно пользуется, постоянно крутит кулаком под подбородком, на что знакомый, посмеявшись, ответил, что так в Неаполе демонстрируют всем, что разговаривают с дураком⁹.

В 1902 г. Прахов с женой первый раз оказались на острове Капри. В одной из своих рукописей, датированной 1940-ми годами, Прахов пишет про Капри: «для нас, граждан первого в мире социалистического государства, он славен тем, что здесь много лет жил, работал и творил великий пролетарский писатель – Максим Горький. “Да здравствует Горький, да здравствует Россия, да здравствует социализм!” – такими плакатами и надписями мелом и углем от руки были испещрены стены домов, витрины и ставни магазинов. Это неаполитанские и каприйские социалисты и анархисты устраивали овацию тому, кого считали борцом за справедливое дело рабочего класса, за социальную революцию, за мировой пролетариат»¹⁰. Важно отметить, что подобное описание отношения к Горькому на Капри обусловлено тем временем, когда писались воспоминания.

Мемуары написаны очень живо, образы рабочих и местных обывателей переданы ярко, фотографически отчетливо, но в тексте отсутствует что-то крайне существенное. То, чего автор старается не касаться, хотя именно ради этого прибывают на Капри рабочие,

и не только они. Всего одним предложением Прахов перечисляет тех, кто, помимо Горького и Луначарского, живет на острове, а ведь это ярчайшие русские интеллектуалы рубежа XIX–XX вв. Среди них крупнейшие издатели – К.П. Пятницкий, И.Д. Сытин, Е.А. Ляцкой, известные писатели – Л. Андреев, И. Бунин, М. Коцюбинский, публицисты – А.В. Амфитеатров, С.Я. Елпатьевский, С.И. Гусев-Оренбургский, В.С. Миролубов, театральные деятели – В.И. Немирович-Данченко, А.Л. Волынский. Список далеко не полон: в нем нет А. Богданова, В. Базарова – соратников Луначарского по «философской» полемике, надолго определившей не только судьбу русской философии, но и судьбу России в XX в. Многие внесли определенную сумму на устройство школы (взносы делали также Ф.И. Шаляпин, А.В. Амфитеатров, сам Горький, М.Ф. Андреева). Многие были лекторами каприйской школы. И, конечно, не назван В.И. Ленин, к деятельности этой школы относившийся резко отрицательно.

А.В. Луначарский в 1927 г. подтвердил: действительно, остров Капри выбран для партийной школы потому, что на нем «сидел» Горький. Многие из приезжавших на Капри считали, что «в приготовлении разыгравшейся в России великой драмы Горький, несомненно, сыграл одну из главных ролей»¹¹.

Если фигура Луначарского отодвигалась на периферию предреволюционной и ранней советской истории, то фигура Горького всегда была в ее центре, причем с положительной коннотацией (роман «Мать», «Буревестник», «Горячее сердце Данко»). И никаких «Несвоевременных мыслей»; о них специалисты будут помалкивать, до широкого читателя они дойдут только в 1990-е годы. У Прахова – фигура Горького в центре: он, как магнит, собирал вокруг себя не только революционеров. В действительности, 1908–1909 гг. для Горького – годы поисков, противоречий, заблуждений. Он пережил увлечение богостроительством А. Луначарского и разрыв с ним, интерес к философии А. Богданова и разочарование в В. Базарове.

Н.А. Прахов активно участвовал в создании курсов пропагандистов для школы, в которой преподавал Горький. Он организовал общежитие для съехавшихся рабочих на Villa Pasquale, руководил их прогулками на Капри, в Неаполе и Помпеях. Был одним из учредителей «Общества помощи и содействия русским, живущим в Неаполе и на Капри». Организационные собрания и выборы правления происходили у Горького на Villa Behring в сентябре 1909 г. Прахов вспоминает, что перед тайным голосованием Горький просил не выставлять его кандидатуру, поскольку «работа и состояние здоровья не позволяют ему часто ездить в Неаполь, где, в сущности, и должна вестись вся работа среди многочисленного студенчества»¹². В состав

первого правления были избраны Н.А. Прахов (председатель), Антонов (секретарь) – студент Неаполитанского университета, А.В. Луначарский, Г.И. Шрейдер и М.Н. Лядов-Мандельштам.

Захваченный идеей создания школы для рабочих, возможностью осуществить давнюю мечту – нести культуру в широкие народные массы, – Горький не замечал, что некоторые организаторы школы с самого начала имели совсем иные цели, нежели просвещение русского пролетариата. В школе читались лекции не только по истории литературы и искусства, одновременно рабочие проходили курсы политической экономии, философии, истории, теории и истории профессионального движения, занимались вопросами современной политической борьбы. Курсы читали настроенные оппозиционно по отношению к Ленину и большевистскому руководству Богданов, Базаров, Луначарский (его-то только и упоминает Прахов в 1939–1940 гг.) – люди, проповедующие эмпириомонизм и богостроительство. Политически они стояли на позициях отзовизма и ультиматизма, которые противоречили тактике ленинцев после Первой русской революции. После прохождения курса школы рабочие должны были вернуться на родину (это было обязательным условием зачисления в школу) и вести там широкую агитационную и пропагандистскую работу. Так отзовисты получали подкрепление для распространения своих идей в России. Ленин и руководство большевиков резко выступили против организации школы для рабочих на Капри. «Атмосфера взаимной нетерпимости» – так характеризовал отношения между школой и руководством большевиков Луначарский¹³. Со временем противоречия усугубились еще более, когда группа учеников выступила против лекторов и уехала в Париж, где встретила с Лениным.

Вся эта история удручающе действовала на Горького. В ноябре 1909 г. М.Ф. Андреева писала Н.Е. Буренину: «...здоровье Алеши очень плохо... Он тоже страшно огорчен и удивлен, так как такого разочарования и он не ждал»¹⁴. Тогда же она писала И.П. Ладыжникову: «За последнее время мне пришлось пережить такие ужасные, такие совершенно невероятные разочарования, пришлось убедиться в мелочности и нечестности таких людей, которые для меня были Человеками с самой большой буквы... Предупреждаю Вас – я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и К^о, – “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить – не хочу играть с Вами в прятки. Думаю, что Вы меня довольно знаете, чтобы верить, что верую я в дело крепче и горячее, чем когда-либо, а вся беда в том, что я верная собака при Алексее Максимовиче и его “слопать” для мелочного самолюбьишка, насколько только

силы мне хватило, не допускала, то есть не позволяла надувать его, когда видела всякие подходы и штуки»¹⁵.

Русская литературная публика, приезжавшая на Капри в связи с издательской деятельностью Горького, способствовала возникновению литературно-политического центра, «настоящей русской политической и литературной колонии». О жизни этой колонии журналист М.К. Первухин в 1907 г. опубликовал очерк «У Горького на Капри» в газете «Одесские новости». Каприйские воспоминания послужили ему основой для книги «Большевики» («I bolsceviki», 1918), содержащей нелицеприятные портреты Л.Д. Троцкого, В.И. Ленина, А.В. Луначарского. В связи с возможностью вторичного приезда Горького на остров в 1924 г. Первухин поместил в каприйском журнале «Островные ведомости» («Pagine dell'isola») статью о «русском Капри» периода первого пребывания А.М. Горького в Италии (этот текст в настоящий момент имеет раритетную ценность, так как не переиздавался). Первухин считал, что создание Горьким каприйской школы стало важнейшей вехой на пути к Октябрьской революции 1917 г. Итальянский исследователь С. Гардзонио сообщает о том, что в наследии Первухина остались неизданными «очень живые записки о “гнусной роли” Горького в русской каприйской колонии, находящиеся в архиве “Русского слова”»¹⁶.

Прахов оказался в одном из важных центров российской социал-демократии, и его воспоминания важны как непосредственные свидетельства очевидца и участника ряда событий. Как писал Николай Адрианович, «жить на Капри и не быть знакомым с Максимом Горьким значило то же, если не больше, что быть в Риме и не видеть папу Римского»¹⁷. Согласно воспоминаниям самого Горького, на итальянском острове было очень много русских, «набралось на Капри нижегородцев – человек 600»¹⁸.

В.И. Ленин приезжал на Капри дважды: в 1908 и 1910 гг. Первый его приезд был весьма быстрым и достаточно напряженным. Он пробыл на острове всего шесть дней. Горький, веривший в позитивную роль школы для дела партии, надеялся на примирение Ленина с Богдановым, Базаровым и Луначарским, однако результат был прямо противоположным: Ленин объявил «о безусловном расхождении с ними»¹⁹.

Н.А. Прахов оказался в самом центре разгоравшейся деятельности каприйской школы. Он сводит свои воспоминания к курьезным фактам, привлечшим внимание местной полиции, к «немецким шпиикам» и старательно обходит события, связанные с деятельностью школы. Некоторые его воспоминания об этом периоде уже опубликованы. Однако в фонде Н.А. Прахова в Третьяковской

галерее остается много материалов, способных раскрыть данную тему глубже. Одним из таких интересных документов является «Доклад на экстренном собрании русской каприйской колонии», прочитанный 30 августа 1909 г., в 1950-е годы автор сделал его рукописную копию.

На собрании присутствовали: Гольдберг, Ширкес, Лядов, Луначарский, Пешков Зиновий, Соколовский, Антонов, Богородский, Дорман, Прахов, Арбатский, Шрейдер, Шрейтерфельдт, Лоренц, Сикорская, Благушин, Прахова, Григорий Алекс, Флора Шрейдер, А.М. Щербина, А.В. Щербина, Соколовская, Грибкова, Львова, Юрий Желябужский²⁰.

Н.А. Прахов сообщил о разговоре с неким англичанином г-ном Кларком. Тот в негодовании сообщил Прахову о том, что русские на Капри ведут себя непорядочно, упоминая какую-то публикацию в русской газете, где оскорбляли каприйцев. Николай Адрианович пытался сгладить ситуацию, объяснить, что данная статья не совпадала с мнением большинства русских, находившихся на Капри. Рассуждая о предотвращении подобных ситуаций в дальнейшем, Прахов предложил создать представительство русских. Кларка беспокоила политическая ориентация представительства. Прахов пытается уверить собеседника, что оно будет аполитично. Кларк интересовался: «А будет в обществе участвовать *signore Gorki?*» – «Как член русской колонии г. Горький принимает участие в этом деле, но не как покровитель проектируемого общества, которое желательно создать на возможно более демократических началах», – отвечал ему Николай Адрианович²¹.

Вечером того же дня он доложил о состоявшемся разговоре Горькому, в присутствии Луначарского и Г.И. Шрейдера²². Совместно решено срочно разрешить эту ситуацию. Для этого они вместе с Праховым отправились опрашивать местных жителей: «В разговоре с этими лицами, а также другими лично мне известными итальянцами никто не упоминал о грозящей опасности или иного политического или анархического акта»²³.

Все участники собрания согласились выработать текст обращения к каприйцам от имени русских, переслать в «Pro Carpi» и «Paros chia», прочесть его некоему Синдаку. Исходя из содержания документа можно сделать вывод, что недовольство каприйцев для русской колонии стало большой неожиданностью. Местное население в целом было благодушно настроено по отношению к русским. С одной стороны, русские приносили итальянцам весьма существенный доход, с другой, хоть каприйцы и побаивались «анархических» актов, идеи социализма во многом поддерживали.

Воспоминания Н.А. Прахова содержат важные уточнения, в том числе, и о серьезных происшествиях в российских политических сообществах, об их деятельности в Европе.

Примечания

- 1 Государственная Третьяковская галерея (ГТГ). Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 10. Л. 6.
- 2 Там же. Л. 6–7.
- 3 Там же. Л. 16.
- 4 Трапписты – орден цистерцианцев строгого соблюдения (*лат.* Ordo Cisterciensis Strictioris Observantiae), католический монашеский орден, ответвление цистерцианского ордена, основанный в 1664 г. А.-Ж. ле Бутилье де Рансе.
- 5 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 10. Л. 19.
- 6 Крюгер-Прахова Анна Августовна (1876, Киев – 1962, Киев) – художник-анималист, соавтор декорирования собора Святого Владимира в Киеве.
- 7 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 2. Л. 1.
- 8 Там же. Л. 10.
- 9 Там же. Л. 11.
- 10 Там же. Д. 58. Л. 6об.–7об.
- 11 *Ариас М.* Одиссея Максима Горького на «острове сирен»: «русский Капри» как социокультурная проблема // *Toronto slavic quaterly*. Ун-т Торонто. Интернет-журн. 2006. № 17. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/arias17.shtml> (дата обращения: 17 января 2016).
- 12 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 4. Л. 6.
- 13 *Луначарский А.В.* Великий переворот. Пг., 1919. С. 47.
- 14 Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М., 1961. С. 138.
- 15 Там же. С. 137.
- 16 *Ариас М.* Указ. соч.
- 17 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 58. Л. 9.
- 18 *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1975. С. 69.
- 19 Там же. С. 81.
- 20 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 280. Л. 10об.–11.
- 21 Там же. Л. 5об.
- 22 Григорий Ильич Шрейдер (28 марта 1860 – 19 марта 1940) – российский экономист, публицист. Член партии эсеров. В 1917 г. – городской голова Петрограда.
- 23 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 280. Л. 10.

Предприниматели в Крыму при власти генерала П.Н. Врангеля (1920 г.)

В статье рассматриваются численность, состав и деятельность предпринимателей на территории Крыма в 1920 г., когда полуостров занимала армия генерала П.Н. Врангеля. Главное внимание уделяется торговой деятельности предпринимателей на внутреннем рынке, а также их роли в экспортных и импортных операциях. Раскрывается взаимосвязь между деятельностью предпринимателей и экономическим кризисом в Крыму.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, правительство П.Н. Врангеля, предприниматели, торговля, спекуляция, коррупция.

В апреле 1920 г. остатки Вооруженных сил на юге России, которые возглавил генерал П.Н. Врангель, оказались заперты Красной армией в Крыму. Новый главнокомандующий и созданное им правительство стремились предельно полно мобилизовать скудные хозяйственные ресурсы и средства полуострова. Однако это невозможно было сделать без участия предпринимателей Крыма, как местных, так и бежавших от большевиков из центральных районов страны.

Между тем, как показал опыт 1919 г., в условиях растущего обесценивания рубля и инфляционной паники¹, даже при успешном наступлении войск генерала А.И. Деникина на Москву предприниматели в погоне за сверхприбылью изымали капиталы из сферы производства и направляли их на спекулятивные махинации². Спекуляция стала основной деятельностью предпринимателей, особенно в области внешней торговли и поставок в армию заграничных промышленных товаров. При этом торговцы за взятки

обеспечивали себе поддержку чиновников. И никакие меры правительства Деникина по борьбе со спекуляцией и связанной с ней коррупцией положительного результата не дали³.

В 1920 г., когда «белая» территория сжалась до Крыма и северных уездов Таврической губернии (были заняты армией Врангеля в июне 1920 г.), предприниматели оценивали положение власти генерала Врангеля как крайне неустойчивое и недолговременное. И в то время как правительство Врангеля стремилось поощрять владельцев предприятий к их восстановлению, к увеличению выпуска товаров, необходимых армии и населению, те меньше всего беспокоились о восстановлении производства. В Крыму царили топливный кризис и разруха на транспорте, курс рубля падал, а дороговизна росла на все, включая рабочие руки, минимальные запасы сырья имелись на рынке по спекулятивным ценам. Наконец, Крым был отрезан Красной армией от Кавказа, казачьих областей, малороссийских и центральных российских губерний – своих традиционных источников получения топлива и сельскохозяйственного сырья и рынков сбыта своей продукции. В этих условиях восстановление промышленного производства на полуострове экономически было невыгодно, ибо не гарантировало даже «нормальной» предпринимательской прибыли, зато спекуляция, особенно в сфере хлебной торговли, приносила баснословные барыши⁴.

Поэтому, как и в 1919 г., предприниматели перекачивали капиталы из производственной сферы, не гарантировавшей даже «нормальной» прибыли, в торговую, где в условиях товарного голода можно было получить сверхприбыль за счет одной только конъюнктуры, причем на внешнеторговых операциях – в иностранной валюте, которая давала возможность перенести бизнес в благополучные западные страны.

Надеясь на победу армии Врангеля как на чудо, предприниматели не видели выгод от восстановления предприятий, которые скоро могут достаться большевикам. Кроме того, над каждым предприятием на территории белых постоянно висела угроза секвестра, реквизиции, принудительной аренды на невыгодных условиях и просто разграбления, что нередко практиковалось военным командованием и военными местными властями «в интересах фронта», особенно в периоды поражений и отступлений. Поэтому буржуазия считала своей первостепенной задачей, своим «законным правом» усиленным экспортом сырья и спекулятивными махинациями на внутреннем рынке под защитой Белой армии накопить побольше иностранной валюты и вовремя, до прихода большевиков, успеть эвакуироваться из Крыма⁵.

Предпринимательские круги в Крыму и Северной Таврии, численность которых достигала 100 тыс., в основном состояли из русских, армянских, еврейских и украинских финансистов, торговцев и промышленников, многие из которых приехали из Петрограда, Москвы, Киева, а также городов Северного Кавказа и Закавказья⁶. Имея значительные средства, они жили ни в чем себе не отказывая, наживались на экспортно-импортных операциях, торговых и валютных спекуляциях, поставках в армию Врангеля. Главной их целью было выгодное «приложение» капиталов в сфере торговли, накопление иностранной валюты за счет вывоза русского сырья, скупка ценностей, задешево распродаваемых аристократами-беженцами. Лично к генералу Врангелю благодаря его раздутой печатью репутации «непобедимого полководца и умелого, жесткого администратора» предпринимательские круги относились с уважением, ждали от него военных успехов. Надежды на успех армии Врангеля носили, однако, больше платонический характер и сочетались с расчетами и постоянной готовностью в случае разгрома белых успеть «ликвидировать дела» и с накопленными богатствами и ценностями бежать за границу. Доминирующими чувствами были ненависть к большевикам и панический страх перед ними⁷.

В основной своей массе торгово-промышленные круги в Крыму не представляли собой чего-либо организованного. Исключение составляли наиболее крупные предприниматели, местные и приезжие, имевшие некоторый опыт политической деятельности и объединившиеся во Всероссийский союз торговли и промышленности («Протосоюз»), возглавляемый Н.А. Ростовцевым. «Протосоюз» имел отделения во всех городах Крыма и Северной Таврии, поддерживая тесные связи как с российскими предпринимательскими группами за рубежом, так и с центральными и местными учреждениями правительства Врангеля. На регулярно проводившихся совещаниях члены «Протосоюза» обсуждали экономическую ситуацию на территории, подвластной Врангелю, и экономическую политику его правительства, вырабатывали предложения, отражавшие их интересы, и настойчиво рекомендовали их правительству Врангеля и Управлению торговли и промышленности. В частности, в конце мая (старого стиля) «Протосоюз» подал в правительство записку, в которой констатировал, что карательных мер по борьбе со спекуляцией явно недостаточно, а нужны политические и экономические меры по «оздоровлению» экономической жизни в Крыму (расширение занимаемой территории, крупный заём за границей, устранение всего, что мешает свободному товарообмену и т. д.)⁸.

В рабочем вопросе промышленники требовали от правительства Врангеля, во-первых, создания за казенный счет запасов продовольствия для выдачи рабочим, чтобы умерить их требования о повышении зарплаты. Во-вторых, они требовали решительно пресекать забастовки рабочих. Наконец, в-третьих, они предлагали ввозить рабочую силу из-за границы, чтобы заменить ею уволенных русских рабочих, для которых массовые увольнения, по мнению промышленников, должны были послужить средством «перевоспитания»⁹.

Таким образом, предприниматели хотели решить свои проблемы и удовлетворить свои интересы за счет правительства Врангеля.

Однако главным полем деятельности предпринимателей во врангелевском Крыму были не заявления и требования, а тихие деловые комбинации, спекулятивные махинации на внутреннем рынке, а главное – экспортно-импортные операции с русским сырьем (зерном) и иностранными промышленными товарами. Под предлогом отсутствия или дороговизны на внутреннем рынке (на территории, занимаемой армией Врангеля) необходимого сырья и промышленного оборудования для налаживания производства товаров, в которых действительно остро нуждались армия и население, предприниматели выпрашивали у Управления торговли и промышленности разрешения на вывоз зерна, шерсти, соли, табака за границу в целях реализации и закупки товаров для армии и населения, машин и сырья для налаживания промышленного производства. Управление торговли и промышленности оказалось буквально завалено грандиозными проектами создания в чудесно короткие сроки предприятий текстильной, мыловаренной, цементной, стекольной, консервной и других отраслей промышленности. Все эти проекты и ходатайства подкреплялись щедрыми взятками, поэтому чиновники правительственных учреждений столь же щедро раздавали предпринимателям экспортные разрешения, форсируя вывоз сырья, ибо в казну должны были идти отчисления от валютной выручки. Правительство Врангеля, со своей стороны, рассчитывало за счет частных внешнеторговых операций наполнить внутренний рынок товарами и обеспечить приток иностранной валюты в казну. Однако, получив разрешение на вывоз сырья, добившись путем раздачи взяток выгодных для себя условий договора, вывезя сырье в Константинополь и там реализовав его, промышленники, обещавшие с помощью фиолетовых чернил построить золотые горы возрожденной промышленности, либо пускались в новые спекуляции, либо исчезали вовсе, растворяясь в безбрежном море западного предпринимательства¹⁰.

Как и в 1919 г. на большой территории юга России, занятой армией Деникина, так и в маленьком Крыму, при власти Врангеля, предприниматели совершали экономические преступления под покровительством и при соучастии подкупленных чиновников, включая служащих таможи и контрразведки¹¹.

Чтобы защитить себя от законов против спекуляции, предприниматели организовывали лжекооперативы, для вступления в которые нужно было заплатить большой взнос. Под их вывеской они осуществляли торговые и валютные махинации, устраивали игорные дома и т. д.¹²

Предприниматели не склонны были добровольно и безвозмездно оказывать финансовую и какую-либо материальную помощь армии Врангеля, приносить ей в жертву свои богатства и нести всякого рода повинности в ее пользу¹³. Так, под предлогом падения доходов «Протосоюз» добивался снижения для предпринимателей введенных городскими думами чрезвычайных налогов и сборов на борьбу с эпидемиями тифа и холеры, а сами предприниматели систематически уклонялась от их уплаты¹⁴.

Монархическая пресса периодически обрушивалась с нападениями на торгово-промышленные круги, упрекая их в «нежелании помочь» армии, в подрыве экономики спекулятивными махинациями. Порой на страницах газет раздавались истеричные призывы «выгнать» буржуазию, укрывшуюся в глубоком тылу, на фронт: дескать, хватит ей «работать на оборону» – пора заставить ее «поработать на наступление»¹⁵.

Таким образом, крымские и приезжие предприниматели смотрели на армию Врангеля как на слугу, обязанного защищать ее и удовлетворять ее интересы, а также как на сферу выгодного приложения капиталов. Их своекорыстные действия вели к росту спекуляции и коррупции, чем неизбежно усугубляли экономический кризис на территории, занимаемой армией Врангеля, и подрывали устойчивость правительства Врангеля.

Примечания

¹ Черниченко М.Ю. Кризис денежного обращения в тылу войск генерала А.И. Деникина в освещении печати Белого юга России (1919 г.) // Нов. ист. вестн. 2014. № 1 (39). С. 70–88.

² Черниченко М.Ю. «Спекуляция празднует свою вакханалию»: Образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) // Там же. 2013. № 4 (38). С. 70–87.

- ³ *Карпенко С.В.* «Дело МОПИТа»: Из опыта борьбы генерала А.И. Деникина с коррупцией (Белый Юг России, 1919 г.) // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. науч. тр. Вып. 5. М., 2014. С. 218–225.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; Д. 233. Л. 3.
- ⁵ *Шафир Я.* Экономическая политика белых // Антанта и Врангель. М.; Пг., 1923. С. 103–104.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 44. Л. 23, 26, 27, 43, 47; РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 584. Л. 90; Ф. 182. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.
- ⁷ РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 584. Л. 89–90; Ф. 182. Оп. 1. Д. 11. Л. 24; Ф. 1454. Оп. 2. Д. 255. Л. 24.
- ⁸ Юг России (Севастополь). 1920. 28 мая.
- ⁹ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 259. Л. 9.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 5. Л. 16; Д. 251. Л. 156; *Шафир Я.* Указ. соч. С. 103–104.
- ¹¹ *Карпенко С.В.* «Военно-экономический союз» бюрократии и буржуазии на Белом юге (1919–1920 гг.) // Народ и власть в российской смуте: Сб. науч. ст. М., 2010. С. 147–157.
- ¹² РГВА. Ф. 246. Оп. 3. Д. 215. Л. 167об.; Великая Россия (Севастополь). 1920. 3 июня.
- ¹³ РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 584. Л. 89.
- ¹⁴ Государственный архив в Республике Крым (ГА РК). Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 347. Л. 31–32; Таврический голос (Симферополь). 1920. 28 июля; Южные ведомости (Симферополь). 1920. 30 июля.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 265. Л. 11–11об.; Д. 269. Л. 5; Д. 279. Л. 15об.–16; Вечернее слово (Севастополь). 1920. 1 авг.

Проекты государственных преобразований в движении монархистов-легитимистов в эмиграции (1920-е годы)

В статье рассматриваются проекты реставрации монархии в России, которые сформировались в движении монархистов-легитимистов в эмиграции. Представлен анализ проектов А.Г. Тимрота, П.Н. Крупенского, графа В.А. Бобринского. Сделан вывод, что аграрный проект легитимистского движения был самым либеральным по сравнению с проектами других монархических организаций.

Ключевые слова: монархическая эмиграция, движение легитимистов, проекты реставрации монархии в России, великий князь Кирилл Владимирович.

Проекты социального и государственного устройства, создаваемые внутри страны или в эмиграции, могут иметь существенное значение как в рамках анализа причин их нереализованности, так и с точки зрения современности – актуальности данных идей и перспективы их воплощения в жизнь. Особую значимость приобретают проекты политических фигур, которые некогда принадлежали к политической элите государства или претендовали на верховную власть.

В связи с этим актуальными представляются проекты, которые были формально одобрены двоюродным братом последнего императора Николая II – великим князем Кириллом Владимировичем. В 1922 г., находясь в эмиграции в Германии, он объявил себя «Блюстителем престола», а в 1924 г. – «Государем Императором в изгнании». Вплоть до своей смерти в 1938 г. он не прекращал борьбу за права на престол. Вместе с супругой, великой княгиней Викторией Федоровной, ему удалось основать эмигрантское

движение легитимистов, которое отстаивало его права на престол в среде беженцев. Легитимистам удалось объединить вокруг себя часть высшей бюрократии бывшей Российской империи. Одной из форм работы с эмиграцией у легитимистов явилось обобщение проектов реставрации монархической власти в России. Наиболее продуктивными в этом направлении деятельности стали 1920-е годы.

Великий князь Кирилл Владимирович своей задачей видел формирование идеологии будущей монархии: «Я тружусь ради спасения нашей родины... Эту задачу нельзя выполнить, не создав новый свод национальных идеалов, которые несли бы в себе как способность предотвратить кровавый потоп, так и притягивающую силу для всех созидательных сил нашей страны... Моя задача состоит в том, чтобы прервать невнятные стоны лишенного сейчас гражданских прав большинства русского народа...»¹.

В ноябре 1924 г. в Ницце под председательством «семейного юриста» великого князя Андрея Владимировича (закончил Александровскую военно-юридическую академию, генерал-майор свиты Е.И.В., сенатор, в 1915–1917 гг. – командующий л.-гв. конной артиллерией) было сформировано «Совещание по вопросам об устройении Императорской России» (Государево совещание). В первый состав Совещания вошли: доктор медицины, профессор Г.Ф. Цейдлер; граф полковник И.И. Воронцов-Дашков; А.А. Башмаков; В.Н. Крестьянинов; камергер П.С. Толстой-Милославский; сенатор Д.Н. Любимов; начальник Канцелярии Николая II генерал-лейтенант А.А. Мосолов; князь С.А. Щербатов; шталмейстер и посол в Болгарии А.А. Савинский; директор Департамента полиции в 1905–1906 гг. сенатор Э.И. Вуич; гофмейстер и статс-секретарь Государственного совета М.Н. Головин; помощник Управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов; товарищ управляющего делами Крестьянского поземельного банка П.Н. Яхонтов; сенатор А.Г. Тимрот; товарищ управляющего Дворянским поземельным банком М.И. Горемыкин; директор I (Европейского) департамента МИД князь Л.В. Урусов; командующий Румынским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев; генерал-лейтенант М.Н. Тихменев; камергер А.А. Куломзин².

Характер деятельности Совещания во многом определялся личностью ее председателя – великого князя Андрея Владимировича. В изданных в СССР мемуарах Л.Д. Любимов писал о нем: «Андрей Владимирович проявлял, пожалуй, меньше всего суеты, все свои досуги посвящая изучению отечественной истории. <...> О старине он говорил со знанием дела, о современности – спокойно, без злобы»³.

Умеренно-консервативный чиновничий состав членов Совещания закономерно определил их интерес к эпохе либеральных реформ императора Александра I. В качестве возможного образца великий князь Андрей Владимирович представил в Совещание выписку о проекте государственных реформ М.М. Сперанского 1809 г.

В то же время члены Совещания не игнорировали изменения, произошедшие за эти годы в СССР. Совещание отклонило идею узкой реставрации дореволюционных порядков, но также отрицало и европейские формы развития: «...в грядущем государственном строительстве не может быть места узко-консервативным стремлениям... отпадает мысль об абсолютизме и парламентаризме в западно-европейских формах... Если абсолютизм не допускает внутренней политической борьбы, то парламентаризм только на ней и зиждется... наш русский опыт не дает более утешительных наблюдений, ибо Государственная Дума... обнаружила, что самодовлеющее выборное учреждение устремляется к противопоставлению себя Верховной Власти...»⁴.

Традиционное для русских монархистов в эмиграции недоверие к деятельности дореволюционной Государственной думы заставило членов Совещания вырабатывать новые формы взаимодействия выборных учреждений и царской власти. Этим стремлением можно объяснить активное продвижение в организации младороссов А.Л. Казем-Бека в конце 1920-х годов наиболее спорного лозунга легитимистского движения: «Царь и Советы», однако идеологему начали разрабатывать представители поколения «отцов».

Чиновно-аристократическое Совещание при его оценке заняло двоякую позицию. Формально оно признало правомерность существования данного тезиса: «Особое Присутствие склоняется к заключению о желательности попытки использовать советскую систему...»⁵. Однако признание советской системы не означало принятия эсеро-меньшевистского понимания советской власти: «...такому предположению не отвечает распространенный ныне клич – “советы без коммунистов”...»⁶. По мнению членов Совещания, само понятие «социалистический совет» было навеки связано в сознании русского народа с произволом большевистской власти.

Признавалась возможность привлечения представителей советов в исполнительную власть: «...в среде Всероссийского Совета... Император Всероссийский будет находить и черпать живые, от самой Земли идущие действенные силы для пополнения им рядов исполнительной власти»⁷. Выборы в местные органы самоуправления предусматривали сложную систему цензов, которая не

имела аналогов в Российской империи, – «производство выборов в первоначальных сельских и равнозначных им городских ячейках не по всеобщему голосованию, а групповому, сообразно с распределением социальных, профессиональных, экономических и прочих интересов»⁸. При этом принципы развития низовых органов самоуправления стремились искусственно увязать с традициями политики последнего царствования. Признавалось необходимым «дальнейшее развитие принципов самоуправления всесословной волостной ячейки, насаждение которого получило одобрение в Бозе почившего Императора Николая II»⁹.

Позиция Совещания в национальном вопросе по жесткости подхода к борьбе с сепаратизмом в России была радикальнее, чем у многих монархических организаций. Руководители полагали, что при воссоздании монархической государственности после периода советского федерализма силовое разрешение представлялось единственно возможным. Члены Совещания отмечали, что перед лицом трудностей по воссоединению государства на старых имперских основах правительство будет вынуждено использовать суровые меры – «вплоть до необходимости прибегать к управлению путем военных оккупаций»¹⁰.

Члены Совещания практически не уделили внимания социальным вопросам. Единственным ответом на «низовую» запрос стало решение от июля 1927 г. об отмене в будущей монархической России сословных привилегий и ограничений¹¹.

В том же 1927 году в «Оповещении Канцелярии Е.И.В.» практически одновременно были опубликованы два проекта реформирования будущей монархической России. Автором первого проекта явился член Совещания сенатор А.Г. Тимрот (статс-секретарь Государственного совета), второго – П.Н. Крупенский (предводитель Хотинского уездного дворянства Бессарабской губернии, депутат III и IV Государственных дум, лидер фракции националистов).

Проект сенатора А.Г. Тимрота развивал основные идеи Совещания, придавая им более конкретный и законченный вид. Серьезной критике подверглась дореволюционная система назначений чиновников: «...при строго проведенной системе назначения... власть мало-помалу становится чуждой населению...»¹².

Подданным гарантировались определенные права на участие в политической жизни страны: «...в будущей императорской России народному представительству не только отводится роль в законодательстве, но и участие в формировании исполнительной власти на местах путем выбора кандидатов на должности волостных старшин, уездных начальников, губернаторов и даже генерал-губернаторов»¹³.

В то же время на права высшего законодательного органа России предполагалось наложить жесткие ограничения: «...сделать Всероссийский Совет исключительно законодательным органом, ограничить его участие в управлении только правом надзора»¹⁴. Подробно была разработана выборная система на местах: уездные советы должны были избирать волостных старшин, губернские советы – уездных начальников, областные советы – губернаторов и генерал-губернаторов¹⁵. Однако окончательное право выборов должностных лиц принадлежало бы советам высшей категории¹⁶. Низовые советы представляли трех кандидатов на утверждение высших советов¹⁷. При внешней «демократичности» данной системы совет высшей категории мог остановить свой выбор на кандидате от меньшинства низовых советов. Право участия в выборах обуславливалось наличием уровня образовательного ценза и служебного стажа¹⁸. Должностные лица по управлению назначались¹⁹. Безусловным нововведением можно считать определение куриальной системы выборов. Членство в курии связывалось не с сословным положением, как в дореволюционной России, а с профессиональной принадлежностью²⁰, что соответствовало политической практике 1920-х годов при авторитарном режиме Муссолини в Италии.

Проект сенатора А.Г. Тимрота в национальном вопросе связывал единство государства с конструкцией высших органов государственной власти. Император должен был выступить объединяющей фигурой для народов России: «...единая Верховная Власть Государя Императора явится не только символом, но и наиболее твердым устоем и оплотом государственного единства»²¹. Принципиальным новаторством был взгляд и на представительные учреждения как на объединяющую силу государства, делегирование полномочий депутатам символизировало признание государственного единства: «Всероссийский Совет, являясь выразителем общего мнения, будет связывать народы и местности в одно неразрывное целое»²². В соответствии с федералистскими теориями в проекте сенатора А.Г. Тимрота была предпринята попытка разграничения полномочий центра и регионов. К неоспоримым правам центра относились императорская армия и флот, управление финансами, государственными регалиями и монополиями, почтами, телеграфами, путями сообщения и политической полицией. Признавалась необходимость сохранения единства денежной системы и единого русского государственного языка²³. При четко установленной системе распределения полномочий предполагалось создание мощной системы надзорных учреждений на местах, подчиненных непосредственно императору: «...полезно будет иметь на местах особые органы общегосударствен-

ного надзора... Во главе областного надзора может быть поставлено лицо, облаченное доверием Государя Императора... Наиболее подходящими были бы военные чины...»²⁴.

Проект П.Н. Крупенского по своим программным установкам был менее связан с общими воззрениями легитимистского движения, носил бюрократический, но при этом и более определенный характер. В качестве первого этапа при переходе к монархии предлагалась диктатура, в период которой места для народного представительства, естественно, не находилось: «Диктатор, подчиненный единственно воле Монарха, назначает и сменяет всех степеней подчиненных ему представителей...»²⁵. Законодательная практика определялась по основным законам Российской империи периода правления императора Александра III: «Во главе Государства Российского стоит единственно мыслимая, разумная власть, беспартийная и надклассовая, – это Монархическая... ограниченная только основными законами издания 1893 г.»²⁶. Переход от диктатуры к гражданскому управлению должен был сопровождаться передачей всей власти к бюрократии во главе с Канцлером²⁷.

Определеннее в проекте П.Н. Крупенского выражено отношение к парламентаризму: «Следует предполагать однопалатную систему... Важность однопалатной системы вызывается малым количеством лиц, способных к государственному мышлению...»²⁸

Как бывший депутат Государственной думы, П.Н. Крупенский стремился учесть негативный, по его мнению, опыт парламентской работы, стремясь не допустить чрезмерно затяжных сессий и ограничить гласность заседаний: «Всероссийский Съезд Земских Советов созывается в полном составе на 1–2 месяца осенью. Заседания не публичные»²⁹. Сильным местом проекта можно считать четкое и ясное определение принципов нового избирательного законодательства: «Правом активного участия во всех выборах пользуются лишь лица, достигшие 30-летнего возраста, проживающие в месте избрания не менее трех лет и неопороченных по суду»³⁰. Система местного самоуправления приближалась к традиционной для России земско-волостной при сохранении института земских начальников времен императора Александра III: «Начальной выборной ячейкой является Волостной сход... Сход избирает Волостной Земский Совет... Волостной Земский Совет собирается Уездным Начальником...»³¹.

Согласно проекту, в решении национального вопроса фактически сохранялся дореволюционный принцип унитарного государства, но при этом существенно повышалась роль правительства, перед которым были бы ответственны представители власти на

местах: «Для управления Россия разделяется на Области, управляемые Генерал-губернаторами и Наместниками, подчиненными Совету Министров»³².

Проекты А.Г. Тимрота и П.Н. Крупенского показали пределы реформаторства, на которые готовы были пойти представители бывшей правящей элиты Российской империи.

Тезис о «Советской монархии» был внесен и в основной программный документ движения 1926 г. – «Что нужно знать в Советской России о восстановлении законной монархии», автором которого стал докладчик по делам региональных представительств легитимистов при Канцелярии Е.И.В. граф В.А. Бобринский (депутат II–IV Государственных дум, входил во фракции октябристов, «умеренно правых» и националистов, руководитель фракции прогрессивных националистов, координатор оппозиционного Прогрессивного блока в 1915–1917 гг., с ноября 1916 г. – товарищ Председателя IV Государственной думы. В 1918 г. в Киеве возглавлял монархическую организацию «Наша Родина»).

На повестку дня ставился вопрос о новых несоциалистических подходах к пониманию роли Советов при реставрации монархии в России. Из Советов, по мнению теоретиков легитимизма, необходимо было изгнать дух узкой партийности, предполагалось «участие в советах беспартийных местных деятелей, представителей профессиональных организаций и специалистов... Советы сельские, волостные, уездные, губернские и областные или национальные, увенчанные периодически созываемыми Всероссийскими съездами Советов...»³³.

Руководители Канцелярии Е.И.В. пытались заверить крестьянство России, что признают произошедшие земельно-имущественные изменения в деревне: «Частновладельческая земля, коей завладели крестьяне во время революции, не будет у них отнята. Помещикам могут быть возвращены лишь усадебные участки. Никакого выкупа за землю с крестьян потребовано не будет...»³⁴. Однако определенные компенсации бывшим помещикам все же предусматривались: «Нетрудоспособным элементам помещичьего класса... должны быть выплачиваемы пожизненно небольшие пенсии... Средства на эти выдачи должны получаться от обложения других владельцев недвижимостей»³⁵.

Следует признать, что аграрный проект легитимистского движения выглядел самым либеральным в сравнении с проектами других монархических организаций в эмиграции.

В сфере имущественных отношений в промышленном секторе предполагалось восстановление прав частной собственности

прежних владельцев: «Промышленные и торговые предприятия должны быть возвращены их прежним владельцам...»³⁶. Однако в российской экономике выделялись отрасли, которые не подлежали денационализации, предполагался усиленный контроль над частным финансовым капиталом: «Эта мера не может коснуться в полной мере... рудников, крупных лесных хозяйств, нефтяных источников и сахарных заводов. Разрешения на открытие частных банков должны быть выдаваемы с большой осторожностью»³⁷.

С начала XX в. монархисты обращали внимание на недопустимость манипуляции в частных интересах общественным сознанием через средства массовой информации, поэтому не случайно в проекте 1926 г. была предусмотрена «национализация кинематографического дела»³⁸.

В сфере рабочего законодательства легитимистское движение следовало общеевропейской практике: «Восьмичасовой рабочий день... развитие профессионального движения, все отрасли которого получают постоянное и широкое представительство в советах»³⁹.

Представители легитимистского движения учитывали агитационный эффект от социальных реформ, которые были проведены в СССР. В ответ обещания социальных благ у легитимистов сыпались как из рога изобилия: «Широкое народное просвещение... Обеспечение крестьянства с. х. инвентарем и скотом... Уменьшение косвенного налогообложения и налогов на мелкие ремесла и промыслы... Удешевление железнодорожных и почтовых тарифов... Бесплатная медицинская помощь всем, страдающим тяжелыми болезнями, приобретенными из-за владычества коммунистов»⁴⁰.

Подходы в области национальной политики не отличались оригинальностью: «Российская Империя будет построена на принципе широкого областного самоуправления»⁴¹.

Неожиданно широкий для монархистов жест был сделан в отношении ряда лимитрофных государств, судьбами которых были озабочены европейские политики: «Император Кирилл Владимирович признает как свершившийся факт образование целого ряда государств на бывшей Российской территории – Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша...»⁴². Однако для остальных народов предлагалась рудиментарная имперская формула: «Православный Царь для русского народа, Белый Царь – для остальных племен...»⁴³.

Легитимисты не торопились «расставаться» и с Украиной: «Если все эмигранты враждебны идее независимой Украины, то это лишь доказывает, как микроскопически мала за границей та

часть беженцев с юга России или Украины, которая стоит за полную самостоятельность»⁴⁴.

К концу 1920-х годов на первый план в движении легитимистов выходит организация младороссов. Они уверенно потеснили поколение «отцов» эмиграции, тем не менее наследие старшего поколения стало фундаментом в идеологической области.

Примечания

- ¹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2001. С. 417.
- ² ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 11. Л. 200.
- ³ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 138–139.
- ⁴ ГА РФ Ф. 5763. Оп. 1. Д. 5. Л. 173.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Л. 173об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 174.
- ¹¹ *Думин С.В.* Романовы: Императорский Дом в изгнании: Семейная хроника. М., 1998. С. 152.
- ¹² ГА РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 3. Л. 275об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 276.
- ¹⁵ Там же. Л. 275об.–276.
- ¹⁶ Там же. Л. 275об.
- ¹⁷ Там же. Л. 276.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 276об.
- ²¹ Там же. Л. 276.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 276об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Д. 5. Л. 212.
- ²⁶ Там же. Л. 212об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 213.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.

- 32 Там же. Л. 212об.
- 33 Там же. Л. 178.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 179.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же. Л. 178.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же. Л. 192.
- 43 Там же. Л. 182.
- 44 Там же. Л. 217.

Техническая грамотность бойцов Красной армии
в 1930-х годах:
стрелковое оружие и его использование

В статье рассматривается техническая грамотность бойцов Красной армии накануне Великой Отечественной войны. Показано, что фундаментальной боевой единицей Красной армии оставался солдат с обычной винтовкой, поэтому боеспособность во многом зависела от умения солдата обращаться со своей винтовкой и обеспечивать ей должный уход. Делается вывод, что по разным причинам техническая грамотность солдата Красной армии была недостаточной, что стало одной из причин поражений Красной армии в Советско-финляндской войне и в начальный период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Красная армия, вооружение, стрелковое оружие, винтовка, перевооружение, техническая грамотность, Советско-финляндская война.

Одна из задач современной российской историографии Великой Отечественной войны состоит в том, чтобы изучить объективные причины неудач РККА в начальный период войны. К таким, на наш взгляд, относится недостаточная техническая грамотность бойцов Красной армии. Армия первого в мире социалистического государства существовала на тот момент почти двадцать лет, в ее развитие вкладывались лучшие ресурсы страны, успешно прошедшей стадию индустриализации. Однако, несмотря на технический прогресс, фундаментальной боевой единицей по-прежнему оставался боец с обычной трехлинейной винтовкой русского инженера С.И. Мосина, многое зависело от его умения обращаться со своим оружием и обеспечивать ему должный уход. Техническая подготовка бойцов, их техническая грамотность,

как и система функционирования стрелкового оружия в Красной армии, в целом могут быть изучены на основании архивных документов, которые хранятся в РГВА, РГАСПИ, ВИМАиВВС и в которых нашла отражение работа органов снабжения, эксплуатация стрелкового оружия и боеприпасов к нему, проверка технического состояния вооружения и техническая подготовка личного состава РККА за 1930-е – 1940 гг.

В 1920–1930-х годах с нуля происходило построение РККА как армии нового образца, формировался ее фундамент, структура и основы взаимодействия. После Первой мировой войны концепция ведения боевых действий изменилась, и теперь пехота должна была взаимодействовать с танками, большим количеством артиллерии и авиации. В такой войне все – от генералов до обычных солдат – должны четко понимать свою задачу, действовать быстро и слаженно.

Несмотря на появление танков и самолетов, обычный пехотинец с винтовкой на протяжении всей войны оставался самой массовой боевой единицей. Многие зависело от его технической подготовки, знаний, умений и соблюдения дисциплины, за поддержание которой нес ответственность командный состав армии. В условиях быстрого, маневренного боя при взаимодействии с танками, артиллерией и авиацией именно дисциплина и четкое представление своей роли на поле боя были залогом успеха любой армии.

Подобная тактическая организация, в свою очередь, невозможна без внутренней дисциплины, которая начинается с самых простых вещей. Одной из них является умение любого бойца грамотно обращаться с личным оружием: знать его детали и особенности, уметь разбирать, чистить, хранить и ремонтировать. Этим оружием в РККА была обыкновенная винтовка, которая, несмотря на темпы прогресса военной мысли и военной техники, оставалась основным видом стрелкового оружия в межвоенный период и в начальный период Второй мировой войны.

Несмотря на первые успехи в создании Красной армии как армии нового образца, в 1930-е годы стало понятно, что создание технически грамотной и дисциплинированной армии – тяжелая задача. Различные проверки показывают, что воспитать технически грамотного бойца не так просто¹. Итоги одной из таких проверок неутешительно подвел народный комиссар по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилов: «...сбережение оружия, так и обращение с ним в частях Красной Армии продолжает быть безобразным. Производственными последними обследованиями установлено недопустимое состояние оружия в целом в ряде дивизий. Еще хуже

обстоит дело с непрекращающимся ростом несчастных случаев от небрежного и неумелого обращения с боевым имуществом»².

Главной причиной такого состояния армии Ворошилов видел в «слабости руководства и воспитательного воздействия на войска в установлении твердого внутреннего порядка, четкой и сознательной строевой дисциплины, точного соблюдения технических правил сбережения и обращения с боевым имуществом»³.

В такой ситуации в срочном порядке Ворошилов приказывает принять меры, в числе которых были открытие дополнительных вечерних курсов, введение дополнительных испытаний в военных школах и академиях на знание предметов вооружения и правил ухода, а также было рекомендовано не выпускать слушателей «до сдачи ими удовлетворительно испытаний»⁴. Контролировать состояние технической грамотности бойцов должны были командир и комиссар полка, командир роты⁵.

Начиная со второй половины 1930-х годов РККА набиралась опыта, участвуя в военных конфликтах, по итогам которых составлялись многочисленные отчеты и доклады, в том числе и в отношении использования стрелкового оружия.

Самым показательным в этом плане конфликтом является Советско-финляндская война. На основании отчета заместителя начальника Управления стрелкового вооружения Данилина «О работе органов снабжения, действии и эксплуатации стрелкового оружия и боеприпасов к нему за период борьбы с белофиннами» от 1940 г., который посвящен всем тонкостям, касающимся стрелкового оружия (описание каждого образца, отношение бойцов к оружию, учет, ремонт, поставки и т. д.), можно составить полное и точное представление о том, на каком уровне находилась тогда техническая грамотность бойцов Красной армии в деле использования стрелкового вооружения, включая главное свое оружие – трехлинейную винтовку.

Подробно описав отдельные образцы стрелкового оружия, Данилин особо отмечает, что отношение к стрелковому оружию со стороны бойцов и командиров было «в отдельных случаях варварское»⁶. Например, частыми были случаи, когда раненные бойцы могли оставлять оружие на поле боя, а автоматическое оружие бросать при отказе в действии. Пулеметы часто оставлялись на поле боя после атак, при этом солдаты за такие действия не наказывались⁷. В качестве примера он приводит случай на озере Суванто-Ярви, когда после атаки 49-й стрелковой дивизии командир одного из полков оставил 16 пулеметов на поле боя. Командир полка получил за это выговор, и на

следующую ночь его полк сумел отбить у противника и вернуть 14 из 16 оставленных пулеметов, причем они были в исправном состоянии⁸.

Подготовка оружия к стрельбе проводилась очень плохо, начсостав проверок не делал, а зачастую и сам командный состав не умел готовить оружие к стрельбе и слабо знал его материальную часть. Такое положение и приводило к тому, что оружие во время боевого применения отказывало, а потому бросалось на поле боя⁹.

Кроме того, в Красной армии были проблемы и с учетом вооружения. Начсостав всех рангов не уделял ему должного внимания, об убытии и прибытии оружия с частью в штаб другого военного округа не доносили. Только под конец 1940 г. высшее командование добилось того, что штабы военных округов начали доносить об убытии и прибытии, да и то с большим опозданием¹⁰.

Неудовлетворительным, по оценкам и замечаниям Данилина, было и отношение офицеров и их подчиненных бойцов к вооружению по окончании военных действий. После военных действий оружие сдавалось без учета, не приведенное в порядок, без штыков и магазинов, а начсостав при сдаче часто отсутствовал. Некоторые части для сдачи на главный артиллерийский склад привозили оружие «на автомобилях навалом»: вперемежку оружие, патроны, гранаты, снаряды, каски, телефонные аппараты, химическое имущество и проч. Если начальник склада не хотел принимать имущество, оно просто сваливалось там же. Боеприпасы привозились россыпью в ящиках и мешках и т. п., зачастую со снегом и льдом, и все это хранилось под открытым небом¹¹.

Проблемы, согласно отчету Данилина, были и в организации ремонта оружия. В действующих частях походные мастерские не были оборудованы, что затрудняло работу по ремонту. Транспортные средства под мастерские и ЗИПы («Запасные части, инструменты и принадлежности») были ограничены. Дивизионные артиллерийские ремонтные мастерские производили ремонт в войсковых соединениях весьма успешно, но из-за недостаточной информированности работников системы артиллерийского снабжения некоторые из них были перегружены, а другие стояли без работы. Брезентовые палатки, в которых они располагались, не соответствовали зимним условиям работы, а мощности электростанции не соответствовали объемам работы мастерской¹². Самым же острым вопросом оставался кадровый: «Отсутствие штатно-приписного состава специалистов в мирное время вынудило проводить комплектование мастерских случайно присланными людьми – штукатурами, сапожниками, парикмахерами, людьми

с тройной судимостью и т. д., которые совершенно не имели даже элементарных понятий в приемах ремонта оружия»¹³.

Также наблюдались проблемы с обеспеченностью ЗИП¹⁴, снабжением¹⁵ и в штатно-организационными вопросами¹⁶.

Данилин подытоживает: личной ответственности бойцы и командиры за сохранность оружия не чувствовали, а элементарные уставные требования не выполнялись¹⁷.

Но проблема была масштабнее: вся система поставки, ремонта, учета вооружения была слабо продумана и отработана, а недостаточная подготовка была свойственная не только бойцу РККА, но и ремонтникам, и работникам снабжения.

Похожие оценки и выводы можно встретить и в докладных записках и отчетах о боях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. В докладе заместителя наркома обороны Г.И. Кулика от 26 июля 1939 г. есть очень похожие пассажи: «603-й полк 32-й дивизии представляет из себя вооруженную толпу. Будучи в обороне, в панике разбежались, бросив много винтовок, ручных и станковых пулеметов, понесли большие потери»¹⁸.

Информативными в этом контексте являются сводные доклады, отчеты и переписка о состоянии стрелкового вооружения в частях Красной армии, которые участия в войне не принимали.

На протяжении 1939–1940 гг. в военных округах велись проверки личного состава дивизий 15 военных округов, более 200 войсковых частей¹⁹. Информация о смотрах в виде докладов была передана в Главное артиллерийское управление. Эти документы по форме являются отчетом и состоят из нескольких пунктов: техническое состояние стрелкового оружия, качественное состояние, уход и сбережение, хранение оружия, мастерские и ремонт, учет вооружения, укомплектованность, знание вооружения начсостава, выполнение приказов, касающихся вооружения.

Техническое состояние стрелкового оружия (боеспособность винтовки, требует ли она войскового ремонта) и приборов стрелкового вооружения в большинстве случаев имеет оценки «плохо» или «посредственно»²⁰, в редких исключениях, как, например, в Сибирском или Среднеазиатском военных округах оценка была положительной²¹. Однако почти во всех округах параметры «качественное состояние» и «уход и сбережение» имеют оценки «плохо» или «посредственно»: оружие плохо чистится и хранится, так как солдаты не умеют или не делают этого. Вызвано это тем, что по разным причинам командный состав не уделял проверкам состояния стрелкового оружия должного внимания, а зачастую сам плохо знал материальную часть оружия. Приказы наркома обороны

по осмотру и сбережению вооружения командным составом частей не выполнялись, в связи с чем каналы стволов стрелкового оружия покрывались ржавчиной²².

Например, в частях 1-й Отдельной Краснознаменной армии осмотр вооружения производился нерегулярно. Присылаемые из Наркомата обороны расчеты часов по боевой и политической подготовке времени на осмотр вооружения не предусматривали, что давало возможность начсоставу осмотра не проводить, так как по расчетам часов начсостав все время был занят работой по боевой и политической подготовке²³. Во многих частях столы для чистки оружия не были оборудованы и чистка производилась неуставным способом²⁴.

Похожая ситуация была и с патронами: у некоторых солдат были патроны с помятыми гильзами, что «вызвано лежанием бойцов на подсумках, отчего получается распатывание пуль и вмятины на гильзах»²⁵. Многие бойцы не умели различать патроны по маркировке; патроны с обыкновенной пулей часть командиров принимали за патроны с тяжелой пулей²⁶.

Основными проблемами мастерских были недостаток технического персонала или его недостаточная техническая подготовка²⁷. Даже если он был обучен, то не всегда имел достаточного технического опыта²⁸. Часто не хватало ЗИП или инструментов²⁹.

В конце каждого доклада по конкретному округу приводится список мер, принятых для устранения обнаруженных недостатков. Например, 10–15 апреля в Одесском военном округе были проведены сборы начальников артиллерийского снабжения по вопросам сбережения, ухода и технического осмотра, командующим округом были отданы три приказа об устранении недостатков с наложением взыскания на виновных в плохом состоянии вооружения³⁰. Однако пятдневные сборы вряд ли могли переломить целую тенденцию, сложившуюся в РККА.

Причины комплексных проблем РККА по части стрелкового вооружения нужно искать у самых истоков ее создания. Как говорилось выше, из-за развития военной техники и появления новой концепции войны требования к грамотности личного состава армии резко повысились. Как для кадрового военнослужащего, так и для военнообязанного запаса было важно уметь обращаться с техникой и новыми образцами автоматического оружия. Германия к концу XIX в. стала первой страной в мире со всеобщей грамотностью населения. Именно поэтому, надо полагать, Бисмарк говорил, что войну с Францией выиграл обыкновенный прусский школьный учитель, а не пушки Крупна. В СССР к 1937 г., согласно переписи,

почти 30 миллионов людей старше 15 лет были неграмотными (это 18,5% всего населения)³¹. В 1937 г. только 7,7% населения СССР имели образование семь классов и больше, а высшее образование имели только 0,7%. Ситуация с мужским населением 16–59 лет была лучше (соответственно 15% и 1,7%), но даже эти показатели были низкими³².

Две трети населения СССР до войны проживали в сельской местности, призывники сел и деревень не имели опыта обращения с техникой, вследствие чего их техническая грамотность была очень низкой³³. Например, автомобиль многие из них видели впервые в жизни.

Таким образом, только то, что боец вермахта был более грамотен и подготовлен технически, давало вермахту значительное преимущество перед РККА. Советское руководство осознавало эти проблемы и старалось исправить ситуацию. Были организованы курсы по типу ликбезов, и солдат наравне с воинским делом обучали читать и писать. Этим отчасти можно объяснить популярность РККА среди молодежи, которая буквально рвалась служить. Несмотря на все усилия по ликвидации безграмотности бойцов РККА, до уровня грамотности германской армии было еще далеко. Немецкое превосходство росло и за счет более высокой дисциплины, индивидуальной выучки и продуманной системы обучения, берущей начало в рейхсвере.

Ситуация усугублялась тем, что в РККА отсутствовали младшие командиры, которые были упразднены в период с 1917 по 1940 г. Они были своеобразным «хребтом» армии за счет своей боеспособности и дисциплины. Для выполнения их функций приходилось привлекать офицеров. Поэтому в управлении советской стрелковой дивизии перед войной было втрое больше офицеров, чем в немецкой пехотной дивизии, причем последняя имела на 16% больше личного состава по штату.

Еще одним фактором, повлиявшим на общий уровень технической грамотности солдат, было то, что армия создавалась фактически с нуля. Здесь можно упомянуть и потери командного состава в Первой мировой и Гражданской войнах, и эмиграцию офицеров в 1920 г., и т. д. Особняком здесь стоят репрессии командного состава РККА во второй половине 1930-х годов. По данным О.Ф. Сувенирова, в целом по высшему комсоставу РККА было репрессировано 65%³⁴. В результате произошло быстрое смещение как высшего и среднего, так и низшего комсостава вверх на несколько званий без предварительной подготовки. Командиры взводов становились командирами батальонов, командиры

батальонов – командирами полков практически в один момент, при этом не учитывалось, что каждой вышестоящей должности должна соответствовать определенная подготовка, часто занимавшая несколько месяцев. Кроме того, мог сказаться и общий рост численности армии за несколько лет. К марту 1932 г. численность РККА составляла 604 300 человек. К началу войны она выросла примерно в десять раз и составляла более 5 млн человек. Невозможно на пустом месте выстроить армию из нескольких миллионов солдат, с учетом того, что буквально десять лет назад целое поколение солдат и офицеров было потеряно во время Первой мировой и Гражданской войн. При небольшом военном опыте и быстром росте в званиях вполне логичными могут быть такие недостатки, как плохое обращение с оружием.

В результате, несмотря на огромные затраты на проектирование нового, технологически более сложного автоматического оружия (СВТ, АВС и т. д.), разработок доктрин наступательных операций, солдаты РККА не только не умели должным образом обращаться с новыми образцами стрелкового оружия, такими как автоматическая винтовка, но и не всегда справлялись с уходом за весьма простой винтовкой Мосина. Планы Наркомата обороны не всегда в достаточной мере коррелировали с реальностью, и это можно увидеть не только на примере пути стрелкового оружия от склада до рук бойца.

Примечания

- 1 ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 1. Д. 396. Л. 319.
- 2 Там же.
- 3 Там же. Л. 320.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 РГВА. Ф. 20. Оп. 28. Д. 314. Л. 29.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 30.
- 11 Там же. Л. 32.
- 12 Там же. Л. 22.
- 13 Там же. Л. 23.
- 14 Там же. Л. 25.
- 15 Там же. Л. 27.

- ¹⁶ Там же. Л. 30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2648. Л. 20.
- ¹⁹ Там же. Ф. 20. Оп. 28. Д. 316. Л. 3; Ф. 33988. Оп. 4. Д. 12. Л. 21.
- ²⁰ Там же. Ф. 20. Оп. 28. Д. 316. Л. 3.
- ²¹ Там же. Л. 112.
- ²² Там же. Л. 3.
- ²³ Там же. Л. 26.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 25.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. Л. 112.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 137.
- ³⁰ Там же. Л. 6.
- ³¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. док. и материалов. М., 2007. С. 112–113.
- ³² Там же. С. 114–115.
- ³³ Там же. С. 76.
- ³⁴ *Сувениров О.Ф.* 1937: Трагедия Красной Армии. М., 2009. С. 58.

А.П. Фернандес-Эрес

«Заставить их полюбить эту жизнь...»:
Испанские детские дома в СССР
(1937–1939)

В статье рассматривается проблема социальной адаптации испанских детей, которые прибыли в СССР в результате Гражданской войны в Испании. Вскоре после эвакуации ряд детских домов был создан на территориях РСФСР и УССР. Автор исследует учебный процесс, занятия и другие аспекты жизни воспитанников. Советские власти так и не смогли обеспечить равные условия для всех испанских детей. Некоторые школы не были достаточно хорошо подготовлены для приема, не хватало учебных материалов, мест для занятий, профессиональных педагогов, одежды. Автор приходит к выводу, что создание системы домов спецназначения стало основным препятствием для полной ассимиляции маленьких испанцев в СССР.

Ключевые слова: социальная адаптация, детский дом для испанских детей, Наркомпрос, образование, Гражданская война в Испании.

В 1937–1939 гг. в Советском Союзе был создан целый ряд детских домов для испанских детей. Вся работа по размещению, хозяйственно-административному обслуживанию, воспитанию детей специальным постановлением СНК СССР от 16 сентября 1937 г. была возложена на Наркомпрос РСФСР и Наркомпрос УССР под личную ответственность наркомов¹.

Как следует из справки к Объединенному историческому фонду № А-307 Государственного архива Российской Федерации. в 1939 г. в стране было 10 детских домов на территории РСФСР. Еще 5 детдомов находились в УССР. В РСФСР детские дома в основном располагались под Москвой, в Ленинграде, на Украине – в Одессе, Харькове, Херсоне, Киеве. В Евпатории Крымской АССР был образован детский дом санаторного типа.

Помещения детских домов – типичная практика в те времена – были оборудованы на базе домов отдыха.

При Наркомпросе РСФСР руководство административно-хозяйственной и учебно-воспитательной работой детских домов осуществлялось через отдел домов спецназначения. В изданном Наркомпросом «Положении о детском доме для испанских детей» декларировалось, что детский дом осуществляет коммунистическое воспитание детей. В духе времени заявлялось, что детский дом ставит своей задачей воспитать энергичных строителей коммунистического общества, борцов против фашизма и борцов за свободную и независимую Испанию. На повестке дня стояли и такие цели, как сохранность здоровья детей, получение ими образования в объеме средней школы².

Особое внимание обращалось на знание языка. Согласно приказу народного комиссара просвещения РСФСР П.А. Тюркина «О работе детских домов для испанских детей», детские дома должны были обеспечить каждому испанскому ребенку знание литературного испанского языка и полное овладение русской устной и письменной речью³. Для испанских детских домов разрабатывались типовые правила внутреннего распорядка, нормы обмундирования и питания. Кроме того, планировалось составить программы по преподаванию русского как иностранного и испанского языков, организовать обмен опытом между персоналом испанских школ, широко развернуть трудовое воспитание детей, создать при детских домах учебные мастерские по обработке металлов и дерева⁴. Как покажет время, далеко не все положения приказа удалось воплотить в жизнь и некоторые указания остались только на бумаге или потом были негласно отменены.

Для контроля за распоряжениями Наркомпроса был разработан «Общий план работы инспектора отдела детдомов спецназначения», принятый в марте 1939 г. В нем говорилось, что основной обязанностью инспектора отдела является систематическая проверка выполнения работниками детских домов принципов коммунистического воспитания детей, постановлений партии и правительства о школе и детских учреждениях, указаний Наркомпроса по учебно-воспитательной работе, проверка состояния кадров, хозяйственной деятельности и делопроизводства⁵.

Организация школы для испанских детей являлась едва ли не самой сложной и трудной задачей. С самого начала работы испанских школ образовательный процесс был организован с учетом национальной и культурной принадлежности учащихся, в каждом детском доме работали испанские педагоги и воспитатели, предметы

проводились на родном для ребят языке. Трудности состояли не только в первоначальном отсутствии учебников, но и в недостатке квалифицированных педагогов, владеющих испанским языком, а также профессиональных переводчиков, которые могли бы переводить или сами давать эти уроки. Кроме того, оказалось, что школа Испании не имеет ничего общего со школой СССР. Программы в Советском Союзе были гораздо сложнее. Общеобразовательный уровень детей, среди которых наибольшую часть составляли дети бедных шахтеров, зачастую не соответствовали их возрасту. Маленьким эмигрантам, психологически травмированным ужасами войны, было непросто после пережитого всерьез заняться учебой.

Советские врачи не могли не отметить удручающего состояния здоровья испанских детей, которые прибыли в страну в тяжелом состоянии, говорилось, что среди них «много худеньких, бледных, простуженных, которых, естественно, как благоприятную почву, охватили привезенные ими инфекционные заболевания»⁶. Карантинный период, как правило, использовался не только для медицинского осмотра и санитарной обработки. Детям необходимо было привыкнуть к новой жизни. Целью ставилось отвлечение от тяжелых впечатлений войны, знакомство с коллективной жизнью детского дома, декларировалось, что главное – «заставить их полюбить эту жизнь, которая должна сейчас заменить им семью и сразу же помочь сознательно осваивать советскую действительность»⁷.

Отметим, что в советской терминологии того времени не было такого понятия, как «социальная адаптация» учащихся. Считалось, что для успешной интеграции детей в общество необходимо привить им дух коллективизма и веру в победу коммунизма, уважение к социалистической собственности, любовь к партии большевиков и ее вождям.

В первую очередь необходимо было организовать учебный процесс так, чтобы дети в полном объеме могли освоить учебную программу. Проблема заключалась в том, что многие из прибывших – мальчики и девочки от 9 до 14 лет – вообще никогда у себя на родине не посещали школу. Поэтому при комплектации классов приходилось учитывать не только возраст учащихся, но и уровень их знаний. На первых порах в классах находились дети самых разных возрастов. Так, по воспоминаниям Виртудес Мартинес, ее, в ту пору девятилетнюю девочку, включили в класс вместе с двенадцатилетней сестрой: «В нашем классе находилось от 18 до 20 учеников, около трети из них не умели ни читать, ни писать. Что же до нас с сестрой, то мы успели закончить первый класс школы»⁸.

Однако, как отмечает испанский историк Иммакулада Коломина Лимонеро, элементом гораздо более важным, чем образование, в советской идеологической системе было понятие «воспитание в коммунистическом духе»⁹.

Идеология Советского Союза была воспринята детьми испанских шахтеров достаточно быстро. Предполагалось, что дети должны хорошо ориентироваться в международной политической обстановке, поэтому с самого начала приезда старшие школьники уже изучали газетные сводки о положении на фронтах Испании, узнавали об истории Октябрьской революции и СССР. В Российском государственном архиве фонодокументов сохранились радиовыступления школьников Х. Ариаса, А. Родригеса, Ж. Вальвальда. По словам ребят, в Советском Союзе они уже прожили 6 месяцев, успешно сдали экзамены и собирались ехать отдыхать в Одессу. В краткой речи ребята заявляют о том, что «с помощью СССР трудящиеся всего мира одержат победу», и о том, что испанские дети хотят учиться, чтобы впоследствии бороться с врагом «физически, интеллектуально и морально»¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на то что власти в лице Наркомпроса прикладывали усилия, чтобы детские дома для испанских детей были образцово-показательными учреждениями, на деле все зачастую выходило далеко не так, как хотелось и как представляла пропаганда. Оказалось, что система не в состоянии обеспечить равные условия относительно материально-технической базы, воспитания и образования испанских детей. Где-то положение было хорошим, даже благополучным, где-то совсем плачевным.

Так, в отчете ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов «О состоянии детских домов для испанских детей», составленном по итогам обследования детдомов УССР и РСФСР в 1938–1939 гг., отмечалось, что здания бывших домов отдыха, санаториев не всегда приспособлены под детские учреждения и достаточны по кубатуре и площади. Так, детский дом № 1 (станция Правда) оказался «разбросан по ряду корпусов, бараклов, подсобных помещений», в детском доме № 2 (село Красновидово) «тесно в спальнях, нет игровых комнат, в первом корпусе осыпается штукатурка», в детдоме № 3 (Калужская обл.) «теснота, 8–9 градусов тепла, канализация, водопровод частично бездействуют», в детдоме № 9 (г. Ленинград) «не остается помещения для внешкольной кружковой работы и игр», а школа детского дома № 3 в Одессе оказалась «в плохо освещаемых, холодных дачах»¹¹.

Плачевное состояние детдома № 14, размещенного в городе Куйбышеве, описано в «Акте проверки санитарного состояния

детдома», составленном врачебной комиссией 25 октября 1939 г. Согласно этому документу, дети были размещены в двух деревянных бараках, в то время как основной каменный корпус находился на длительном ремонте. Комиссия отметила тесноту, грязные полы и умывальники, холодные уборные¹². В гораздо лучшем состоянии оказался детдом № 5 (станция Обнинское). Он въехал в новое здание, изначально предназначавшееся для лесной школы Наркомпроса. Там было достаточно классных комнат, спален, имелись зрительный и физкультурный залы, библиотека, электростанция, водонапорная башня, столовая для персонала, изолятор, помещение канцелярии, жилые дома для педагогов и разные постройки.

Штаты детских домов оказались сильно раздутыми, при этом возник дефицит квалифицированных кадров. Так, в детском доме № 1 (станция Правда) на 550 детей оказалось 300 человек обслуживающего персонала, при этом не хватало учителей. В детдоме № 3 (Калужская обл.) на 263 воспитанника приходилось 175 сотрудников детдома, из них только 35 воспитателей и преподавателей, в детдоме города Евпатории около 180 детей обслуживали 116 взрослых. В штатных расписаниях были должности поваров, кухонных работников, кочегаров, швей, прачек, пожарных, киномехаников. В детском доме № 5 (станция Обнинское) числился баянист, получающий, как и главный врач, зарплату 600 руб. в месяц.

В результате проверки детдомов РСФСР, УССР и Крымской АССР членами ЦК союза работников дошкольных учреждений и детских домов выяснилось, что питание воспитанников, несмотря на равное финансирование, не одинаково по качеству и количеству. Питание вкусное, разнообразное, обильное получали преимущественно воспитанники Москвы и Ленинграда. В то же самое время в детдоме № 2 (село Красновидово), «готовят невкусно, кушанья однообразны, нет диетического питания»¹³. В детдоме № 3 (Калужская обл.), питание воспитанников было плохо организовано, с маленькими порциями. В этом детдоме старшие воспитанники жаловались на недоедание. Некачественными оказались блюда в детдоме города Киева, в результате чего дети часто отказывались от обеда, не радовало разнообразием меню воспитанников херсонского детдома, где ежедневно в обед и ужин готовились некачественные котлеты, а в детдоме города Евпатории однажды в компоте была обнаружена иглолка. Разное по качеству питание воспитанников разных детских домов при одинаковом финансировании объяснялось прежде всего отсутствием продуктовых норм питания для испанских детдомов и ненадлежащим контролем.

Снабжение детдомов спецназначения одеждой, обувью, инвентарем в разных регионах страны оказалось диаметрально противоположным. Если детдома Москвы, Ленинграда, Киева были снабжены всем необходимым, включая 5–6 смен белья, костюмами, платьями, обувью, то в детдоме № 2 (село Красновидово) в спальнях были обнаружены рваные матрацы, а также зафиксирована нехватка теплой одежды, в детдоме № 3 (Калужская обл.) детей застали в грязных, порванных костюмах, без пуговиц. Недостаток одежды и обуви был обнаружен и в херсонском детском доме. Предназначавшиеся для воспитанников 5 тыс. метров мануфактуры в одесских детских домах № 2 и № 3 были проданы сотрудникам учреждения. В детском доме г. Евпатории воспитанники были «одеты неряшливо, частично грязно, особенно дошкольники»¹⁴.

Только в половине учреждений имелись соответствующие изоляторы, квалифицированный медперсонал, санитарный надзор за питанием и помещениями. В остальных санитарное состояние, согласно выводам комиссии ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов, оказалось плачевным. Так, выяснилось, что в детдоме № 2 (село Красновидово) врач не контролирует питание, не добивается более частой смены белья у детей, в детдоме № 3 (Калужская обл.) «дети не стрижены, не причесаны, меняют белье раз в декаду», в детдоме № 2 (г. Одесса) была обнаружена грязь в столовой, медкарты были составлены только на 16 из 148 воспитанников, «изолятор и амбулатория не соответствуют назначению»¹⁵.

Представители ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов отмечали и недостатки воспитательной работы в испанских детских домах. Так, «сигналы неблагоприятной воспитательной работы» впервые были получены из Украины. Подверглись критике плохая дисциплина, отсутствие самообслуживания, большое количество неквалифицированных преподавателей, отсутствие рабочих планов у учителей. В связи с этим президиум ЦК Союза работников дошкольных учреждений и детских домов 17 августа 1938 г. обязал Одесское облоно и директоров одесских детдомов № 2 и № 3 укрепить педколлективы профессиональными кадрами. Предлагалось организовать семинар для повышения квалификации воспитателей и пионервожатых, а также специальные курсы для учебы испанок-воспитательниц. Однако это решение ЦК Союза выполнено не было, что выяснилось во время повторной проверки. Отмечалось, что работники аппарата Наркомпроса Украины не только не участвовали и не помогали в обследовании детских домов

представителями ВЦСПС и ЦК Союза, но встретили их крайне недружелюбно, назвав их обследования «партизанскими»¹⁶.

В целом по детдомам Украинской ССР вскрылись такие факты, как оскорбление детьми обслуживающего персонала в детдоме г. Киева, курение мальчиков, прогулы уроков в детдоме г. Херсона, сон в верхней одежде детей в детдоме № 3 г. Одессы. Отмечалась и слабая подготовка кадров. В детдоме № 2 (г. Одесса) только один воспитатель имел педагогическое образование, а в детдоме № 3 большинство воспитателей и пионервожатых не имели даже законченного среднего образования.

На хорошем счету оказался детдом № 5 (станция Обнинское). К услугам ребят было около 20 кружков, библиотека-читальня, работали секции по футболу, волейболу, акробатике, лыжам, конькам, спортивной гимнастике. Однако при более детальном знакомстве даже этот образцово-показательный детдом не избежал критики. В докладной записке «О состоянии детского дома № 5 для испанских детей» от 15 января 1939 г. сообщалось, что кружки авиамodelный и конструкторский не могут удовлетворить детей, так как они застыли на низком уровне и дети их посещают все меньше и меньше. Вместе с тем отмечалось, что режим детей оказался перегружен массовыми и зрелищными мероприятиями, а работники детдома живут вчерашним днем торжественных встреч детей героической Испании: «Слишком много праздничной, парадной шумихи, а в каникулы так загружали детей разными зрелищами, что некоторые дети говорят: “Когда же кончатся каникулы”. При моем присутствии из Москвы приезжала на 2 дня балетная школа Большого театра... На два дня приезжал железнодорожный джаз-ансамбль Дунаевского... В конце каникул намечены массовые выезды детей в Москву с торжественными заседаниями и ужинами...»¹⁷

Педагогическая работа в испанских детдомах критиковалась за недостаточное трудовое воспитание, плохие навыки самообслуживания у воспитанников: «Поставленные в хорошие материальные условия и имея огромный штат обслуживающего персонала, дети могут воспитаться барчуками, т. е. в духе, противном задачам нашей советской педагогики. Недаром они, дети испанских рабочих и крестьян, забывают пришивать пуговицы, небрежно относятся к вещам, летом, говорят, десятками пускали по реке сандали, били стекла, ломали и коверкали мебель»¹⁸.

В первый год после приезда испанских детей остро стоял вопрос о воспитательной работе с учетом национальной принадлежности учащихся. Отмечалось, что во многих детских домах

в программы внесены только русские революционные песни, изучение биографий вождей партии и героев Советского Союза, книг на испанском языке было очень мало. В результате, в некоторых детдомах дети начали забывать испанский язык.

Исключение составили детдома Ленинграда, где были организованы кружки по изучению испанского языка для учителей и воспитателей, в библиотеке оказалась хорошая подборка книг на испанском языке, на стенах висели портреты лидеров Коммунистической партии Испании – Хосе Диаса и Долорес Ибаррури.

Так как в детдомах учеба велась на обоих языках, то учителя-иностранцы сыграли важную роль в осуществлении педагогического процесса. К числу недостатков относились небольшой педагогический стаж многих испанских педагогов, а также отношение к их текущей работе с детьми как к временной. Испанские учителя и воспитатели критиковались за то, что не знали реалий Советского Союза, плохо ориентировались в политической обстановке, почти не участвовали в общественной жизни педколлективов. Вскоре многих испанских сотрудников детдомов стали отстранять от работы. Как отмечает историк А.В. Елпатьевский, принадлежность к Коммунистической партии Испании не играла определяющей роли. Отсеивались как не имеющие образования или педагогического опыта, так «не так себя ведущие» морально и в быту коммунисты¹⁹.

Итак, на первом довоенном этапе пребывания детей в СССР советская образовательная система не ставила задачу ассимиляции и включения детей в советское общество. Детей готовили к жизни в Испании и прививали им коммунистические ценности, но не избежали недостатков, в целом свойственных системе. Больше всего подвергались критике учреждения, находившиеся на территории УССР, хозяйственная и воспитательная работа которых вследствие слабой квалификации педагогических кадров и бесхозяйственности была признана неудовлетворительной.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 495. Л. 67.

² Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5987. Л. 1.

³ Там же. Д. 5986. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 5996. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 6001. Л. 3об.

- ⁷ Там же. Л. 1.
- ⁸ *Martinez V.A.* La Espanola rusa. Madrid, 2011. P. 22.
- ⁹ *Limonero I.C.* Dos patrias, tres mil destinos. Madrid, 2010. P. 26.
- ¹⁰ РГАФД. Ф. 1. Оп. 16 т/ф. Арх. № НР-169.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2959. Л. 1.
- ¹² Там же. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 334. Л. 1.
- ¹³ Там же. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 2959. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 226. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 5об.
- ¹⁹ *Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002. С. 158.

В.Н. Назаров

Железнодорожный транспорт
и условия воинских железнодорожных перевозок
на Северо-Западный (Финляндский) фронт
(1939–1940)

В статье на основе архивных документов анализируется состояние железнодорожной системы северо-западных районов СССР. Рассматривается способность этой железнодорожной системы к осуществлению массовых воинских перевозок. Анализируется роль воинских железнодорожных перевозок в обеспечении деятельности Северо-Западного фронта в период Советско-финляндской войны.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, воинские перевозки, военное снабжение, воинский эшелон, Советско-финляндская война 1939–1940 гг.

В последнее время в российской историографии при комплексном анализе ранее недоступных источников проводится изучение и осмысление предвоенного периода, в частности Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., и той роли, которую сыграл в войне железнодорожный транспорт.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основании ряда исторических документов, источников, литературных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, провести объективный, всесторонний и комплексный анализ деятельности железнодорожного транспорта по обеспечению развертывания Красной армии на северо-западных границах СССР в 1939–1940 гг.

Основу источниковой базы статьи составили как опубликованные материалы, так и документы государственных органов СССР, в первую очередь постановления партии и правительства, приказы и директивы наркома обороны СССР, начальника Генерального штаба РККА, начальника ЦУПВОСО Генерального штаба РККА

и ряда других, указы и директивы НКО, НКПС, ответственных за перевозки по железным дорогам в западных областях СССР.

Наиболее важным и серьезным источником явились документы, хранящиеся в следующих архивах:

1) Государственный архив Российской Федерации (здесь необходимо отметить документы государственных учреждений: ф. № 5446 Совета народных комиссаров СССР, особый интерес представляют документы и постановления правительства по выделению средств на развитие железнодорожного транспорта, по реконструкции и новому оборонному строительству; ф. № 5474 Верховного Совета СССР (документы и постановления о развитии железнодорожного транспорта);

2) Российский государственный архив экономики (особое значение имеют хранящиеся в нем документы о состоянии железнодорожного транспорта и его мобилизационной готовности, в частности ф. № 1884, из документов которого особый интерес представляет отчет НКВД СССР о мобилизационной готовности приграничных железных дорог);

3) Российский государственный военный архив (РГВА): представляют большую значимость для раскрытия данной темы материалы ЦУПВОСО Генерального штаба Красной армии и материалы Ленинградского военного округа (ЛВО).

На основе этих материалов необходимо рассмотреть проблемы расширения и реконструкции железнодорожной сети Ленинградского военного округа в 1939–1940 гг., осветить организацию железнодорожной транспортной системы, в частности выполнение заданий по обеспечению воинских перевозок, строительство пунктов выгрузки и погрузки, новых железнодорожных веток. Наконец, необходимо всесторонне исследовать проблемы военной мобилизации железнодорожного транспорта по обеспечению массовых воинских перевозок.

В этот период советское руководство, осознавая всю опасность и угрозу складывающихся для страны обстоятельств, предприняло необходимые меры для укрепления ее безопасности.

Заключение мирного Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. между СССР и Германией позволило советскому руководству отодвинуть границу на Карельском перешейке от Ленинграда в войне с Финляндией. И это было правильное решение на тот период времени.

В стратегическом отношении это был выигрыш для СССР, хотя в тактическом отношении выигрывал противник, потому что СССР не успевал подготовить присоединенные территории и обустроить новую границу к обороне страны.

Без хорошо налаженного железнодорожного транспорта нельзя рассчитывать на успех и победу в войне. Потому что современная военная стратегия, как показал опыт войн XX в., полностью опирается на возможности использования железнодорожной системы, которая несет на себе основную тяжесть воинских перевозок. И тот, кто планирует нападение без учета возможностей железнодорожной системы, будет обречен на поражение, так как железные дороги являются одним из главных элементов военной стратегии армии любой страны, и поэтому учет возможного использования железных дорог является основой подготовки и способности ведения военных действий.

Для успешного ведения военных действий любая армия, которая готовится к войне, должна располагать достаточной железнодорожной системой, по которой она сможет осуществлять необходимые воинские перевозки, маневрирование войсками на театре военных действий и обеспечивать в достаточной мере снабжение своих войск. Только хорошо подготовленный железнодорожный транспорт позволяет в современной войне своевременно доставлять на театр военных действий необходимое количество войск и вооружения, перебрасывать войска с одного фронта на другой. Железнодорожный транспорт является важным звеном наращивания промышленного производства и экономики страны, без чего невозможно достижение успеха и победы в затяжной войне.

В силу своей специфики железные дороги позволяют быстро перебрасывать на большие расстояния крупные соединения и армии и снабжать их всем необходимым. Высокая надежность действия и почти полная независимость от воздействия внешней среды обеспечивают регулярную работу и срочность выполнения воинских перевозок. Поэтому работа железных дорог в военное время имеет первостепенное значение, так как они являются основным перевозчиком войск и воинских грузов.

Железнодорожное транспортное обеспечение включает в себя комплекс согласованных мероприятий по подготовке железных дорог, их технического обеспечения, технической эксплуатации, восстановлению для обеспечения потребности войск в транспортных подвижных средствах.

Железнодорожный транспорт является средством мобилизации страны перед войной, стратегического сосредоточения и развертывания войск.

Советское военно-политическое руководство не уделяло достаточного внимания Финляндии и, начав войну, не подготовило театр военных действий в дорожном отношении и не

сосредоточило достаточное количество войск и боевой техники, решив, что Финляндия – это не противник для Советского Союза – и вопрос будет разрешен быстро и в короткий срок одним наскоком. Не было необходимых разведывательных данных об оборонительных сооружениях Финляндии и состоянии ее армии. А Финляндия все это время готовилась к войне, развивала оборонную промышленность, создавала оборонительные линии, вооружала свою армию современной техникой, вела дорожное строительство с помощью западных государств, вначале Англии и Франции, а потом и Германии.

Все воинские перевозки Народного комиссариата обороны (НКО) по Октябрьской и Кировской железным дорогам, которые осуществлялись с ноября 1939 г. по март 1940 г., выполнялись без подготовленного плана и распорядительным порядком.

Основными железнодорожными направлениями на Северо-Западном (Финляндском) театре военных действий являлись: Петрозаводск–Мурманское, Кексгольмское, Выборгское.

Петрозаводск–Мурманское железнодорожное направление, которое имело параллельное по отношению к советско-финляндскому фронту положение, представляет собой однопутную рокадную линию, опирающуюся на железнодорожный узел Волховстрой. Эта железнодорожная рокадная линия не имела ответвляющихся от нее железнодорожных участков, которые позволили бы направить воинские перевозки к фронту. Поэтому действующие войска вынуждены были базироваться на эту рокадную железнодорожную линию непосредственно, с большим отрывом от своих баз снабжения.

Кексгольмское и Выборгское железнодорожные направления совпадали с главными направлениями Финляндского театра военных действий, выводили потоки воинских перевозок к той части фронта, которая находилась на Карельском перешейке. Но железнодорожные участки этих направлений опираются на правобережную часть Ленинградского железнодорожного узла, которая была соединена с его левобережной частью только одной однопутной линией с мостом через реку Неву, что приводило к затруднениям по пропуску эшелонов на Карельский перешеек.

Размеры пропускной способности выбрасывающих и подводящих железнодорожных линий и участков, железнодорожных направлений, предусмотренные по мобилизационному плану, а также то количество пар поездов, которое было представлено Наркоматом обороны для выполнения воинских перевозок в период войны, выглядели следующим образом.

«Петрозаводск–Мурманское железнодорожное направление:

а) выбрасывающий участок:

Волховстрой–Петрозаводск–Мурманск – пропускная способность по воинскому графику 21–19 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО по нормальному графику в период войны с белофиннами, – 16 пар поездов;

б) подводящие железнодорожные участки:

Мга–Волховстрой – пропускная способность по воинскому графику 38 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО по нормальному графику в период войны с белофиннами, – 8 пар поездов;

Чудово–Волховстрой – пропускная способность 12 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 10 пар поездов;

Вологда–Волховстрой – пропускная способность 23 пары поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 6 пар поездов.

Итого: 73 пары поездов в сутки»¹.

«Кексгольмское железнодорожное направление и Выборгское железнодорожное направление:

а) выбрасывающие участки:

Кушелевка–Пискаревка–Васкелово – пропускная способность 15 пар поездов;

Ленинград–Ланская–Белоостров – пропускная способность 36 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 10 пар поездов.

Итого: 51 пара поездов в сутки.

б) соединительная ветка:

Глуховская–Дача–Долгоруково–Пискаревка – пропускная способность 36 пар поездов;

в) подводящие железнодорожные участки:

Ярославль–Ленинград – пропускная способность 11 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 4 пары поездов;

Бологое–Ленинград – пропускная способность 65 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 32 пары поездов;

Новгород–Ленинград – пропускная способность 13 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 5 пар поездов;

Дно–Ленинград – пропускная способность 26 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 6 пар поездов;

Луга–Ленинград – пропускная способность 49 пар поездов; количество поездов, выделенных НКО, – 10 пар поездов.

Итого: 164 пары поездов в сутки»².

Из анализа этих данных видно, что если подводящие железнодорожные участки Петрозаводск–Мурманского направления

обеспечивают прием в железнодорожный узел Волховстрой 73 пары поездов в сутки, то рокадная линия допускает пропуск до станции Петрозаводск 21 пары поездов, а до станции Мурманск – только 19 пар поездов в сутки.

Подводящие железнодорожные участки Выборгского и Кексгольмского направления обеспечивают прием в Ленинградский железнодорожный узел 164 пары поездов в сутки, а железнодорожные участки допускают подачу на Карельский перешеек только 51 пару поездов, так как соединительная линия через реку Неву ограничивает пропуск до 36 пар поездов в сутки. Мост через реку Неву являлся самым «узким местом» Ленинградского железнодорожного узла из-за его ограниченной пропускной способности.

Сложность воинских перевозок в связи с неподготовленностью Северо-Западного театра военных действий в железнодорожном отношении была вызвана тем, что к Ленинграду и к станции Волховстрой можно подавать достаточное количество поездов, а от них на Карельский перешеек и на север пропускалось очень малое, явно недостаточное количество поездов.

То обстоятельство, что Финляндский театр военных действий не был заранее подготовлен в железнодорожном отношении, привело к скоплению поездов и забитости Ленинградского железнодорожного узла и станции Волховстрой, которые не были развиты в достаточной мере для пропуска потока подходивших к ним воинских эшелонов. Поскольку переход на воинский график не был осуществлен, воинские перевозки выполнялись без подготовленного плана и распорядительным порядком, без учета фактической возможности пропуска потока поездов в пункты назначения, т. е. не учитывалось, смогут ли железнодорожные участки пропустить такое количество поездов, какое направлялось. Также пункты передачи поездов с Октябрьской железной дороги на Кировскую не имели достаточного путевого развития и не могли обеспечить необходимый прием поездов из-за ограниченности имеющегося к ним подхода.

Это все явилось причинами нарушения выполнения воинских перевозок на Финляндский театр военных действий, так как вызывало длительные простои воинских эшелонов на станциях и в железнодорожных узлах, т. е. возникала несоразмерность количества поездов, поступающего на железнодорожные участки, с количеством поездов, возможным для пропуска в пункты назначения.

Как уже сказано выше, в связи с тем что своевременно не перешли на воинский график, перевозки совершались распорядительным порядком, путем маневрирования воинскими поездами, на

распорядительной станции в пределах железной дороги, которая не справлялась с маневровой работой. Из-за такого количества подходивших поездов возникали трудности в руководстве воинскими перевозками на Северо-Западный фронт.

Железнодорожная сеть Финляндии еще до 1917 г. строилась Российской империей, но впоследствии Финляндия произвела развитие узлов и дополнительное строительство железнодорожных линий к границам СССР.

«Со стороны Финляндии непосредственно к нашей прежней государственной границе подходят следующие шесть выбрасывающих железнодорожных участков, с общей пропускной способностью в 135 пар поездов в сутки:

Выборг–Койвисто–Териоки — 18 пар поездов в сутки.

Выборг–Перкъярви — 48 пар поездов в сутки.

Выборг–Валкярви — 12 пар поездов в сутки.

Елинсеннваара–Рауту — 21 пара поездов в сутки.

Маткаселька–Ууксу — 24 пары поездов в сутки.

Маткаселька–Нейстенярви — 12 пар поездов в сутки.

Итого: 135 пар поездов в сутки.

Железнодорожными линиями, подводящими потоки перевозок к перечисленным выбрасывающим железнодорожным участкам и к Северному участку фронта, служат следующие:

Лахти–Коувела–Симола–Выборг — 24 пары поездов.

Хапамяки–Пиексямяки–Елинсеннваара — 20 пар поездов.

Оулу–Контиомяки–Нурмес–Иоэнсу–Маткаселька — 25 пар поездов.

Кеми–Кемиярви — 12 пар поездов.

Итого: 81 пара поездов»³.

Из этого видно, что более основательно подготовленная железнодорожная сеть Финляндии позволяла при возможности пропустить от ближайшей рокадной линии 135 пар поездов в сутки, а также обеспечить пропуск потока воинских перевозок к этой рокадной линии в количестве 81 пары поездов, в том числе 12 пар поездов в сутки непосредственно на северный участок фронта.

Таким образом, Финляндия заранее провела подготовку театра военных действий как в оборонном отношении, создав линию Маннергейма, так и в железнодорожном отношении, построив новые и развив существующие линии, обеспечив подачу необходимого количества пар поездов к линии фронта для снабжения своих войск. А попытка СССР решить возникшую проблему без необходимой подготовки, наскоком потерпела неудачу и привела к тяжелым потерям и прекращению наступления на линию Маннергейма.

При сопоставлении возможностей советской железнодорожной сети в отношении обеспечения стратегического сосредоточения вооруженных сил и подвоза необходимого обеспечения и снабжения войск с возможностями железнодорожной сети Финляндии очевидно, что соотношение этих возможностей было не в пользу СССР.

«Наши максимальные возможности сосредоточения и подвоза снабжения в парах поездов в сутки (при условии перехода на воинский график):

на Карельский перешеек 36 поездов;

на Петрозаводское направление 21 поезд;

на Северный участок фронта 18 поездов (только при перевалке через Белое море).

Всего: 75 пар поездов в сутки»⁴.

«Наши возможности, в соответствии с предоставленной во время войны для воинских перевозок нормой по нормальному графику:

на Карельский перешеек 36 поездов;

на Петрозаводское направление 48 поездов;

на Северный участок фронта 18 поездов (только при перевалке через Белое море).

Всего: 110 поездов»⁵.

«Возможности Финляндии по сосредоточению и подвозу снабжения в парах поездов в сутки:

на Карельский перешеек 44 поезда;

на Петрозаводское направление 25 поездов;

на Северный участок фронта 12 поездов.

Всего: 81 поезд»⁶.

Из приведенных данных видно, что даже при условии использования нами максимальных возможностей нашей железнодорожной сети на тот период времени преимущество в железнодорожном отношении, в смысле обеспечения и подвоза войск и снабжения было на стороне Финляндии.

Таким образом, из-за неподготовленности Финляндского театра военных действий в железнодорожном отношении привело к забиванию воинскими эшелонами узких мест на Октябрьской и Кировской железных дорогах, которые повлияли на соседние железные дороги, вызвав на них затруднения.

Недостаточная пропускная способность Кировской железной дороги и отсутствие выводящих от нее ответвлений к государственной границе по основным операционным направлениям войск Красной армии, а также недостаточное развитие участковых станций и не подготовленность станций выгрузки привели

к осложнению по обеспечению и снабжению войск Красной армии, находившихся к северу от Ладожского озера.

Слабое путевое развитие станций железнодорожных участков Октябрьской железной дороги Кексгольмского и Выборгского направлений и недостаточная подготовленность их для выгрузки войск, а также недостаточное развитие Ленинградского узла ограничивали возможность маневрирования поездами при передаче их на Кировскую железную дорогу. И наличие только одной однопутной линии с мостом через р. Неву, соединяющей левобережную часть Ленинградского узла с правобережными железнодорожными участками Кексгольмского и Выборгского направлений, привело к затруднениям по обеспечению и снабжению войск, находившихся непосредственно на Карельском перешейке.

И только подготовив театр военных действий в железнодорожном отношении, развив узлы и построив обходные линии в тяжелых зимних условиях, что позволило накопить силы и обеспечить войска всем необходимым в достаточной мере, удалось разрешить военный конфликт с Финляндией.

Примечания

¹ РГВА. Ф. 33. Оп. 13. Д. 306. Л. 1–5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 6–10.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Организация обозно-вещевого снабжения в период централизации системы снабжения РККА (1935–1941)

В статье рассмотрена организация обозно-вещевого снабжения РККА в период 1935–1941 гг. Описаны изменения структуры снабжения в указанный период. Исследование проведено на основе документов Российского государственного военного архива. Выявлены недостатки организации снабжения накануне Великой Отечественной войны, отмечено приобретение руководящими органами Красной армии ценного опыта в снабжении войск.

Ключевые слова: Советско-финляндская война 1939–1940 гг., Красная армия, обозно-вещевое снабжение, Управление снабжений, военно-хозяйственная служба.

Построение системы тылового обеспечения Красной армии берет свое начало в период Гражданской войны, когда возник вопрос о создании органов тылового обеспечения практически с нуля. Уже в 1918 г. для руководства снабжением и обслуживанием создаваемых армии и флота было создано Центральное управление снабжения РККА, преобразованное впоследствии в Управление снабжений РККА, и введена должность начальника снабжения, которому были подчинены центральные довольствующие управления: артиллерийское, военно-хозяйственное, военно-инженерное, квартирное и т. д. В ноябре 1929 г. Управление снабжений РККА было расформировано. Многие довольствующие управления к этому времени уже были переведены в непосредственное подчинение заместителя председателя Реввоенсовета СССР или переподчинены Управлению начальника вооружений РККА¹. В 1930-х годах довольствующие управления, находившиеся в подчинении началь-

ника вооружений, разукрупнились, приобретая статус центральных управлений.

Такая структура управления тылом просуществовала вплоть до 1935 г. Важным этапом в совершенствовании военного хозяйства явилось постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1935 г. о состоянии обозно-вещевого и продовольственного снабжения Красной армии и флота. В постановлении состояние военного хозяйства оценивалось как неудовлетворительное, что являлось результатом отсутствия систематического руководства и внимания к делу снабжения со стороны командования, кроме того, резко критиковалась схема снабжения войск. Этим же постановлением предусматривалось и образование Управления обозно-вещевого снабжения, которое являлось центральным органом Народного комиссариата обороны (НКО) СССР по обеспечению Красной армии всеми видами обозно-вещевого довольствия; во главе Управления стояли начальник и военный комиссар².

По «Положению об Управлении обозно-вещевого снабжения» к предметам обозно-вещевого снабжения относились: обмундирование, обувь, белье, снаряжение, теплые вещи, постовая и специальная одежда, лагерные и специальные палатки, санитарно-хозяйственное имущество, починочные и ремонтные материалы, предметы хозяйственного обихода, мастерской инструмент, спортивное имущество, повозки конной тяги, санный обоз, походные кухни, упряжь, верховые и выючные седла, запасные части и брезенты к обозу, предметы конского ухода, колесная и амуничная мазь, ремонтный материал, лыжное и амуничное имущество, походные ремонтные мастерские, полевые автопрачечные и банно-прачечные поезда, отдельные агрегаты, запасные части к ним³.

Упомянутое выше постановление вводило схему организации снабжения: центр – округ (армия) – дивизия – полк (батальон) – рота – красноармеец. В период с 1935 по 1938 г. она находилась в стадии отработки и к началу военных действий 1938–1940 гг. не могла еще функционировать должным образом. На реализации обозно-вещевого снабжения отрицательно сказывалось отсутствие квалифицированных кадров военно-хозяйственного аппарата, низкая укомплектованность работниками обозно-вещевых отделов различных уровней, отсутствие преемственности кадров руководящих органов. Вследствие вышеназванных обстоятельств отработка схемы обозно-вещевого снабжения армии чрезвычайно затянулась. Кроме того, на развитие обозно-вещевого снабжения армии чрезвычайно негативное влияние оказывала несогласованность в действиях

руководящих органов, отсутствие четкого распределения обязанностей между Управлением обозно-вещевого снабжения, Управлением начальника снабжений, образованным в 1939 г., и Генеральным штабом РККА, где производилось планирование и накопление мобилизационных запасов, а также Управлением военных сообщений, входившим в состав Генерального штаба и занимавшимся перевозками материальных средств. Кроме того, функции по накоплению и планированию мобзапасов также распределялись между Главным управлением Красной армии и Генеральным штабом. Результатом несогласованности действий руководящих органов явилось фактическое отсутствие мобилизационного плана и неприкосновенного запаса в стране. Данной проблемой, исходя из изученного материала, всерьез занялись лишь на исходе 30-х годов, а накопить неприкосновенный запас в столь сжатые сроки возможным не представлялось. На создание неприкосновенного запаса отрицательно влияла нехватка складского пространства; организация хранения имущества на складах являлась неудовлетворительной, что показывали материалы ревизий.

Тем не менее следует отметить, что во второй половине 1930-х годов вводились новые нормы снабжения и образцы имущества, проходило совершенствование подготовки военных представителей на промышленных предприятиях. Все это являлось положительными тенденциями в развитии обозно-вещевого снабжения.

Непростая ситуация, сложившаяся в области обозно-вещевого снабжения к концу 1930-х годов, серьезно повлияла на обеспечение армии в период военных конфликтов 1938–1940 гг., в том числе из-за отсутствия у командования Красной армии адекватного представления о климатических и рельефных условиях театров военных действий, а также о масштабах и характере предстоящих боевых действий.

Явно давали о себе знать существовавшие недостатки в организации обозно-вещевого снабжения. Обнаружились большие трудности в обеспечении действующих армий обозно-вещевым имуществом в полевых условиях. При верных расчетах командования процесс обеспечения войск протекал бы значительно проще, несмотря на имеющие место крупные недостатки как в организации тыла в целом, так и в организации обозно-вещевого снабжения. Однако из-за просчетов командования эти недостатки стали «острыми углами» в организации обозно-вещевого снабжения в период военных действий.

Так, неверные выводы, сделанные командованием по итогам боевых действий на оз. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г.

в области организации обозного и вещевого снабжения, сказались отрицательным образом на обеспечении армий обозно-вещевым имуществом уже во время похода в Западную Украину и Белоруссию 1939 г., притом что условия организации похода не являлись самыми тяжелыми: отсутствовала насыщенность военных действий сторон, однако сказывались особенности расположения войск, огромная их растяжка, неприспособленность железнодорожной колеи. На период похода командованием не были подготовлены склады обозно-вещевого имущества как таковые. Они были объединены со складами других видов имущества, а иногда со складами продовольствия и носили название головных объединенных хозяйственных складов. Кроме того, их количество было недостаточным для численности войск, задействованных в походе (по одному на армию). Вследствие неудовлетворительной организации обозно-вещевого снабжения в мирное время поступление имущества по заявкам из центра сильно задерживалось.

По итогам военных действий 1938–1939 гг. руководящим составом РККА не было выдвинуто сколько-нибудь радикальных предложений по оптимизации обозно-вещевого снабжения.

Серьезнейшим испытанием в организации обозно-вещевого снабжения РККА накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стала Советско-финляндская война 1939–1940 гг.

Для реализации военных задач планировалось использовать войска нескольких военных округов. Однако план был подвергнут критике И.В. Сталиным, и новый план было поручено разработать командованию Ленинградского военного округа (ЛВО), согласовав его с руководством города, которое, в свою очередь, получило установку правительства обеспечить войска всем необходимым для ведения боевых действий⁴.

К началу военной кампании были установлены новые нормы и порядок обеспечения теплыми вещами на зиму 1939/40 г. личного состава ЛВО, в примечании к которым сказано, что ватное обмундирование для начсостава и валенки для всего состава должны отпускаться только тем частям, которые расположены севернее Петрозаводска. При этом теплые белье при отпуске ватного обмундирования начсоставу, согласно указанным нормам, не отпускалось⁵. Указанные выше факты демонстрируют практически полное незнание командованием климатических условий театра военных действий. Даже то обстоятельство, что военную кампанию планировалось провести в сжатые сроки, не является показателем отсутствия необходимости обеспечения теплым обмундированием.

В период с 23 по 29 сентября 1939 г. по заданию Экономического совета при СНК СССР комиссиями в составе представителей Управления обозно-вещевого снабжения и комиссиями советского контроля при СНК СССР была произведена проверка наличия и качественного состояния зимнего обмундирования в ЛВО. Красноармейцы были обмундированы плохо и небрежно. Большое количество используемых ботинок было негодным, шинели маломерные. Ремонт в частях не производился. Согласно приказу НКО, следовало создать специальные комиссии, на которые возложить проверку хранения и сбережения всего обозно-вещевого имущества на складах, подразделениях, в академиях. Было отмечено, что за состояние и учет имущества, независимо от работы комиссий, несут ответственность командиры и комиссары частей⁶. Следует иметь в виду, что опыт боев на оз. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г., показал невозможность сосредоточения в руках командования вопросов обеспечения имуществом вследствие того, что эти вопросы являются сторонними и отвлекают командование от руководства боевыми действиями. На протяжении всей «зимней войны» 1939–1940 гг. существовали огромные недостатки обозного и вещевого имущества. Указанное обстоятельство касалось в большей степени армий северных направлений. Например, в 8-й армии по состоянию на 6 января 1940 г. недоставало 13 697 стальных шлемов, 12 469 шинелей, 48 806 плащ-палаток, 67 500 пар обуви, 8670 котелков при средней списочной численности армии 153 710 чел. Прибывающие в состав действующей армии части в большинстве своем были не полностью обеспечены теплым обмундированием, валенками, кожаной обувью, походными кухнями, снаряжением, не имели актов и ведомостей обеспечения их имуществом в местах формирования. Это обстоятельство, естественно, усложняло выявление потребности и истребование от фронта недостающего⁷, из-за этого части предоставляли неверные заявки, на корректировку которых требовалось больше времени, чем на их составление.

Недостаточная проработка структуры тыловых органов сказывалась на передаче руководящих указаний в войска. Случалось, что решения руководящих органов РККА, в том числе Управления начальника снабжений и Управления обозно-вещевого снабжения, поступали непосредственно в армии. Однако по всем решениям руководящих органов должны были составляться указания военного совета фронта, которые и должны были поступать в действующие армии⁸. Временный устав тыла, документ, где прописана организационная схема снабжения обозно-вещевым имуществом, был

получен действующими армиями только в конце января 1940 г.⁹, когда организация снабжения начала постепенно налаживаться в соответствии с нижеследующими обстоятельствами. Так, основными мерами, касавшимися реорганизации структуры фронтовых органов снабжения, безусловно, были образование в начале января 1940 г. Северо-Западного фронта под командованием С.К. Тимошенко и Управления заместителя командующего войсками ЛВО по материальному обеспечению и санитарной эвакуации северных армий под руководством комкора М.В. Захарова¹⁰. Членом военного совета Северо-западного фронта был назначен А.А. Жданов – секретарь городского и областного комитетов ВКП(б).

Назначение Тимошенко и Жданова оказало огромное влияние на подготовку операций и использование промышленных ресурсов г. Ленинграда и Ленинградской области. Тимошенко, будучи еще командующим Киевским особым военным округом, с группой военных командиров приезжал на Карельский перешеек с целью изучения обстановки и боевого опыта¹¹.

Постановлением Военного совета фронта от 10 января 1940 г. были введены должность заместителя начальника штаба фронта по тылу и временные штаты Управления начальника снабжения фронта, включавшие в свой состав штаты управлений военно-технического, военно-хозяйственного и артиллерийского снабжения¹². В начальный период Советско-финляндской войны основным органом, отвечавшим за снабжение войск, являлся отдел тыла армии, который не имел директивных полномочий, а должен был исполнять лишь согласовательные функции между службами¹³.

С января 1940 г. войска армий переводились на штат военного времени, и имущество стало выдаваться также по нормам военного времени¹⁴. Так, директивой Главного управления Красной армии были регламентированы общие для всего состава КА нормы вещевого довольствия и снаряжения на военное время. Одному военному служащему были положены: зимний шлем, шинель, летняя рубашка, ватная телогрейка, ватные шаровары, две пары перчаток, одна пара ботинок с обмотками, вещмешок, котелок, фляга с чехлом¹⁵. О валенках в документе не сказано, по-видимому, из-за того, что по нормам, введенным к началу военных действий, они полагались не всему составу.

1 февраля 1940 г. в целях оперативного использования имущества и обнаружения в войсковых частях его недостатков издан приказ НКО «С установлением табеля срочных донесений». Учет и отчетность по приказу надлежало вести с 1 февраля.

Согласно указанному документу, все обозно-вещевое имущество, находившееся в частях, считалось имуществом текущего довольствия, учет имущества неприкосновенных запасов и сборов отдельно не велся¹⁶. Приложенный к приказу табель срочных донесений представлял собой отчет об обеспеченности вещевым, хозяйственным имуществом, снаряжением, спецодеждой, починочным материалом, обозно-конским, лыжным имуществом и т. д. Также табель содержал сведения о наличии походно-ремонтных мастерских, об их пропускной способности, об укомплектованности рабочей силой¹⁷. Срочные донесения, согласно табелю, необходимо было предоставлять всем округам первого числа каждого месяца. Издание приказа было вызвано необходимостью наладить так и не налаженный до начала войны с Финляндией учет.

В результате военных действий были даны руководящие указания об уменьшении веса снаряжения бойца при наступлении, о порядке обеспечения, способе и методах ремонта имущества, о сборе имущества на поле боя и о сборе трофейного имущества, об обменном фонде в санучреждениях, о создании армейских головных складов обозно-вещевого имущества, подвижных дивизионных складов¹⁸.

По окончании военных действий были выдвинуты предложения о том, что основной фигурой в деле снабжения всеми видами довольствия должен являться заместитель начальника штаба по тылу. Обосновано мнение о том, что именно на него необходимо возложить руководство тылом соединений и частей и подчинить ему все службы. В обязанности указанного должностного лица необходимо было включить снабжение всеми видами имущества, организацию ремонта, банно-прачечное обслуживание и организацию питания бойцов. На заседании комиссии по вопросам организации военно-хозяйственного снабжения Красной армии 19–20 апреля 1940 г. был принят ряд решений относительно штатного расписания хозяйственной службы войсковых частей и соединений Красной армии, а также штатов и количества обозно-вещевых складов и мастерских. Изменения в структуре центральных органов снабжения произошли в конце и через некоторое время после войны¹⁹.

До июля 1940 г. структурная модель подчинения органов обозно-вещевого снабжения в основном оставалась прежней, как и принятая в 1935 г. схема снабжения войск. Но, согласно директиве Главного управления Красной армии от 26 февраля 1940 г., в целях оптимизации обозного и вещевого снабжения армии с 1 марта Управление обозно-вещевого снабжения РККА было разукрупнено и были образованы два самостоятельных управления:

Управление вещевого снабжения Красной армии и Управление обозно-хозяйственного снабжения Красной армии. Управление обозно-вещевого снабжения РККА ликвидировали²⁰. Нельзя сказать, что влияние на эти изменения оказала только Советско-финляндская война 1939–1940 гг., скорее они были вызваны наращиванием темпов производства, необходимостью разделения по отраслям снабжения, с одной стороны, и постепенной централизацией тылового аппарата – с другой. Опыт указанной военной кампании подтвердил необходимость этих перемен. Приказом НКО СССР от 22 июля 1940 г. Управление начальника снабжений Красной армии переименовано в Главное интендантское управление Красной армии²¹.

Во главе Главного интендантского управления стоял главный интендант Красной армии. Следует сказать, что А.В. Хрулев являлся инициатором введения указанной должности²². На главного интенданта возлагалось продовольственное, вещевое, обозно-хозяйственное и квартирно-эксплуатационное обеспечение Красной армии, а также руководство Главным управлением по торговле в Красной армии Народного комиссариата торговли СССР²³.

В июле 1940 г. в связи с расформированием Главного управления Красной армии и передачей его функций Генеральному штабу в составе Генерального штаба оказалось Управление устройства тыла и снабжения, находившее ранее в составе Главного управления Красной армии. Это был очередной шаг к централизации управления снабжением с целью уменьшения несогласованности в руководящих решениях.

Несмотря на проводимую работу, к началу Великой Отечественной войны все еще отсутствовала централизованная и в то же время гибкая структура управления тылом, что сказывалось самым отрицательным образом на организации всех видов снабжения, в том числе и на снабжении обозно-вещевым имуществом. Процесс централизации тыловых структур был завершен только к августу 1941 г. Согласно приказу НКО от 1 августа 1941 г., была введена должность начальника тыла Красной армии, объединявшего под своим руководством Главное интендантское управление, Управление военных сообщений и Штаб начальника тыла, который, в свою очередь, имел отделы планирования материального обеспечения, железнодорожных и автомобильных перевозок, органов и учреждений тыла²⁴.

Таким образом удалось добиться согласованности в деятельности руководящих учреждений.

- 1 РГВА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 91. Л. 26–30.
- 2 *Вещиков П.И.* От военного хозяйства армии и флота к тылу вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2011. С. 241.
- 3 РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 50. Л. 206.
- 4 *Щерба А.Н.* Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е годы. СПб., 1999. С. 124.
- 5 РГВА. Ф. 34980. Оп. 4. Д. 437. Л. 22–22об.
- 6 Там же. Д. 433. Л. 10–11.
- 7 Там же. Оп. 3. Д. 442. Л. 1–2.
- 8 Там же. Д. 458. Л. 40.
- 9 Там же. Оп. 5. Д. 407. Л. 163.
- 10 Там же. Оп. 4. Д. 170. Л. 3.
- 11 Там же. Оп. 14. Д. 43. Л. 30–31.
- 12 Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.
- 13 *Жуков С.А.* Тыл Красной армии в Советско-финляндской войне: 1939–1940 гг. М., 2008. С. 210.
- 14 РГВА. Ф. 34980. Оп. 4. Д. 434. Л. 91–91об.
- 15 Там же. Оп. 1. Д. 1303. Л. 25.
- 16 Там же. Оп. 2. Д. 263. Л. 126–128.
- 17 Там же. Д. 271. Л. 1.
- 18 Там же. Оп. 14. Д. 42. Л. 11об.
- 19 Зимняя война: 1939–1940. Кн. 2: И.В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б) / РАН. Ин-т всеобщей истории; отв. ред.: Е.Н. Кульков, О.А. Ржешевский. М.: Наука, 1998. С. 167–179.
- 20 РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 406. Л. 180.
- 21 Там же. Ф. 4 Оп. 15а. Д. 501. Л. 75–75об.
- 22 *Куманев Г.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2002. С. 126.
- 23 РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 497. Л. 120.
- 24 *Вещиков П.И.* Военное хозяйство – тыл Вооруженных сил России: XVIII–XX вв. М., 2003. С. 446.

А.Д. Винокуров

«Рыба – фронту!»:
Чурапчинская трагедия 1942–1944 гг.:
из истории трудовых мобилизаций
в Якутской АССР

В статье на основе документов Национального архива Республики Саха (Якутия) и аудиовизуальных воспоминаний, собранных в рамках работы историко-мемориального проекта «Албан аат – 2015», исследован вопрос принудительной трудовой мобилизации чурапчинских колхозников на добычу рыбы для снабжения фронта и центральных районов СССР. На основе анализа воспоминаний автором выделены практики адаптации к новым условиям жизни, особенности питания и производственной повседневности среди колхозников-переселенцев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Якутская АССР, переселенец, трудовая мобилизация, традиционные практики, производственная повседневность.

В данной работе предпринята попытка исследования адаптационных практик и производственной повседневности чурапчинских переселенцев, оторванных от родных мест в годы военного лихолетья. Несмотря на массив опубликованных архивных документов и упоминание о переселении в ряде исследований, данная тема продолжительное время оставалась закрытой и остается слабоизученной. При подготовке статьи автор обратился к опубликованным архивным источникам в сборнике документов «История Чурапчинского переселения: документы, цифры, факты», для иллюстрации практик повседневной жизни в научный оборот введены аудиовизуальные воспоминания респондентов историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015». Необходимо подчеркнуть, что это событие вошло в историю Якутии как Чурапчинская трагедия.

В связи с тяжелой обстановкой на фронте, признав кризис системы государственного снабжения в решении проблемы продовольственного обеспечения армии и населения центральных районов страны, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 16 января 1942 г. утвердили постановление № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Согласно данному постановлению, Якутский обком ВКП(б) совместно с Совнаркомом ЯАССР и Якутским рыбтрестом предписал райкомам партии и райсоветам республики создать 200 рыболовецких бригад при сельскохозяйственных колхозах¹.

Но эти решения не обеспечивали выполнения плана рыбодобычи, и тогда Якутский обком ВКП(б) принял решение о переводе 30–40 колхозов Чурапчинского района на устав рыболовецких колхозов и их дальнейшем переселении в Кобяйский, Жиганский и Булунский районы². Обоснованием этого решения стали засуха и фискальная задолженность колхозов Чурапчинского района. Согласно распоряжению, в связи со сменой профиля с переселяемых колхозов снимались обязательства по государственным поставкам. Для организации и осуществления всех мероприятий по переселению и разъяснительной работы была образована комиссия в составе восьми представителей различных ведомств под председательством наркома земледелия ЯАССР Н.Г. Анашина.

16 августа 1942 г. в Чурапче на заседании Чурапчинского райкома партии при участии представителей органов советской власти ЯАССР был утвержден проект переселения колхозов района в три северных района. Ход работы по организации переселения 41 колхоза отражен в справке от 10 сентября 1942 г., подготовленной комиссией: «В период с 17 по 23 августа проводились в нассоветах (наследный совет, соответствует сельскому совету) собрания наследного актива и в колхозах собрания колхозного актива, а общие собрания колхозников во всех переселяемых колхозах – с 17 по 28 августа. 4988 чел и 1972 головы коров и конского скота переселились в северные районы. В некоторых колхозах на общих собраниях (им. Новгорода, им. Калинина) выносили благодарность обкому и СНК ЯАССР за заботу о колхозниках. Наряду с этим в 2 колхозах: им. Ворошилова и “15 лет Комсомола” незначительная часть колхозников, главным образом, из бывшей зажиточной части или бывшие участники банд пытались сорвать переселение... В числе переселившихся членов ВКП(б) – 8, кандидатов – 5, комсомольцев – 84 человек...»³.

Несмотря на обязательный характер переселения, часть колхозников изъявила желание остаться на родине, примером может

послужить письмо колхозницы Д.А. Поповой в адрес переселенческой комиссии⁴: «Прошу Вас принять к сведению, о том, что я против переселения из родной земли в другое место, поэтому я остаюсь у родного сына В.Д. Попова. Он и колхоз не возражают против принятого мною решения...».

Переселение часто носило принудительный характер с привлечением сотрудников милиции, о чем свидетельствует факт, записанный со слов Е.К. Собакина: «Отец, желая спасти меня от переселения, решил уйти в Мегино-Кангаласский район в семью старшей дочери. Нашему плану не суждено было сбыться, по пути нас остановили милиционеры и сказали, что наша попытка приравнивается к побегу и будет осуждена по законам военного времени»⁵.

В сборнике документов «История Чурапчинского переселения» указано, что каждой семье разрешалось брать только 16 кг поклажи. Колхозники тратили на путь от трех до шести суток в зависимости от удаленности наслегов и к 28 августа 1942 г. стали прибывать к Бестяхской пристани. Однако в первые дни обещанное властями района и республики централизованное питание организовано не было, о чем свидетельствует выдержка из справки от 28 августа 1942 г. руководству Якутского обкома: «Прибывшие на берег люди не имеют денег на выкуп продуктов до прихода парохода, а Рыбтрест будет кормить бесплатно только на пароходе»⁶. Люди, находившиеся более месяца под открытым небом на берегу Бестяхской пристани, были истощены, оставшись без должного питания и размещения со стороны организаторов переселения и республиканских властей. Наряду с этим до момента погрузки на баржи были зарегистрированы первые случаи смерти колхозников от голода, болезней и переохлаждения⁷.

Последними были отправлены в период с 20 сентября по 16 октября 1942 г. суда с колхозами, подлежащими переселению в Кобяйский район. Среди причин десятидневной задержки в справке руководству республики значится халатное отношение Ленского управления речного пароходства к подготовке графиков отправки и подачи барж под погрузку. Кроме того, суда и баржи не были приспособлены к перевозке людей: не было освещения, уборных, отсутствовали лодки и топливо для очагов⁸. Данный факт находит подтверждение в рассказе Н.Е. Захарова: «Прибывший пароход не был пассажирским, поэтому люди и скот ехали в трюмах»⁹.

На заседании Якутского обкома ВКП(б) состоявшегося 29 сентября 1942 г., было утверждено протоколом № 226 постановление «Об итогах переселения колхозов Чурапчинского района». Согласно отчету, успешно был переселен 41 колхоз с

числом 1655 хозяйств, 4988 человек, из них: в Булунский район 10 колхозов, 252 хозяйства и 759 человек, в Жиганский – 13 колхозов, 40 хозяйств и 1736 человек, в Кобяйский – 18 колхозов, 863 хозяйства и 2493 человека¹⁰.

Транспортировка переселенцев происходила неорганизованно, что находит подтверждение в телеграмме в адрес Управления речного транспорта, согласно которой часть колхозников по неопределенным причинам пароходом «ЯЦИК» была высажена на острове Таас-Тумус. Однако другая часть колхозников была доставлена по назначению, в местность Бакыр. Несмотря на плохое качество обслуживания, речники списали с расчетных счетов колхозов за свои услуги сумму 469,2 тыс. руб.¹¹

Одним из свидетельств нарушения гражданских прав переселенцев является следующий факт, записанный со слов Е.К. Собакина: «В последний день, в связи с голодом, колхозникам выдали немного мяса, в этот момент милиционеры начали кричать, что прибывает пароход, и приказали собирать вещи и еду. Мы не успели поесть. Наспех собрав вещи, стали ждать, когда пароход причалит к берегу. Но пароход подплыл к берегу на следующие сутки в 17 часов вечера, а нас погрузили только ночью в кромешной тьме. От взрослых я услышал, что при погрузке в судно старик со старухой упали с трапа и утонули. Мы отплыли только к обеду завтрашнего дня. Я помню, что мы плыли 4–5 суток. На пароходе кормили только жидкой кашей»¹².

В правительственной докладной записке констатировался факт плохой организации подготовительной работы по размещению переселенцев: «По прибытии в Кобяйский район колхозники были высажены пароходами на берег островов Сулар, Таас-Тумус, Арылыах (на р. Лена), Хатырык Хомо и Бакыр на реке Вилюй... Полное отсутствие всякой работы по подготовке к приему переселенческих колхозов Чурапчинского района в Кобяйском районе подтверждается и тем, что большинство колхозников, живя в октябре месяце под открытым небом на берегах рек Лены и Вилюя, а также и в промежуточных остановках, до места своего сселения, не успевали своевременно хоронить умерших колхозников...»¹³. В воспоминаниях Н.С. Захарова зафиксировано: «Перед отъездом нас заверили, что там уже готовы дома и продукты для заселения, также подчеркнули, что будете кормиться рыбой и охотой. Когда мы приехали в Таас-Тумус, обнаружили единственную юрту и два хотона, в которых разместился целый колхоз»¹⁴.

Большая часть работы по обустройству быта и ремонту отведенных на заселение домов была проведена силами переселенцев,

на что указывает свидетельство Н.Е. Захарова: «На момент высадки нашего колхоза уже выпал глубокий снег, а нас разместили в ситцевой палатке. Десять мужчин были отправлены в местность Харыйалаах, центр колхоза им. Горького. Они отремонтировали пустые дома, затем через 10 дней вернулись с подводами за нами. Часть колхозников была расселена на участке Бэрэ»¹⁵.

Особый интерес вызывает производственная повседневность чурапчинских переселенцев. Необходимо отметить, что эти люди на момент прибытия в Кобяйский район не имели навыков промышленного лова речной рыбы и стратегий выживания в неблагоприятных природно-климатических условиях. В связи с плохой организацией подготовительной работы по распределению инвентаря и обучению переселенцев первое время вылов рыбы был малоэффективен. Повседневность рабочих будней рыболовецкой бригады прекрасно иллюстрируют воспоминания Н.Е. Захарова: «Во-первых, переселенцы испытывали большие трудности из-за отсутствия навыков по добыче и заготовке рыбы. Во-вторых, у переселенцев не было сетей и вершей, у местного населения Тыайинского наслега их было мало. Весной 1943 г. нас отправили вниз по реке на лов рыбы. Мы, расчистив дно акватории возле песчаной косы, тянули сети. В среднем за один проход сети мы ловили 4–5 рыбин, наиболее удачными считались уловы в 7–10 рыбин. Это были рыбы хороших сортов. Нам на еду не давали ни грамма рыбы. Нас не обеспечивали обувью, поэтому я ходил сырмятных торбасах, которые берег. На лов рыбы почти все выходили босиком, так приходилось ловить рыбу вплоть до ледостава. Из-за работы в холодной воде распухали и теряли чувствительность ноги. Кстати, омуль в летнее время хорошо не ловился, но лов шел хорошо только к моменту ледостава, когда они подплывали к берегу. Перед самым ледоставом мы переправились на берег р. Лены в стороне Янских гор. Если остаться в момент ледостава на косе или острове, то шансов выжить нет. Переправившись, мы вышли к местности “Киччэн” напротив места впадения реки Виллой в реку Лену. Там была звероферма, разводящая чернобурок, где мы попросили работу за продовольственный паек. Когда река встала, в середине ноября мы гуськом на удалении друг от друга перешли реку. Нам по возвращении рассказали о печальной судьбе одной рыболовецкой бригады, не успевшей переправиться на коренной берег. В то время дисциплина и режим работы был строгим. Например, для оповещения колхозников о начале рабочего времени в 8 ч. утра били в железный колокол, затем в обед и в 17 ч. вечера об окончании рабочего дня. В тот год мы сдали около 52 тонн рыбы»¹⁶.

Не менее интересные сведения об тяжелых условиях работы на рыбозаводе о. Таас-Тумус есть в воспоминаниях Н.И. Дыдаева, уроженца Ожунского наслега Чурапчинского района: «Ослабленные от голода люди с трудом выдалбливали лед для подледной ловли рыбы. Тем, кто работал, выдавали за счет трудодней ничтожное количество муки и по одной–две рыбы. Колхозники всю рыбу сдавали в помощь Красной армии. В то лето я помогал ловить рыбу. Моя работа заключалась в погрузке выловленной рыбы из сетей в лодку, далее я тянул лодку вдоль берега и доставлял ее колхозникам, занимавшимся обработкой и заготовкой рыбы. Они работали за длинным столом, где потрошили, чистили и солили рыбу. Засоленную рыбу укладывали в бочки, после наполнения четырех бочек их отвозили на лодке в остров Таас-Тумус»¹⁷.

В первый год пребывания переселенческих колхозов на территории Кобяйского района в связи с отсутствием лимита на выдачу хлеба и муки зафиксированы факты массовой смерти от голода, отраженные в докладной правительственной комиссии в 1943 г.: «В районе запаса продукта было очень мало, поэтому неработающим, детям, сиротам, старикам норма не выделялась. Работающим в месяц выдавали по 3 кг муки... По колхозам, имеющим наилучшие показатели по выполнению плана рыбодобычи за год (за IV квартал 1942 г. и за I, II и III кварталы 1943 г.), в среднем на дееспособного колхозника получали хлеба за сданную рыбу: колхоз “Кыым” – 67,6 кг, им. Калинина – 106,6 кг, им. Ленина – 91,6... Например, 1 колхозник колхоза “Кыым” зарабатывал 190 гр. хлеба в день на себя, “Калинина” – 290 гр.»¹⁸. В том же документе указана гибель от голода и болезней 627 колхозников (123 хозяйства) и приведены данные об оставшихся дееспособными колхозниках.

Доведенные от отчаяния люди употребляли в пищу пищевые суррогаты, что отражено в воспоминании Н.С. Захарова: «Весной после ледохода на пропитание мы ловили рыбу удочками, собирали дикий лук. Нас спасла сосновая заболонь, которую мы употребляли в пищу. Из родных мест мы привезли шкуру, которой была обита дверь, ее тоже съели»¹⁹.

О помощи местного населения переселенцам вопреки правилам военного времени и республиканских властей свидетельствует воспоминание Н.И. Дыдаева: «Нас приютил... местный житель Гуляев Кирилл Афанасьевич. С наступлением тепла в следующем году мы построили пристрой к юрте. Хозяин юрты был бригадиром рыболовецкой бригады, и он украдкой от руководства кормил переселенцев ухой и рыбой из улова»²⁰. В Кобяйском районе чурапчинские переселенцы столкнулись с ранее неизвестной им практикой ква-

пения рыбы, о чем вспоминает Н.Е. Захаров: «Однажды местный старик взял меня с собой, и мы пошли к схрону на краю озера. Там была озерная рыба, заготовленная способом “лыбыба”. Мы начали ее пилить, и старик дал часть рыбы»²¹.

В апреле 1943 г. руководству страны стало известно о критическом состоянии сельского хозяйства и тяжелом положении колхозников ЯАССР, в связи с чем было утверждено постановление ЦК ВКП(б) «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)». В постановлении были указаны грубые ошибки руководства Якутской АССР в области сельского хозяйства, необходимость исправления допущенных ошибок, проведения пленума обкома партии и принятия соответствующих мер по восстановлению и подъему сельского хозяйства республики.

В сентябре 1943 г. в Кобяйском районе начала работу Правительственная комиссия по изучению положения чурапчинских колхозов, переселенных в Кобяйский район, под председательством Е.К. Припузовой. В докладной в первую очередь указаны перегибы и ошибочность решения о переселении чурапчинских колхозов без изучения и анализа состояния колхозов и природно-климатических условий районов расселения. Наряду с этим комиссия выявила многочисленные нарушения гражданских прав переселенцев. На основании результатов работы комиссия рекомендовала в обязательном порядке вернуть переселенцев на прежние места проживания в Чурапчинском районе²².

28 марта 1944 г. Бюро обкома ВКП(б) и СНК ЯАССР приняли постановление «О мероприятиях по переселению колхозов Чурапчинского района, ранее переселившихся в Кобяйский район», согласно которому не представлялось возможным возвращение переселенных колхозов на прежнее место жительства в связи с тяжелыми последствиями засухи и рекомендовалось влиться в состав других колхозов Намского, Мегино-Кангаласского и Чурапчинского районов²³.

В заключение необходимо отметить, что у чурапчинцев не было никакого статуса спецпереселенцев, они не были поражены в гражданских правах и свободах. Таким образом, по мнению Правительственной комиссии, переселение 18 животноводческих колхозов Чурапчинского района в Кобяйский район для добычи 3500 центнеров малоценной рыбы не было оправданным решением руководителей Якутского обкома ВКП(б) и стало главной причиной Чурапчинской трагедии.

- 1 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 171. Д. 90. Л. 7–7об.
- 2 История Чурапчинского переселения: документы, цифры, факты. Якутск, 2014. С. 14–15
- 3 НА РС (Я). Ф. 3. Оп. 183. Д. 136.
- 4 Там же. Ф. П-3. Оп. 8. Д. 139. Л. 3–3об.
- 5 Воспоминания Егора Кирилловича Собакина (род. 27.03.1932), уроженца П Мельжехсинского наслега Чурапчинского района. Продолжительность записи 30 минут. Аудиовизуальные материалы историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015».
- 6 История Чурапчинского переселения... С. 17.
- 7 Там же.
- 8 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 183. Д. 136. Л. 1–9.
- 9 Воспоминания Николая Егоровича Захарова (род. 13.12.1925), уроженца Телейского наслега Чурапчинского района. Продолжительность записи 51 мин. Аудиовизуальные материалы историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015»
- 10 НА РС (Я). Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 459. Л. 9–10.
- 11 История Чурапчинского переселения... С. 6.
- 12 Воспоминания Егора Кирилловича Собакина.
- 13 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 161. Д. 43. Л. 50.
- 14 Воспоминания Николая Семеновича Захарова.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Воспоминания Николая Ильича Дыдаева (род. 31.05.1931), уроженца Ожулунского наслега Чурапчинского района. Продолжительность записи 33 мин. Аудиовизуальные материалы историко-мемориальной экспедиции «Албан аат – 2015».
- 18 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 161. Д. 43. Л. 48–72.
- 19 Воспоминания Николая Семеновича Захарова.
- 20 Воспоминания Николая Ильича Дыдаева.
- 21 Воспоминания Николая Егоровича Захарова.
- 22 НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 161. Д. 43. Л. 48–72.
- 23 История Чурапчинского переселения... С. 48.

М.А. Дубовицкая

Скандал как разновидность политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева

В статье сделан анализ одного из основных видов политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева – скандала. На нескольких примерах резонансных международных событий, в которых главную роль играл Н.С. Хрущев, продемонстрированы отличительные черты и поведенческие приемы советского лидера, служащие индикаторами такого сложного коммуникативного события, как скандал. Автором делается вывод об определенной степени управляемости скандалом со стороны Н.С. Хрущева.

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, дипломатия, политический нарратив, скандал, политическая коммуникация, культурно-исторический код.

Политический нарратив предполагает наличие некоего политического события, вокруг которого сосредоточена «совокупность дискурсных образований разных жанров»¹. Другими словами, политический нарратив состоит из общности разножанровых политических текстов, приуроченных к конкретному политическому событию.

Ученые-лингвисты выделяют такие виды политического нарратива, как избирательная кампания, политический скандал, дебаты по определенной теме (М.Ю. Кочкин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и другие).

Е.И. Шейгал представляет скандал как разновидность конфликтного общения, как «сложное коммуникативное событие, включающее тексты разных жанров, объединенные... неким действием или событием, нарушающим этические нормы и, в силу определенных причин, становящимся достоянием гласности»².

В рамках данной статьи рассмотрим жанр скандала как вид политического нарратива в личной дипломатии Н.С. Хрущева.

Непростая и противоречивая натура Никиты Сергеевича требовала выражения не только в рамках принятых норм поведения, но и далеко за ними. Однако такая экспрессия и зачастую бескультурность были элементами политического стиля Хрущева и продуманной линии поведения.

Скандалом будем считать коммуникационный акт Н.С. Хрущева, намеренно направленный на возникновение конфликта и имеющий целью провокацию и манипулирование другими участниками акта, повлекший за собой широкий общественный резонанс.

В качестве примеров таких скандалов выберем следующие:

- 1) «кухонные дебаты» Р. Никсона и Н.С. Хрущева 24 июля 1959 г.;
- 2) срыв «встречи на высшем уровне» в Париже в мае 1960 г.;
- 3) выступление Н.С. Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1960 г.

Знаменитый «спор на кухне» описан с мельчайшими деталями многими исследователями и биографами Н.С. Хрущева.

Напомним, что официальный визит Р. Никсона в Москве – с 23 июля по 2 августа 1959 г. – расценивался как подготовка к приезду Н.С. Хрущева в США осенью того же года. Поэтому каждый свой эмоциональный всплеск советский лидер оправдывал: «Пусть президент знает, с кем ему предстоит иметь дело»³.

Несомненно, для Хрущева это был очередной шанс «похвастаться» перед Америкой своими достижениями, принизить значение заокеанских разработок и укрепить свой авторитет на международно-политическом поле: его он не мог упустить.

Отметим, что «кухонный спор» случился после инцидента на Даниловском рынке: Хрущеву не терпелось дать ответ этому американцу, вздумавшему «раздавать деньги на улицах».

Никсон также был «взвинчен». По словам У. Таубмана, тот был готов к нападкам и угрозам Хрущева и не хотел ввязываться в полемику⁴. Однако схожие черты характера двух политиков – чувствительность к малейшим знакам неуважения, нежелание отступать от своих позиций – послужили в итоге катализатором «скандала».

Хрущев ринулся в бой. При каждом удобном случае советский лидер высмеивал изобретения американцев, разоблачал их «пропагандистскую сущность», подчеркивал превосходство СССР, не отказывая себе в удовольствии «поугрожать» «кузькиной матерью».

По воспоминаниям Сергея Хрущева, беседа превратилась в пикирование двух приятелей, не способных ни в чем сойтись. Такой

«диалог» достиг апогея на классической «американской кухне», где полемика затронула не только кухонные проблемы, но и различные аспекты американо-советских отношений⁵.

Хрущев по традиции не стеснялся в выражениях и жестах. Размахивал руками, тыкал пальцем в грудь Никсону, вместо обычного рукопожатия отбивал ладонью его ладонь для усиления эффекта.

Вдоволь наговорившись и наспорившись, каждый из оппонентов остался «удовлетворенный собой, тем, какую он задал взбучку [другому]»⁶.

Можно выделить несколько отличительных черт манеры поведения Хрущева на «кухонных дебатах», тяготеющих к скандалу:

1) эмоциональные всплески, постепенное «распадение», повышение голоса, чрезмерная жестикуляция;

2) угрозы, использование неприличных/вульгарных выражений, постоянные словесные атаки, настаивание на своей правоте;

3) использование дискуссии как средства пропаганды социалистического образа жизни, создания соответствующего образа у США – оппонента в ходе предстоящего визита.

В целом «кухонные дебаты» стали одной из многочисленных провокаций Хрущева на международной арене.

По словам С.Н. Хрущева, его отец очень многое связывал с майским саммитом 1960 г., а особенно с последующим планируемым визитом Эйзенхауэра в СССР.

С января 1960 г. работники МИД СССР вели кропотливую работу по подготовке материалов к совещанию «в верхах» в Париже⁷.

Особенное внимание уделялось личным контактам советского премьера с американским президентом. Предполагалось разработать совместную декларацию, «в которой, в частности, были бы подведены некоторые положительные итоги личных контактов»⁸. Такая декларация стала бы подходящим завершением отношений «на высшем уровне» между Хрущевым и Эйзенхауэром в свете скорого истечения срока президентства последнего.

На фоне такой обстоятельной подготовки к совещанию на высшем уровне инцидент с американским самолетом-разведчиком действительно выглядит большой неожиданностью.

Особого внимания заслуживает не сам инцидент, а реакция на него Хрущева. Можно хронологически проследить наращивание накала его «скандала».

По свидетельствам очевидцев, уже 1 мая (в день инцидента) 1960 г. советский премьер заметил, что данное происшествие «может послужить причиной срыва конференции в Париже»⁹. С этого

момента началось раскручивание скандала, апогей которого наступил 16 мая.

Зал заседаний Верховного Совета СССР превратился 5 мая в «сумасшедший дом». Никита Сергеевич клеймил США, обвиняя их во всех смертных грехах. Однако, как справедливо отмечают исследователи, на тот момент он осознанно оставлял Эйзенхауэру место для маневра, открыто не обвиняя лично его в случившемся.

9 мая Хрущев продолжил атаку. Главной темой приема в чехословацком посольстве также стало случившееся 1 мая. Н.С. Хрущев перешел к открытым провокациям: на тот момент правящие круги США еще не знали, что пилот У-2 в руках Советского Союза, и продолжали давать все новые и новые опровержения. Эта игра с Госдепом, казалось, не затронет лично президента США, и «встреча вне опасности»¹⁰.

10 мая на стихийной пресс-конференции в парке Горького Хрущев вновь заклеил «бесстыдную» политику Госдепа США. Складывалось впечатление, что «Хрущев ведет диалог с самим собой, как бы стараясь отговорить себя от участия в саммите»¹¹.

Несмотря на накал страстей и пыл «праведного гнева», Хрущев продолжал готовиться к встрече – «отчасти и потому, что отмена саммита стала бы провалом политики, которую он проводил уже несколько лет»¹².

Об этом свидетельствуют архивные документы. Так, 6 мая была подготовлена памятка по обмену мнениями с делегацией США в Париже. Предлагалось поставить перед Эйзенхауэром «вопрос о прекращении нарушений американскими военными самолетами государственной границы СССР»¹³.

Уже 11 мая, после официальных заявлений Госдепа США о признании разведывательных полетов над СССР и санкционировании этого самим президентом, Н.С. Хрущев намеками начал давать понять, «что в Советском Союзе не будут приветствовать приезд Эйзенхауэра и что его придется отменить»¹⁴.

Однако, если верить документам МИД, визит Эйзенхауэра продолжал скрупулезно планироваться: например, составлялась служебная записка от 9 мая на имя А.Ф. Добрынина, к которой прилагался перечень вопросов, по которым можно было бы выступить в ответ на возможные заявления Эйзенхауэра во время его пребывания в СССР¹⁵.

Следовательно, если Хрущев и думал об отмене парижского саммита и визита Эйзенхауэра, то лишь под воздействием импульса: нарушение советского воздушного пространства 1 мая 1960 г. накануне важного и столь ожидаемого совещания на высшем

уровне стало «наглым оскорблением», «плевком в лицо». К тому же, по воспоминаниям С.Н. Хрущева, с появлением более мощных средств обнаружения и уничтожения самолетов-разведчиков Никита Сергеевич только и ждал нового случая: «Таких наглецов надо учить, и учить кулаками. Пусть только попробуют еще раз сунуть сюда нос!».

В конечном итоге исход саммита был определен уже в аэропорту и на борту самолета. Хрущев открыто говорил, что конференция закончится провалом.

16 мая встреча «в верхах» началась без взаимных приветствий и рукопожатий, что уже само по себе было недобрый знаком.

Эффект разорвавшейся бомбы произвела речь Хрущева. Отметим, что декларация, зачитанная Хрущевым в этот день (подготовленная буквально «на коленках» на пути в Париж), была именно зачитана оратором. Хрущев осознанно отошел от привычной манеры выступления – без бумажки, экспромтом: для него данное заявление было крайне важным, и он хотел, чтобы каждая строчка, каждая буква была донесена до адресата правильно.

Повышенный голос, активная жестикуляция, дрожание рук – все говорило о крайней степени взволнованности советского премьера.

Заявлением Хрущева и кратким ответом Эйзенхауэра встреча завершилась: «...все, не произнося ни слова, покинули зал. Этот случай, возможно, уникальный в истории»¹⁶.

История со срывом совещания в Париже очень долго напоминала о себе: Хрущев предстал перед своими западными партнерами в совершенно незнакомом им образе, и с этого момента любое его предложение, любое действие рассматривались под углом эпатажного выпада в Париже в мае 1960 г. Со своей стороны, и сам Н.С. Хрущев не устал напоминать об этом инциденте зарубежным коллегам и журналистам.

Срыв «совещания в верхах» произвел международный фурор: первые полосы газет, пресс-конференции, отклики граждан, – несколько месяцев срыв саммита, а главное, поведение на нем Хрущева были основной темой всех средств массовой информации по всему миру.

Мы можем выделить несколько поведенческих приемов Хрущева, приведших к скандалу на парижской встрече:

1) выжидательная позиция (публичное высмеивание и обличение США);

2) активные провокации противника, «вызов на поединок» (эмоциональные нападки, подначивания, цель которых – добиться признания своей вины);

3) разочарование в партнере и проявление открытой конфронтации (личные претензии к противнику, сопровождаемые активными проявлениями эмоций).

Поведение Хрущева накануне парижской встречи сложно назвать логичным: вывод о том, состоится саммит или нет, было сложно сделать и его окружению, и американской стороне. Преследовал ли Хрущев цель срыва совещания или нет – вопрос, на который нет однозначного ответа. Так или иначе, все его поведение до, во время и после провальной встречи стало очередным подтверждением его эмоциональной натуры, неустойчивой психики и взрывного характера. Его склонность к скандалу и провокации в очередной раз была проявлена уже на таком «высоком» уровне.

«Н.С. Хрущев в ООН» – такая или близкие к этому вариации названия скандального события, происшедшего осенью 1960 г. в Нью-Йорке на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, стало настоящим культурно-историческим кодом.

Международная обстановка накануне 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была довольно накаленной: «...это было самое напряженное время в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами»¹⁷. 15-я сессия знаменательна и тем, что «в истории ООН еще не было подобного собрания политических лидеров»¹⁸. Хрущев не скрывал своего удовлетворения и уже тогда задумал «взять реванш» за Париж и сойтись за столом переговоров с западными лидерами уже в ООН.

12 октября 1960 г. Хрущев, не отступая от своей традиции, выступил «с более чем 2-часовой речью... Досталось на орехи всем империалистам, особенно американским, которым он припомнил всех их прегрешения, включая и У-2»¹⁹. В этой речи он яростно жестикулировал (махал кулаком, грозил пальцем, периодически оборачивался к сидящему за его спиной председателю сессии словно за реакцией на свои восклицания).

Реакцию советского лидера на выступления других ораторов также сложно признать соответствующей регламенту ООН. Он громко возражал, кричал изо всех сил, барабанил кулаками по столу, пробовал топтать ногами.

Когда наконец ему дали слово, он вновь обрушился, не стесняясь в выражениях, с гневной обличающей речью на капитализм. Досталось и председателю сессии, попытавшемуся урезонить «возмутителя спокойствия».

А кульминацией происходящего стала легендарная история с ботинком. Устроив форменную обструкцию филиппинским

и испанским делегатам и другим «приспешникам империализма», Хрущев практически сорвал заседание сессии.

Судя по воспоминаниям Сергея Хрущева, его отец остался крайне доволен своим резонансным поведением, радуясь, что добавил «жизни в чопорную атмосферу ООН»²⁰. Желание «отомстить Эйзенхауэру», чрезмерная эмоциональность, собственное представление о том, как должно вестись парламентское заседание, – все эти факторы послужили запалом для «бомбы», взорвавшейся на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Но не стоит сбрасывать со счетов и маску «смутьяна», которую время от времени надевал Хрущев, и списывать все на его взрывной характер. Сын Никиты Сергеевича отмечает, что «при всей своей кажущейся и не только кажущейся эмоциональности отец строго контролировал свои поступки»²¹.

Скандал, учиненный Хрущевым в октябре 1960 г. в Нью-Йорке, стал «последним всплеском» его активности в свете противостояния с Эйзенхауэром. На трибуне ООН советский премьер «отыгрался» по полной программе, превзойдя самого себя. Вся его деятельность, коммуникации, позиционирование – все было направлено на поддержание статуса «скандалиста», и он упивался этим статусом. Его поведение «не лезло ни в какие ворота»²², но не мешало ему самому «быть в восторге от представления».

Выбранный нами хронологический принцип скандалов неслучаен – проведенный анализ наглядно демонстрирует нарастание накала страстей (скандала).

Анализ трех ярких политических событий, которые обладают двумя общими критериями оценки: главный участник – Н.С. Хрущев – и широкий общественный резонанс как последующая реакция, позволяет прийти к следующим выводам.

Хрущев очень комфортно ощущал себя в дискурсе скандала. Он использовал различные речевые тактики, жестикуляцию, манеры поведения для достижения своей цели – устроить скандал и «почивать на его лаврах» (устраивать многотысячные пресс-конференции, инициировать соответствующие публикации в СМИ, «разоблачать» и «клеить» противника). Хрущев мастерски использовал манипулирование как основную коммуникативную стратегию: в ходе «кухонных дебатов» с Никсоном он вынудил последнего вступить в спор, хотя вице-президент этого не планировал; раскручивая скандал вокруг самолета-шпиона и последующего провала саммита, Хрущев с каждым новым витком заставлял правящие круги США и лично Эйзенхауэра играть по его правилам и предпринимать те или иные действия по его сценарию; наконец,

выступая в ООН, советский лидер восстал против всех своих «обидчиков», не обращая никакого внимания на дипломатические условности, провоцируя их на ответные реакции в нужном ему направлении.

Важно отметить, что скандал как вид политического нарратива Н.С. Хрущева не имеет строгого начала и конца: он словно переходит из одного состояния в другое (в ООН часто вспоминали провальную встречу в Париже, в 1961 г. после совещания на высшем уровне с Дж. Кеннеди Хрущева оценивали как человека, абсолютно владеющего собой, «спокойным поведением в Вене он дал достаточно доказательств тому, что он “в точности знал, что делал” на Генеральной ассамблее ООН осенью прошлого года и год назад в Париже»²³).

В качестве главного «злодея», главного нарушителя спокойствия и общественно-правовых норм, Хрущев являл собой чрезвычайно заманчивый объект. Он любил находиться в центре внимания, устраивать провокации и смотреть на результаты своих действий. Порой он действительно увлекался и доводил себя до иступления, а происходящие вокруг ответные события – до абсурда. На наш взгляд, один из наиболее ярких подобных примеров – тот факт, что «для многих... Хрущев – тот, кто стучал ботинком в ООН»²⁴.

Следовательно, скандал для Никиты Сергеевича был, с одной стороны, управляемым видом политической и международной коммуникации и возможностью «выпустить эмоции», с другой.

Примечания

- ¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 272.
- ² Там же.
- ³ Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М., 2003 С. 297.
- ⁴ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 454.
- ⁵ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Никита Хрущев. М., 2012. С. 211.
- ⁶ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 296.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0129. Оп. 44. П. 323. Д. 31. Л. 6.
- ⁸ Там же. Л. 7–8.
- ⁹ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 221.
- ¹⁰ Аксиутин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 334.

- ¹¹ Таубман У. Указ. соч. С. 498.
- ¹² Там же. С. 497.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 44. П. 323. Д. 31. Л. 14.
- ¹⁴ Аксютин Ю.В. Указ. соч. С. 335.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 46. П. 120. Д. 32. Л. 137–168.
- ¹⁶ Громыко А.А. Памятное. М., 1990. С. 466–467.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 397. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.
- ¹⁸ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Указ. соч. С. 217.
- ¹⁹ Суходрев В.М. Язык мой – друг мой. М., 2008. С. 126.
- ²⁰ Трояновский О.А. Указ. соч. С. 231.
- ²¹ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 381.
- ²² Таубман У. Указ. соч. С. 516.
- ²³ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 421. Л. 92–93.
- ²⁴ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 397.

Е.А. Серегина

Государственная институционализация памяти о периоде сталинизма в России и Латвии: сравнительный анализ

В статье анализируется российский и латвийский опыт государственной политики в отношении институционализации памяти о периоде сталинизма. В центре внимания автора – различия в латвийском и российском подходах, а также их причины. Автор приходит к выводу о том, что в основе этих различий лежали разные цели, стоявшие перед Россией и Латвией после распада СССР.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Россия, Латвия, историческая память, историческая политика, сталинизм, мемориал, музей.

В современных государствах вопросы формирования внутренней и внешней политики решаются при участии широкого спектра заинтересованных игроков (политических партий, гражданских активистов, экономических лоббистов, академического сообщества и др.). Все они в целях мобилизации общественного мнения стремятся использовать в своих интересах «историческую память» социума и представления граждан об «уроках истории».

Разумеется, в стабильных обществах пространство для маневра в данных вопросах ограничено: пантеон национальных героев определен и освящен многовековой традицией, оценки основных событий прошлого даны и закреплены в искусстве, монументальных сооружениях, памятных датах, школьном курсе истории и знаменитых речах выдающихся политиков. Ревизия внутри академической среды допускается, но в строго очерченных рамках и обычно не приводит к кардинальному пересмотру оценок прошлого широкими слоями населения.

Совершенно иная ситуация наблюдается в трансформирующихся и неустойчивых обществах, переживающих период становления и своеобразной «кодификации» своей исторической памяти. Особенно важна «историческая политика» для обществ, переживших опыт крайних форм авторитаризма.

Окончание Холодной войны, крах социалистического лагеря и распад Советского Союза привели к образованию ряда новых государств. Кроме актуальных экономических, политических и социальных вопросов, перед новыми обществами стояла задача конструирования национальной идентичности, а их правительства должны были озаботиться поисками источников своей легитимности, в том числе и исторической. Разумеется, для постсоциалистических обществ важнейшим историческим периодом, отношение к которому определяло их самополагание, был период 1920–1950-х годов, эпоха сталинизма, которая и сама оказывала определяющее влияние на исторические представления граждан СССР.

Демократическая Россия в первые годы своего существования на фоне взятого элитой курса на включение в западные институты, культурное, экономическое и политическое пространство Запада стремилась полностью принять устоявшиеся там (прежде всего в англосаксонской традиции) оценки советского периода русской истории и, в частности, периода сталинизма. Отрицание советского прошлого, критика сталинизма за его бесчеловечность, репрессии, преступную экономическую политику, преследование инакомыслия и т. п. было составной частью демократической риторики руководства страны в тот период. Был принят Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», в котором указывалось, что «за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека».

Стоит отметить, что не только государство, но и гражданское общество принимало активное участие в институционализации памяти о периоде сталинизма и, прежде всего, о репрессивной составляющей этого режима. Так, еще в 1990 г. обществом «Мемориал» при финансовой поддержке демократических властей Москвы на

Лубянской площади, напротив здания КГБ СССР был установлен мемориальный Соловецкий камень, памятник жертвам политических репрессий. Кроме того, в соответствии с Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 г. № 1763/1-1 «Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий» 30 октября, день открытия Соловецкого камня в Москве, стало официально признанным Днем памяти жертв сталинизма.

Более того, утвердилась традиция, по которой президенты России в этот день делают специальные заявления или посещают места, связанные с историей сталинского террора. Так, большой отклик в прессе нашло посещение в 2007 г. президентом В. Путиным совместно с патриархом Алексием Вторым Бутовского полигона, ставшего местом массовых расстрелов в период «Большого террора». В ходе посещения полигона В. Путин отметил, что «такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку идеалы ставились выше основной ценности – ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека»¹. Президент Д. Медведев в 2009 г. также выступил с обращением по случаю Дня памяти жертв политических репрессий, сделав особый акцент на необходимости сохранения памяти о жертвах преступлений сталинизма: «Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания. Чрезвычайно важно, чтобы молодые люди были способны эмоционально сопереживать одной из величайших трагедий в истории России, миллионам людей, погибшим в результате террора и ложных обвинений во время чисток 30-х гг. Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ»².

Период президентства Д. Медведева 2008–2012 гг. был отмечен повышенным вниманием властей к проблеме «исторической политики». Так, в записи в своем видеоблоге от 8 сентября 2009 г. Д. Медведев отметил, что попытки фальсификаций истории «становятся все более жесткими, злыми, агрессивными», а 13 мая президентом была учреждена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Президентом также были поддержаны инициативы членов Совета по правам человека

по десталинизации, которые впоследствии нашли свое отражение в подписанной в 2015 г. Д. Медведевым, уже как председателем правительства, Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Кроме того, в России созданы и действуют специальные «места памяти» и музеи, фиксирующие память о жертвах сталинизма. К ним, помимо упомянутого Соловецкого камня, относятся также аналогичный памятный камень в Санкт-Петербурге на Троицкой площади, Музей истории ГУЛАГа в Москве, музей «Пермь-9», Мемориал памяти жертв политических репрессий недалеко от Екатеринбургa, Сквер памяти жертв сталинских репрессий в Томске и расположенный там же мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», мемориал «Покаяние» в Пензе, памятник «Маска скорби» в Магадане и ряд других.

Вместе с тем, надо признать, что, несмотря на существующую государственную институционализацию памяти о периоде сталинизма, она, вероятно, недостаточна для России, учитывая масштаб страны и количество жертв сталинизма и их потомков. Кроме того, в российском публичном пространстве достаточно широко представлены те, кто либо отрицает сталинские преступления, либо не считает их чем-то недопустимым. Даже вполне лояльный властям журналист и член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Н. Сванидзе отмечает в связи с этим: «Я помню то время, о котором вы говорите, – это вторая половина 80 – начало 90-х, пожалуй, все 90-е. Тогда даже очень убежденные, искренние и смелые сталинисты, которые признавались в своей любви к Сталину, делали это в очень ограниченных объемах, на страницах своей собственной печати. А если в компаниях – так просто заливались румянцем, потому что они понимали, что они в собственных глазах совершают подвиг, потому что так больше, кроме них, никто не думает. А сейчас это такой мейнстрим»³.

Особенно хорошо это видно в сравнении ситуации в России с ситуацией в Латвии – одной из балтийских республик бывшего Советского Союза, включенной в состав СССР после сложного процесса в 1939–1940 гг., сочетавшего в себе элементы силового давления, «мягкой силы» коммунистической идеологии и влияния международной обстановки⁴.

С момента восстановления государственной независимости в 1991 г. официальные латвийские власти предприняли целый ряд мероприятий, направленных на конструирование и закрепление памяти о периоде сталинизма как о времени насильственного

уничтожения национальной государственности, террора против латышей и преследования инакомыслия. Особенно важным в связи с этим стала тема депортации латышей с родной земли в период сталинизма. Вскоре после обретения независимости в качестве памятной даты в стране был учрежден День памяти жертв коммунистического террора и массовой депортации (14 июня). Как отмечает по этому поводу современный эстонский политолог Э.-К. Онкен, «символом этого восприятия стал вагон для скота. В Западной Европе этот образ, в первую очередь, обозначает чудовищно жестокое уничтожение европейских евреев. Для жителей бывшего Советского Союза и Прибалтики он символизирует собственные страдания, сталинские массовые депортации, ссылку и убийство целых народов в ГУЛАГе. В июне 2001 г. был торжественно открыт памятник жертвам депортаций, которым стал подлинный вагон того времени. Образ вагона для скота встречается сегодня и в школьных учебниках. Другой часто цитируемый образ, имеющий то же символическое значение, – используемый на обложках книг и плакатов к выставкам, мотив уходящих к горизонту рельсов. С 1940 по 1949 г. Латвия потеряла около 25% своего населения, в том числе около 10% латышского населения. Почти каждая латышская семья потеряла родных. Память о сталинской депортации июня 1941 г. играет в коллективном самосознании настолько центральную роль, что для других исторических перспектив остается очень мало места»⁵.

Важным элементом инфраструктуры памяти о сталинизме в Латвии стал Музей оккупации Латвии, открытый в 1993 г. в Риге. В экспозиции данного музея был сделан акцент на жертвах среди латвийского народа, которые связаны с периодом 1941–1991 гг. и нахождением республики в составе СССР. При этом в экспозиции музея отчетливо прослеживается желание поставить знак равенства между нацистской и советской оккупациями, что было отмечено российским послом В. Калужным, посетившим музей в 2005 г.

Данная позиция нашла отражение и в стремлении Латвии добиться международного признания своих трактовок Второй мировой войны и периода сталинизма. Именно по инициативе Риги и других балтийских столиц в сентябре 2008 г. Европарламент выступил с инициативой объявить 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма⁶. Данное предложение, разумеется, вызвало протест российской стороны, которая, хотя и осуждает на официальном уровне сталинскую политику, никогда не допускала приравнивания советского режима к гитлеровскому. Решение Европарламента было поддержано в Латвии,

Сейм которой 16 июля после бурных дебатов объявил о том, что 23 августа становится новой государственной памятной датой.

Еще одним механизмом государственной политики памяти о сталинизме является действующая в Латвии с 1998 г. Комиссия историков при президенте. Согласно информации на официальном сайте комиссии, на начальном этапе ее существования работа историков сводилась к исследованию проблемы «преступлений против человечества во время двух оккупаций 1940–1956 гг.». При комиссии было создано пять рабочих групп, которые действуют независимо друг от друга: 1) Преступления против человечества на территории Латвии 1940–1941 гг.; 2) Холокост в Латвии 1941–1944 гг.; 3) Преступления против человечества на территории Латвии во время нацистской оккупации 1941–1944 гг.; 4) Преступления против человечества в Латвии во время советской оккупации 1944–1956 гг.; 5) Латвия в составе Советского союза 1956–1990 гг.⁷

Кроме того, в стране в период с 1991 г. создана широкая сеть «мест памяти»: мемориал «Белые кресты» на Первом лесном кладбище в Риге, памятник депортированным в 1941 г. детям на Замковой площади в Риге, мемориальный ансамбль в память о депортации 14 июня 1941 г. на железнодорожной станции Торнякалнс и ряд других. Как бы в противовес позиции, утверждающей, что от сталинского террора страдали только латыши, на территории Свято-Троицкого Сергиевского женского монастыря в 1994 г. был установлен памятный камень русским жителям Латвии – жертвам репрессий.

Можно заключить, что Россия и Латвия демонстрируют разные подходы к институционализации памяти о периоде сталинизма, которые отличаются как по интенсивности, так и по содержанию. Для российского государства память о сталинских преступлениях – это прежде всего память о репрессиях, о жертвах незаконных расправ и террора. Как отмечает председатель общества «Мемориал» А. Рогинский, «память о сталинизме в России – это почти всегда память о жертвах, но не о преступлениях. В качестве памяти о преступлении она не оторефлексирована, на этот счет консенсуса нет»⁸. Важно также отметить, что российские официальные лица и главы государства, неоднократно с осуждением отзывавшиеся о периоде сталинизма, никогда не переносили негативного отношения к сталинскому правлению на советский период российской истории в целом. Категорически неприемлемыми для российского правительства были также попытки некоторых маргинальных групп приравнять сталинизм к нацизму. Таким образом, сталинский

террор для российской исторической политики является «вещью в себе», он полностью вырван из контекста истории XX в.

В Латвии, напротив, «политика памяти» о сталинизме является связующим звеном между проблемой утраты государственности, нацистской оккупацией (и участием латышей в Холокосте) и судьбой страны после окончания Второй мировой войны. Используя память о сталинизме и приравнивая его к нацизму, латвийские власти пытаются сделать более убедительной картину, согласно которой Латвия в 1930–1940-е годы находилась «между молотом и наковальней», между Москвой и Берлином. Кроме того, сталинский террор рассматривается как типичная практика советского государства, и воспоминания о нем делегитимируют с точки зрения официальной Риги весь период нахождения страны в составе СССР. Еще одно важное отличие между российской и латвийской государственной политикой в отношении памяти о сталинизме заключается в том, что в Латвии наряду с памятью о жертвах присутствует тема «палачей» или, говоря иначе, «оккупантов», погубивших независимое латвийское государство.

Обозначенные различия прямо проистекают из задач, перед которыми стояли демократические Латвия и Россия на рубеже 1980–1990-х годов. Россия, уже к 1993 г. оказавшаяся на пороге гражданской войны, дезинтеграции и сползания в политическую анархию, остро нуждалась в поиске исторического компромисса по самым острым вопросам истории XX в.

Необходимо учитывать, что элита новой России в большинстве своем состояла из бывших функционеров коммунистической партии и комсомола, которые не могли провести широкую десоветизацию и полностью отринуть советское наследие. Более того, международный статус России, ее право вето в Совете Безопасности ООН и контроль над ядерным потенциалом бывшего СССР прямо проистекали из статуса Российской Федерации как правопреемника Советского Союза – одной из держав-победительниц во Второй мировой войне.

Стоит отметить также, что память о победе в Великой Отечественной войне к середине 1990-х годов осталась, вероятно, единственным историческим сюжетом, по которому существовал общенациональный консенсус. В этих условиях российскому руководству приходилось быть весьма аккуратным в политике по увековечиванию жертв сталинских преступлений, чтобы, чтя память жертв, не провоцировать рост напряжения в обществе и не дискредитировать участия Советского Союза во Второй мировой войне.

Латвийское государство, напротив, выстраивало свою идентичность на основе тотального отрицания советского прошлого и советских трактовок истории Второй мировой войны. Память о сталинизме и увековечивание памяти жертв сталинских репрессий выступали просто элементами утверждения Латвийской Республики в качестве государства – продолжателя довоенной Латвии. Подобная политика служила также целям дезориентации русского меньшинства, которое объявлялось состоящим из потомков «оккупантов». Русские в Латвии также ставились перед искусственным выбором: осудить сталинизм и всю советскую историю Латвии, либо не осуждать советский период истории страны и стать защитниками преступной сталинской политики. Таким образом, общество целенаправленно разделялось на «истинных латышей», которые сострадали жертвам сталинского террора, и «неграждан», которые пытались говорить отдельно о сталинских преступлениях и отдельно – об истории Латвии в СССР в целом.

Как это ни парадоксально, более радикальная антисталинистская позиция латвийского руководства привела к тому, что уровень плюрализма и свободы дискуссий в латвийском обществе по проблемам сталинизма значительно ниже, чем в России, где власти избрали путь более мягкой и ограниченной институционализации памяти о сталинском периоде истории. В российском общественном пространстве, на книжных полках магазинов, в политической и академической среде в настоящее время могут открыто излагаться прямо противоположные мнения о периоде сталинизма, и ни одна из сторон не подвергается судебным преследованиям или общественному ostrакизму. В то время как в Латвии введена уголовная ответственность за отрицание «советской оккупации».

Примечания

- ¹ Российская газета. 2007. 31 окт. С. 2.
- ² Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах // Президент России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5862> (дата обращения: 18.02.2017).
- ³ Николай Сванидзе о рейтингах Сталина // Дождь. [Электронный ресурс] URL: https://tvrain.ru/teleshov/kozyrev_online/nikolaj_svanidze_o_rejtingah_stalina_da_mochil_ubival_sazhal_no_tolko_plohij_bojar_a_milliony_bezvinno_pogibshih_krestjan_uplyli_iz_pamjati-380911 (дата обращения: 18.02.2017).
- ⁴ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. М., 2008.

- ⁵ *Онкен Э.-К.* От истории освобождения к истории оккупации: Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 447.
- ⁶ Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism 23.09.2008 // European Parliament. [Электронный ресурс] URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+ТА+P6-ТА-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 18.02.2017).
- ⁷ Комиссия историков Латвии // Президент Латвии. [Электронный ресурс] URL: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7&lng=ru (дата обращения: 18.02.2017).
- ⁸ *Рогинский А.* Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 22.

А.Ф. Лукшин

Критический анализ биографических книг
о генерале П.Н. Врангеле
в российской журнальной публицистике
2000-х годов

В статье рассматривается критический анализ, который содержится в журнальных научно-публицистических рецензиях на биографические книги о генерале П.Н. Врангеле. Рассматриваются рецензии, опубликованные в научных журналах и написанные профессиональными историками и литературоведами. Основное внимание уделяется критическим замечаниям авторов рецензий и их собственным оценкам личности генерала П.Н. Врангеля.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, П.Н. Врангель, биография, рецензия, историческая публицистика.

Изучение исторической публицистики, касающейся биографий вождей Белого движения, показывает, что значительное место в ней занимают рецензии, написанные специалистами высокой квалификации, знатоками истории и историографии Гражданской войны и опубликованные в научных журналах. В настоящее время все научные журналы имеют свои сайты, на которых размещаются опубликованные статьи и другие материалы, включая рецензии. Таким образом, содержащийся в этих рецензиях критический анализ становится доступным читателям и в печатном виде, и в электронном. Их читают как специалисты, которые используют их в своей научной работе, так и многочисленные любители истории России.

В связи с этим следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что опубликованные в журналах рецензии на биографические книги о вождях Белого движения пополняют Интернет сразу по трем направлениям его использования в исторической

науке и историческом образовании: 1) в рамках информационно-справочного направления, 2) в рамках электронно-библиотечного направления, когда размещение научного текста на сайте является его электронной публикацией, 3) в рамках электронной книготорговли, когда электронная версия рецензии помогает любителям истории выбрать книгу, которая может быть им интересна¹.

В настоящей статье рассматриваются рецензии, опубликованные в научных журналах «Новый филологический вестник» (старое название – «Филологический журнал») и «Новый исторический вестник». Среди всех рецензий, посвященных критическому анализу опубликованных биографических работ о вождях Белого движения, выявлены и отобраны рецензии на три биографические книги о генерале П.Н. Врангеле. Авторами этих книг, изданных в 2000-х годах, являются известные историки С.В. Карпенко², А.Б. Широкопад³ и Б.В. Соколов⁴.

Цель статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать критический анализ этих книг, содержащийся в рецензиях, а также показать, как авторы рецензий, критикуя авторов книг, убеждают читателей в правоте собственных взглядов на личность генерала П.Н. Врангеля, на его деятельность и ее результаты. Рассмотрим отобранные рецензии в хронологическом порядке.

Автором первой рецензии, опубликованной в журнале «Новый филологический вестник», является специалист по истории русской литературы Ирина Ивановна Голубева, долгие годы проработавшая в Российском государственном гуманитарном университете⁵. Роман-хроника С.В. Карпенко «Последний главком», судя по тексту рецензии, заинтересовал ее как произведение известного историка, написанное в жанре художественной биографии, которая послужила основой исторической хроники событий Гражданской войны. Поэтому неслучайно она отметила, что С.В. Карпенко до выхода «Последнего главкома» уже имел опыт литературной работы (одно из произведений было опубликовано в нью-йоркском «Новом журнале»⁶). Хотя И.И. Голубева не указала, что С.В. Карпенко ко времени выхода книги «Последний главком» опубликовал и подробную биографию генерала П.Н. Врангеля⁷, и обстоятельный научно-популярный очерк о его жизни в эмиграции⁸.

Рецензент основное внимание уделяет тому, как С.В. Карпенко показал зарождение конфликта между генералом П.Н. Врангелем и командующим Добровольческой армией генералом А.И. Деникиным во время борьбы против Красной армии и Советской власти на Северном Кавказе в 1918 г., а также на фоне обширного фактического материала, многочисленных событий Гражданской

войны раскрыл личные качества генерала П.Н. Врангеля. В частности, она пишет: «Естественно, в центре повествования – главный герой. Однако он не предстает перед читателем, как это обычно происходит в художественных биографиях белых вождей, монументом из незапятнанной чести, железной воли и могучего ума, подавляющим вокруг себя всех и вся. Широко прибегая к несобственно-прямой речи, показывая через восприятие Врангеля как самых разных людей, с какими его сводила и сталкивала судьба, так и трагические события на фронте и в тылу, участником которых ему довелось стать, автор глубоко погружает читателя во внутренний мир героя. В мир, где всё, как вокруг солнца, вращается вокруг его непомерного и губительного честолюбия, где сомнения и разочарования порой одолевают волю, а гордыня, питаемая одаренностью, толкает разум на принятие решений, отнюдь не безупречных с нравственной точки зрения, где бушуют страсти такой силы, что часто взламывают панцирь внешнего спокойствия, выдержки и наследственного светского благородства»⁹.

Автор рецензии особо отмечает и высоко оценивает то, что описание биографических фактов, раскрытие образа генерала П.Н. Врангеля даются в неразрывной связи с его личностью, его предшествующей жизнью и обстановкой Гражданской войны, в которой тот оказался. Большим достоинством романа-хроники рецензент посчитала раскрытие психологии П.Н. Врангеля: «Психологическое состояние Врангеля, движения и порывы его души, перемены настроения и зигзаги мысли, происходящие под воздействием многих внешних обстоятельств, прослеживаются в романе непрерывно и прорисовываются до мельчайших деталей, ярко раскрываются через его фразы и жесты, индивидуализированную прямую речь и внутренние монологи»¹⁰.

При этом рецензент подчеркивает, что С.В. Карпенко сумел «отстраниться от главного героя и тем добиться полной объективности авторской речи и избежать навязывания читателю каких-либо упрощенных характеристик и однозначных оценок»¹¹.

Так А.А. Голубева подводит читателей рецензии к мысли о том, что личность генерала П.Н. Врангеля и факты его биографии раскрыты в книге С.В. Карпенко полно, всесторонне и объективно. Она прямо пишет: «Читателю, далекому от исторической науки, очень трудно разобраться в трагических событиях Гражданской войны: отделить достоверные факты от домыслов и легенд, истинные заслуги героев книг от приписанных авторами, искренние заблуждения самих авторов от их намеренной лжи... “Последний главком” с первых страниц вызывает доверие, которое растет с каждой новой прочитанной главой»¹².

Тем самым И.И. Голубева не только демонстрирует свое полное согласие с теми оценками личности генерала П.Н. Врангеля и фактами его биографии, которые изложены в книге С.В. Карпенко, но и убеждает читателей рецензии в правоте этих оценок.

Спустя три года после выхода в свет книги С.В. Карпенко «Последний главком», в 2009 г., была опубликована книга А.Б. Широкограда «Упущенный шанс Врангеля: Крым, Бизерта, Галлиполи». И вскоре после ее выхода, в том же 2009 году, в журнале «Новый исторический вестник» была опубликована рецензия на нее. Автором рецензии стал историк И.А. Белоконь, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета¹³.

Прежде всего, И.А. Белоконь дает нелицеприятную характеристику А.Б. Широкограду как автору научно-популярных книг по военной истории: «В его книгах галопом проносятся эпохи, народы, государства, войны, монархи, министры, генералы, адмиралы, казаки, древние литовцы, Батыевы татары. И по-хлестаковски бездумно, с “легкостью в мыслях необыкновенной” всему и вся выносятся приговоры. Степень их “справедливости” напрямую зависит от того, что за сочинения по “избранной теме” угодили автору в руки. О тех, что не угодили, заботы нет. Как и прочие поставщики на книжный рынок давно раскрытых “тайн” и высосанных из пальца “сенсаций”, А. Широкоград не чует различия между научным и противоположным ему, между фактами и домыслами, между “историческим фэнтези” в рамках здравого смысла и бредом за пределами оных»¹⁴.

В подтверждение своих резких оценок автор рецензии приводит обобщение оценок книг А.Б. Широкограда, основанное на рецензиях других специалистов и отзывах читателей в Интернете (при этом, правда, он ни на кого конкретно не ссылается): «Стиль его работы уже давно оценен по достоинству. Самая корректная “аттестация” его книг: “сколоченные на скорую руку компиляции”... Характерные, фирменные признаки авторского стиля: обильное цитирование и пересказ чужих книг, “позаимствованные” из этих же книг сноски, легковесность и претенциозность суждений, обилие фактических ошибок, неведение относительно большинства источников и литературы по теме»¹⁵.

Приступив к критическому анализу содержания книги, И.А. Белоконь сразу дает ей оценку: «С первых же страниц очевидно: “Упущенный шанс Врангеля” – по авторскому обыкновению – книга-разоблачение, книга-приговор... Врангелю вменяются в вину “заурядность” и “слабоумие”. Правда, “скудоумие” – черта, уверен А. Широкоград, присущая не только генералу Врангелю, но и всем почти его соратникам по Белому движению»¹⁶.

Далее, подтверждая свою оценку, убеждая читателей в своей правоте, И.А. Белоконь разбирает важнейшие, на его взгляд, фрагменты книги. При этом, что особенно интересно, он четко выявляет, из каких именно немногочисленных изданий исследовательской литературы и воспоминаний А.Б. Широкоград «сколотил» свою книгу.

В частности, он резко критикует А.Б. Широкограда за то, что тот сам не разобрался и читателю не помог понять, в чем состояли причины и суть разногласий между А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, которые отнюдь не случайно переросли в острый конфликт. Точно так же, по мнению рецензента, автор книги не сумел разобраться в конфликте между главным командованием Вооруженных сил на юге России и Кубанской радой, прояснить роль генерала П.Н. Врангеля в этом конфликте. Наконец, на взгляд И.А. Белоконя, А.Б. Широкоград совершенно не разобрался в «крымской эпопее» генерала П.Н. Врангеля: «Какова была стратегия Врангеля, были ли у него какие-то шансы на успех, в чем они состояли, почему не были использованы и т. д. – ничего вразумительного в тексте, “сколоченном” А. Широкоградом, нет»¹⁷.

При этом автор рецензии рекомендует автору книги прочитать различные воспоминания и исследовательские работы по истории Белого движения, чтобы хотя бы немного разобраться в этих очень сложных событиях, оценить правильность решений генерала П.Н. Врангеля и результаты выполнения этих решений. С другой стороны, И.А. Белоконь прямо указывает на «некорректные заимствования» А.Б. Широкограда из работ других авторов, в частности из «Очерков истории Белого движения на юге России» С.В. Карпенко (про инфляцию, финансовую политику правительства П.Н. Врангеля, материальное положение и «трудовые будни» чиновников и т. д.)¹⁸.

Рецензент, убеждая читателя в том, что книга А.Б. Широкограда – «халтура из халтур, воинственная по форме и невежественная по содержанию», – тем самым защищает историческую память о генерале П.Н. Врангеле от грубого охаивания со стороны некомпетентного автора. И.А. Белоконь, по сути, убеждает читателя не доверять рецензируемой книге и предлагает ему самостоятельно познакомиться с источниками, которые дают возможность более или менее объективно судить о крайне сложной личности генерала П.Н. Врангеля и противоречивых результатах его деятельности.

Яркая черта рецензии И.А. Белоконя состоит в том, что от критики книги А.Б. Широкограда, на примере этого частного случая, он переходит к широким обобщениям относительно современной

исторической публицистики и научно-популярной литературы о Гражданской войне и Белом движении. Он пишет: «Не нарочитые, а естественные – от души – примитивизм изложения, вульгарность тона и козыряние невежеством стали для А. Широкограда, а равно и прочих подобных ему “pop-historikov” яркой “блесной” для косяков “массового” читателя, мечущихся в мутных, изрядно загаженных глубинах нынешнего книжного потока. Того самого “массового” читателя, чей уровень исторической образованности стремительно падает, приближаясь к уровню чеховской институтки Наденьки: “Недавно Россия воевала с заграницей, причем много было убито турков”. Падает отчасти благодаря чтению таких вот “научно-популярных” изданий, авторы которых, кажется, сознательно задались целью оболванить соотечественников, сбить их уровень исторической образованности, сузить их исторический кругозор до полного неведения, “откуда есть пошла” современная Россия»¹⁹.

В том же 2009 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Б.В. Соколова «Врангель». И уже в первом номере «Нового исторического вестника» за 2010 г. на нее была напечатана рецензия С.В. Карпенко²⁰.

Прежде всего, в своей рецензии С.В. Карпенко кратко охарактеризовал современные биографические книги о генерале П.Н. Врангеле с точки зрения их источниковой базы. В частности, книгу А.Б. Широкограда он оценил как «вершину самого примитивного пересказа “Записок” Врангеля путем не очень-то осмысленного нагромождения цитат с кавычками и без, – а потому не только вершиной, но и сразу резким падением в пропасть халтуры»²¹.

По оценке рецензента, от книги А.Б. Широкограда книга Б.В. Соколова выгодно отличается стремлением расширить круг источников и ликвидировать «белые пятна» в биографии генерала П.Н. Врангеля. Однако, на деле, заключает рецензент, «уже в первых двух частях становится очевиден стиль очередного биографа: максимум цитирования и пересказа мемуаристов при минимуме собственных рассуждений... Они весьма поверхностны и давно очевидны... Утомляя читателя, постоянно мелькает: такой-то “рисует эпизод”, такой-то “приводит эпизод”, такой-то “вспоминал”, такой-то “описывает”, такой-то “утверждает”, такой-то “оставил”, такой-то “свидетельствует”... И так по всей книге. В общем – опять “Врангель в воспоминаниях современников”»²².

На взгляд С.В. Карпенко, в книге Б.В. Соколова есть положительные моменты: стремление автора расширить круг цитируемых и пересказываемых мемуаров, а затем на их основании строить собственные предположения и рассуждения. Причем Б.В. Соколов

с самого начала, в предисловии, признал, что генерал П.Н. Врангель проявлял надменность, жестокость, склонность к интригам, крайнее честолюбие, боязнь подмочить свою репутацию военачальника поражениями подчиненных ему войск. Однако, по мнению рецензента, этих моментов оказалось недостаточно для того, чтобы ликвидировать «белые пятна» в биографии генерала П.Н. Врангеля.

И далее С.В. Карпенко указывает на несколько, по его мнению, наиболее показательных сюжетов в тексте книги, которые свидетельствуют, что эти «белые пятна» как были до выхода в свет книги Б.В. Соколова, так и остались.

В частности, Б.В. Соколов, опираясь почти исключительно на «Записки» генерала П.Н. Врангеля, которые остались для него основным источником, не смог показать всю глубину и трагизм колебаний П.Н. Врангеля, приехавшего в Киев в мае 1918 г. Эти колебания сводились к следующему: принимать или нет предложение старого сослуживца и приятеля П.П. Скоропадского, ставшего гетманом Украины, занять должность его начальника штаба. Для П.Н. Врангеля это означало вступить в борьбу с большевизмом «под протекторатом» Германии и под «вывеской» Украинского гетманства. Не помогли «Записки» Б.В. Соколову раскрыть и другое: почему же, в отличие от тысяч офицеров, П.Н. Врангель не поспешил на Дон, уклонился от вступления в Добровольческую армию генералов М.В. Алексея и Л.Г. Корнилова? По мнению С.В. Карпенко, автору не удалось главное: в ходе изложения событий биографии П.Н. Врангеля весны 1918 г. раскрыть личность генерала, показать его сомнения и переживания, вызванные сложнейшими военно-политическими обстоятельствами, понять его душевное состояние, логику его тогдашних рассуждений и поступков²³.

Не так явно, как И.А. Белоконь, но и С.В. Карпенко, по сути, подсказывает читателям его рецензии и читателям книги Б.В. Соколова, какие исследования и воспоминания могут серьезно расширить их представления о генерале П.Н. Врангеле. Рецензии И.А. Белоконя и С.В. Карпенко объединяет стремление отстаивать научный подход в изучении личности и биографии генерала П.Н. Врангеля, призвать будущих исследователей прежде всего к поиску новых источников о жизни генерала П.Н. Врангеля и их глубокому научному анализу.

Правоту рецензентов подтверждают новейшие публикации в журналах «Новый исторический вестник»²⁴ и «Вестник архивиста»²⁵: поиск новых источников имеет немалые перспективы, рано или поздно этот поиск позволит ликвидировать «белые пятна» в биографии генерала П.Н. Врангеля.

- ¹ *Афанасьева Л.П.* Интернет для историка: Мусорная корзина или кладезь мудрости? // Нов. ист. вестн. 2003. № 1 (9). С. 4–8.
- ² *Карпенко С.В.* Последний главком. М., 2006.
- ³ *Ширококорд А.Б.* Упущенный шанс Врангеля: Крым, Бизерта, Галлиполи. М., 2009.
- ⁴ *Соколов Б.В.* Врангель. М., 2009.
- ⁵ *Голубева И.И.* Драма восхождения в пропасть (о романе-хронике Сергея Карпенко «Последний главком») // Нов. филол. вестн. [Филол. журн.]. 2006. № 1 (2). С. 195–198.
- ⁶ *Карпенко С.В.* Добровolec: Эпизоды из жизни генерала Врангеля // Нов. журн. (The New Review). 2004. № 235. С. 64–96.
- ⁷ *Карпенко С.В.* Врангель Петр Николаевич: 1878–1928 // Нов. ист. вестн. 2001. № 1 (3). С. 177–185.
- ⁸ *Карпенко С.В.* Офицеры и командующие // Там же. 2000. № 2. С. 82–217.
- ⁹ *Голубева И.И.* Указ. соч. С. 195.
- ¹⁰ Там же. С. 195–196.
- ¹¹ Там же. С. 196.
- ¹² Там же. С. 197.
- ¹³ *Белоконь И.А.* Упущенный шанс Широкограда, или Белое дело и его разоблачение // Нов. ист. вестн. 2009. № 3 (21). С. 126–133.
- ¹⁴ Там же. С. 127.
- ¹⁵ Там же. С. 127–128.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Там же. С. 128–130.
- ¹⁸ Там же. С. 130.
- ¹⁹ Там же. С. 132.
- ²⁰ *Карпенко С.В.* Очередной пересказ «Записок» Врангеля, дополненный, но не исправленный // Нов. ист. вестн. 2010. № 1 (23). С. 146–153.
- ²¹ Там же. С. 147.
- ²² Там же. С. 149.
- ²³ Там же. С. 150.
- ²⁴ *Ковригина И.А., Костров А.В.* П.Н. Врангель в Иркутске (1902–1906 гг.): «документальные жизнеописания» и архивные документы // Нов. ист. вестн. 2012. № 2 (32). С. 57–65.
- ²⁵ *Карпенко С.В.* «Истина может быть установлена только на основании документов»: Архив генерала П.Н. Врангеля и изучение истории Белого движения на юге России // Вестн. архивиста. 2013. № 2. С. 274–286.

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Г.Н. Ланской

Вопросы экономической истории России на страницах «Экономического журнала»

В статье анализируются основные направления изучения экономической истории России на страницах «Экономического журнала». Особое внимание уделено современным подходам, которые применяются авторами данного издания при исследовании экономических вопросов истории Гражданской войны и новой экономической политики.

Ключевые слова: историография, экономическая история, Гражданская война, крестьянство, антибольшевистские правительства, новая экономическая политика.

В выпускаемом на протяжении более 15 лет «Издательством Ишполитова» «Экономическом журнале» традиционно уделяется большое внимание вопросам экономической истории России XX в. При этом авторы преимущественно обращаются к событиям, относящимся к временам Гражданской войны и последующего формирования новой экономической и политической системы на территории утверждавшего свои правящие позиции в 1920-е годы Советского государства. В связи с данной достаточно конкретной и при этом углубленной тематической специализацией представляется значимым выявление той концептуальной и методологической линии, которой придерживаются публикующие в журнале статьи исследователи. Решение данной задачи может, в свою очередь, позволить наметить значение публикаций «Экономического журнала» как историографических источников по истории России конца 1910–1920-х годов, отражающих новейшие тенденции в раскрытии и оценке событий данного периода.

Как уже было отмечено, основное внимание в статьях журнала традиционно уделяется вопросам истории Гражданской войны и в особенности деятельности небольшевистских правительств под руководством П.Н. Врангеля, А.И. Деникина и А.В. Колчака в период конца 1918 и 1919 гг., когда они еще вели острое и временами достаточно успешное соперничество с Красной армией. В своих работах исследователи исходят из представления о том, что неизменным сопутствующим фактором событий Гражданской войны являлся экономический кризис. Его проявления встречались в различных сферах хозяйственного развития, относившихся не только к самой материально-производственной сфере, но в еще большей степени к различным инфраструктурным аспектам.

Первым из этих аспектов, подробно исследованным в опубликованных на страницах «Экономического журнала» статьях, является состояние финансовой системы. В частности, при определении особенностей инфляционной ситуации периода Гражданской войны М.Ю. Черниченко подчеркивает, что «ключевую роль в обострении кризисных явлений в экономике на белых территориях играло падение покупательной способности российской национальной валюты при сохранении относительной рыночной свободы». Далее говорится, что «именно сочетание этих двух факторов порождало хаос в денежном обращении, рост дороговизны, инфляционную панику и разгул спекуляции»¹.

При оценке финансовой системы в период 1918–1919 гг. М.Ю. Черниченко в соответствии с существующей историографической традицией в освещении данной темы отмечает, что основной проблемой развития механизма денежного обращения являлась его децентрализация, с которой своими и, как правило, внеэкономическими методами боролись представители большевистского правительства. В своем исследовании на основании различных примеров автор показывает, как представители населения страны стремились использовать в практике товарно-денежного обращения различные платежные единицы и средства. Руководству вооруженных сил юга России во главе с А.И. Деникиным не удавалось справиться с данной ситуацией ни с помощью создававшихся исполнительных органов управления, ни с помощью периодически планировавшихся репрессивных мероприятий.

Очевидно, что причина данной ситуации заключалась в позиции гражданского населения, которое не испытывало доверия к предлагавшейся военными властями системе денежного обращения и часто вынужденно пользовалось услугами спекулянтов. Определяя ее сущность, М.Ю. Черниченко, в частности, пишет:

«В обстановке Гражданской войны внутренний курс национальных валют, обращавшихся в тылу ВСЮР (Вооруженных сил юга России), зависел только от психологического фактора – большего или меньшего доверия к тем или иным денежным знакам. А доверие населения – не только тех групп, что сознательно поддерживали Белое движение, но и самых широких слоев – укреплялось или, наоборот, ослаблялось материалами, публикуемыми в газетах»².

Вторым аспектом кризисной экономической ситуации в России периода Гражданской войны, по мнению авторов «Экономического журнала», являлась быстро распространившаяся в рамках антибольшевистских органов управления коррупция.

Ее распространение стало заметным практически с самого начала формирования антибольшевистских правительств, где для обеспечения большего уровня компетентности управления стали создаваться отделы, призванные регулировать развитие различных отраслей экономики. В связи с отсутствием в военной среде подготовленных для работы в данных отделах кадров на работу в эти отделы стали привлекаться представители бюрократического аппарата, имевшие опыт профессиональной деятельности еще в государственных учреждениях дореволюционной России. Первоначально они имели доверие со стороны белогвардейского командования вследствие своего опыта и, вероятно, по причине принадлежности к бывшему дворянскому сословию.

Однако уже во второй половине 1918 г. выявилось, что привлеченные на службу представители дореволюционного чиновничества не смогли в значительной своей части проявить должного уровня служебной добросовестности. С одной стороны, это было вызвано тем, что вслед за профессионально подготовленными специалистами в среду руководящих работников стали проникать случайные люди, приглашавшиеся начальниками отраслевых управлений и подразделений как на центральном, так и на местном административном уровне. С другой стороны, как показывают исследователи, приглашенные антибольшевистскими правительствами на работу чиновники испытывали существенные материальные трудности и стремились в условиях общей финансово-экономической нестабильности их преодолеть благодаря своему служебному положению. Проследившая данную тенденцию, С.В. Карпенко в статье, посвященной вопросам коррупции в среде антибольшевистских правительств, в частности, писал: «И эта растущая и сильно разбавленная некомпетентными людьми “армия чиновников”, которые пострадали от большевиков, потеряли деньги и имущество, были размещены в плохих квартирах, носили старую одежду и

обувь, жили впроголодь, в лучшем случае вместо дела занималась “мечтами о прибавках” и “погоней за командировками”, мечтами о возвращении старой жизни и прежних привилегий после взятия войсками Москвы и ликвидации большевиков. В худшем – пополняла свои карманы преступными способами и измывалась над населением»³.

Помимо социальных причин развития коррупционной ситуации в среде антибольшевистских правительств юга России, С.В. Карпенко выделял также причины, связанные с общей политической и экономической ситуацией в данном регионе, сложившейся в 1918–1919 гг. и сохранившейся вплоть до осени 1920 г., когда итог противостояния в рамках Гражданской войны был предрешен. Первая из этих причин заключалась в том, что в поисках создания управляемой модели финансово-хозяйственного развития и, в том числе, для борьбы со злоупотреблениями руководство антибольшевистского движения прибегало к более активному использованию командных механизмов. Это неизбежно расширяло бюрократический аппарат и оказывало дополнительное давление на положение реально продуктивного слоя предпринимателей. Вторая причина была связана с недостаточной эффективностью имевшихся транспортных коммуникаций. В связи с их изношенностью, а также снижавшимся качеством подвижного состава заинтересованные в перемещении своих грузов представители снабженческого сектора стремились любыми средствами компенсировать свои убытки.

Третьим аспектом экономического кризиса в годы Гражданской войны, по оценкам исследователей, являлись существенные трудности в сфере продовольственного снабжения нуждавшихся в постоянном подкреплении вооруженных сил юга России. По наблюдениям, сделанным С.В. Карпенко, данные трудности были настолько существенными и системными по своему содержанию, что не ослабевали даже в ситуации благоприятного урожая, наблюдавшегося на европейской части территории России в 1919 г.

Источником возникновения продовольственной проблемы применительно к функционированию вооруженных сил на юге России являлась необходимость параллельного решения двух задач – повышения заинтересованности производителей сельскохозяйственной продукции в улучшении показателей своей деятельности и регулярного снабжения по выгодным ценам сражавшихся с Красной армией вооруженных подразделений.

Для поиска выхода из складывавшейся трудной ситуации и его осуществления по инициативе А.И. Деникина в начале 1919 г. было создано специализированное управление, функцией которого

стало ведение продовольственной политики. Характеризуя содержание происходивших в рамках деятельности данного управления совещаний, С.В. Карпенко, в частности, писал: «Самым сложным для участников всех совещаний оказался вопрос о твердых ценах, которые вызывали массовое недовольство сельского населения и его отказ продавать зерно. Всем было очевидно, что даже с отменой хлебной монополии не может быть и речи о переходе к свободной торговле, раз сохраняются твердые цены. Однако отмена их представлялась “прыжком в неизвестность”. Предвидели лишь два негативных последствия: резкий скачок цен на хлеб и все продукты питания и сохранение прежнего стремления производителей и торговцев воздержаться от продаж, но уже в расчете на дальнейшее повышение цен»⁴.

Мероприятия правительства А.И. Деникина по разрешению противоречий между заинтересованностью сельскохозяйственных производителей в повышении прибыли и представителей военного командования в обеспечении достаточного снабжения армии не увенчались успехом. В статье С.В. Карпенко убедительно подчеркивается, что данная цель не была достигнута даже после введения свободы торговли и ограничения обязательств производителей «хлебным налогом», поскольку стремление увеличить объем доходов от торгово-предпринимательской деятельности все равно оказывалось доминирующим. Складывавшиеся в результате рассмотренной ситуации трудности дополнялись издержками, которые возникали под воздействием дополнительных инфраструктурных факторов, к которым относились ухудшавшееся качество железнодорожных магистралей и подвижного состава, девальвация расчетно-денежных единиц и несбалансированность финансовой системы в стране. Проследивая данную ситуацию, С.В. Карпенко отмечал, что при решении задач продовольственного снабжения армий А.И. Деникина и П.Н. Врангеля «управление продовольствия часто само становилось жертвой роста цен и спекулятивных махинаций. Особенно в случаях, когда торговцы, заключив с управлением договор на поставку товара, везли его не один месяц из дальних краев... доставив товар в порт или на станцию в соответствии с договором, они категорически отказывались его сдавать и требовали повысить цену по сравнению с договорной, ссылаясь на значительный рост цен за прошедшее после подписания договора время»⁵.

Наконец, четвертым аспектом экономического кризиса в годы Гражданской войны исследователи, публикующие свои статьи на страницах «Экономического журнала», считают особенности переселенческой практики, заключавшейся в миграции крестьян из

Европейской территории России в Сибирь и на Дальний Восток. При изучении данной проблематики обоснованно подчеркивается, что осуществлявшаяся в данном направлении колонизация являлась на протяжении XIX и начала XX в. источником преодоления проблемы малоземелья, сковывавшей крестьянство в рамках крупного феодального землевладения. Как неоднократно подчеркивалось в отечественной историографии экономической истории дореволюционного периода, именно переселенческая политика являлась в связи с этим наиболее прогрессивным направлением реализовывавшейся под руководством П.А. Столыпина аграрной реформы.

Однако, как подчеркивают в своей статье о демографических проблемах Сибири и Дальнего Востока С.С. Ипполитов и В.В. Минаев, в условиях Гражданской войны переселенческая активность крестьян оказалась источником новых проблем, которые были вызваны, в частности, недостаточной освоенностью этих регионов. С одной стороны, эти проблемы проявились в том, что сибирские и дальневосточные территории стали объектом миграционного освоения со стороны жителей Китая, а также геополитических интересов со стороны Японии. С другой стороны, с существенными сложностями столкнулись и те крестьяне, которые направились за уральские территории в поисках благосостояния и спасения от активных военных действий. Проследивая их намерения, С.С. Ипполитов и В.В. Минаев отмечали: «Крестьяне стремились прибыть к новому месту жительства к началу весенне-полевых работ. Голод, безработица и нужда малообеспеченных слоев населения, стремление к наживе и более выгодному использованию капитала для зажиточных слоев – все это явилось движущими силами переселенческого движения в первой половине 1918 г.»⁶

В целом авторы статей, опубликованных на страницах «Экономического журнала», приходят к выводу о том, что события Гражданской войны усугубили экономический кризис, начавшийся еще в годы Первой мировой войны и закономерно сохранившийся в условиях революционных событий 1917 г. Безрезультатность его преодоления, несмотря на временные достижения – например, на отмечаемый в опубликованных статьях временный приток «деловых людей» в Сибирь и на Дальний Восток⁷, – стала одним из факторов неудачи Белого движения. С другой стороны, кризис и произошедшие в связи с ним социальные волнения в Черноземном регионе и затем в Кронштадте заставили добившееся успеха в Гражданской войне большевистское правительство приступить к достаточно радикальным экономическим преобразованиям.

Содержание этих преобразований достаточно подробно освещено на страницах «Экономического журнала» как в практическом⁸, так и в теоретическом⁹ аспекте. Опубликованные статьи, основанные на значительном и репрезентативном фактическом материале, практически подтверждают те выводы, которые сформировались в отечественной и зарубежной историографии по вопросам причин, теоретических предпосылок, содержания и результатов новой экономической политики. К их числу, в частности, относятся констатация достаточно активных дискуссий в советской экономической литературе о необходимых сроках проведения нэпа, наблюдения о его существенной роли в оживлении экономического развития страны и, наконец, указание на произошедшее уже в 1925 г. отступление от базовых принципов начатой в 1921 г. политики.

Среди опубликованных на страницах «Экономического журнала» статей по проблематике истории России и российской эмиграции 1920-х и 1930-х годов особого внимания заслуживает статья С.С. Ипполитова, посвященная малоизученной теме вывоза государственных финансов бывшей Российской империи в европейские государства¹⁰. Автор статьи обоснованно указывает на то, что утечка «казенного» капитала стала существенной проблемой не только для органов власти советского государства, но также для оказавшихся без достаточного финансирования антибольшевистских правительств. Вывезенные средства не стали достоянием и большинства людей, которые были вынуждены покинуть территорию России в связи с провозглашенными на ней принципами и направлениями социалистического переустройства.

В своей статье С.С. Ипполитов на основании многочисленных источниковых свидетельств показывает направления, в которых произошло расхищение вывезенных финансовых средств. В частности, он пишет о создании и деятельности созданного в феврале 1921 г. Финансового совета, который по существу организовал постепенную утечку капиталов. Отмечая негативные репутационные последствия его деятельности, автор отмечает: «Судьба российских государственных средств находилась в центре внимания не только эмигрантских кругов русского зарубежья, но и иностранных правительств, предпринимавших попытки так или иначе оказывать влияние на их хранение и использование... В тот же период периодически возникали громкие скандалы, проливавшие слабый свет на перемещение по миру других составных частей российского национального богатства, вывезенного за границу»¹¹.

Таким образом, опубликованные на страницах «Экономического журнала» исследования дают системное представление

о направлениях развития России в период Гражданской войны и 1920-х годов. При этом особое внимание уделяется вопросам деятельности антибольшевистских правительств и осуществления новой экономической политики. На наш взгляд, включение результатов уже осуществленных, а также продолжающихся в настоящее время исследований в еще более широкий контекст изучения отечественной истории XX в. способно дать плодотворные результаты как в методологической, так и в практической сфере научных изысканий.

Примечания

- ¹ *Черниченко М.Ю.* Инфляция, инфляционная паника и спекуляция в условиях «свободы торговли» времен Гражданской войны: по материалам газет антибольшевистского юга России // Эконом. журн. 2015. № 1 (37). С. 71.
- ² Там же. С. 83.
- ³ *Карпенко С.В.* Экономический кризис и коррупция: из истории тыла белых армий юга России: 1918–1920 гг. // Эконом. журн. 2015. № 1 (37). С. 111.
- ⁴ *Карпенко С.В.* Кризис товарно-денежного обращения и продовольственное снабжение армии и городского населения на белом юге России // Там же. № 2 (38). С. 104.
- ⁵ Там же. С. 117.
- ⁶ *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* Демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока России в условиях экономического кризиса в годы Гражданской войны // Эконом. журн. 2015. № 2 (38). С. 164.
- ⁷ Там же. С. 173.
- ⁸ *Стасюкевич С.М.* Советская сельхозкооперация на Дальнем Востоке как субъект экономики: иллюзии и реальность: 1920-е гг. // Эконом. журн. 2015. № 1 (37). С. 147–159.
- ⁹ *Ульянова О.А.* Быть или не быть нэпу: Экономические дискуссии 1920-х гг. // Там же. С. 169–176.
- ¹⁰ *Ипполитов С.С.* Русский «казенный» капитал в Европе в 1920–1930-х гг. // Там же. С. 160–168.
- ¹¹ Там же. С. 165.

Историография народнического движения глазами его участников

В статье на основе материалов журнала «Каторга и ссылка» и секции по изучению общественного движения 1830–1870-х годов при Обществе политкаторжан рассматривается такой аспект советской историографии народничества 1920–1930-х годов, как взаимодействие между историками и участниками революционного движения. Автор выделяет те основные группы проблем, которые были подняты старыми революционерами в их критике работ историков народничества.

Ключевые слова: советская историография, народничество, историография революционного движения, историческая память, Общество политкаторжан.

В советской исторической науке и публицистике 1920–1930-х годов тема народничества и в особенности народо-вольчества была одной из самых обсуждаемых и политически острых. Та модель истории России, которая начала выстраиваться после 1917 г., нуждалась в новых культурных героях, и представители революционного народничества с их ярким героическим прошлым были очевидными претендентами на эту роль. Кроме того, в исторической литературе 1920-х годов часто встречались попытки «модернизировать» наследие народников, представив их в качестве предшественников большевизма. Однако такое видение народничества по ряду причин у многих вызывало резкое неприятие. Финальной точкой столкновения двух позиций стала знаменитая дискуссия о «Народной воле» 1929–1930 гг. 50-летний юбилей создания «Народной воли» совпал с годом «великого перелома», и дискуссия проходила на фоне начавшейся коллективизации

и кампании против «кондратьевщины» и «неонародничества», что предопределило ее политизацию. На И.А. Теодоровича, выступившего в роли главного «защитника» народничества, посыпались обвинения в «правом оппортунизме» и «смазывании» грани между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. Нападки на И.А. Теодоровича были вызваны не только его докладом о «Народной воле», но и его деятельностью на посту заместителя наркома земледелия и связями с Н.Д. Кондратьевым.

С середины 1930-х годов официальной стала новая, однозначно негативная, оценка народничества как «беспочвенного» интеллигентского движения, опирающегося исключительно на свою теорию «героев и толпы». Изучение народничества в советской историографии было прекращено и возобновилось только в период «оттепели».

Эта идеологическая сторона советской историографии народничества достаточно хорошо изучена в работах М.Г. Седова, А.И. Алаторцевой, В.Ф. Антонова, М. Юнге¹. Помимо связи с актуальными политическими вопросами, процесс изучения народничества в этот период обладал еще одной важной особенностью: он проходил при непосредственном участии самих деятелей народнического движения. В данной статье рассматривается проблема взаимодействия между историками и участниками революционного движения в 1920–1930-е годы на примере тех случаев, когда «старики» (В.Н. Фигнер, М.Ф. Фроленко, Н.А. Морозов) выступали с критикой работ советских историков.

Важную роль в изучении истории народничества в 1920–1930-е годы играло Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК), существовавшее в 1921–1935 гг.² Оно объединяло людей, принадлежавших когда-то к разным политическим течениям, прошедшим через каторгу и ссылку. Целями ОПК были, прежде всего, материальная взаимопомощь, собирание и изучение воспоминаний, документов по истории революционного движения, каторги и ссылки. При ОПК активно работало издательство, выпускавшее, в том числе, журнал «Каторга и ссылка», страницы которого стали местом встречи тех, кто изучал историю революционного движения, и тех, кто эту историю делал. В журнале публиковались как работы историков, так и воспоминания, рецензии, статьи непосредственных участников революционного движения, а такие известные деятели народничества, как М.Ф. Фроленко и Е.Н. Ковальская, долгое время были постоянными членами редколлегии журнала.

Также в Обществе политкаторжан действовала секция по изучению общественного движения 1830–1870-х годов. Членами секции

были как историки (Б.И. Горев, Б.П. Козьмин, А.А. Кункль, Ф.И. Витязев, В.И. Невский, В.П. Полонский, Ю.М. Стеклов), так и революционеры-народники (М.П. Шебалин, В.Н. Фигнер, М.П. Сажин, А.В. Якимова). Таким образом, данная секция была тем местом, где происходило непосредственное взаимодействие между историками и участниками революционного движения в ходе совместного обсуждения докладов, статей, книг. На заседаниях секции можно было столкнуться даже с такой ситуацией, когда историк Б.П. Козьмин, выступив с докладом «Революционная деятельность М.П. Сажина в 1860-е гг.», смог выслушать дополнения и замечания непосредственно от самого «объекта» своего изучения³.

Одним из основных источников по истории революционного движения были и остаются документы «охранки», которые стали доступны исследователям после 1917 г. Проблема использования и достоверности этого исторического источника была поднята в дискуссии 1933 г. между молодым историком П.И. Анатольевым и участником революционного движения 1880-х годов П.А. Аргуновым. Статья Анатольева⁴ была посвящена истории Общества переводчиков и издателей, одним из основателей и активных деятелей которого и был П.А. Аргунов. Общество было создано в начале 1880-х годов, состояло в основном из студентов Московского университета, выходцев из Сибири, занималось переводом, изданием и распространением русской и зарубежной социалистической литературы.

При подготовке статьи Анатольев пользовался опубликованными воспоминаниями Аргунова и их расширенной авторской версией. Однако основным источником послужили архивные документы Московского охранного отделения. В своем отклике на статью Аргунов отмечал, что автор недостаточно критично отнесся к этому источнику: «Переходя теперь к работе т. Анатольева, замечу, что для меня, как единственного, кажется, живого свидетеля и участника раскрываемой по архивам организации марксистского издательства 1882–1884 гг., эта работа дает еще и интересный материал для суждения о том, как те или иные события и лица преломлялись в головах жандармов и прокуроров и что эти головы оставили в наследство для будущих историков. <...>

Забавно и приятно в свое время было видеть, в какой темноте блуждали самоуверенные жандармы, уверявшие на допросах, что они “все знают”. Но обидно видеть теперь, спустя 50 лет, что жандармское наследие попадает в историю как нечто заслуживающее доверия в глазах историка»⁵.

В своей статье Анатольев приводит письмо Л. Тихомирова к Г. Лопатину, обнаруженное в деле московской «охранки» 1884 г.

об «Общестуденческом союзе», в котором говорится о некоем революционном кружке. Анатольев посчитал, что это письмо имеет отношение к Обществу переводчиков и издателей и использовал его в качестве источника информации об этой организации. Аргунов же утверждал, что письмо было ошибочно определено жандармами к делу московских кружков, а Анатольев стал как бы наследником этой ошибки. Негодование вызвал у Аргунова и список членов Общества, приводимый Анатолевым, основанный на данных охранного отделения. Аргунов считал невозможным использовать списки жандармов, так как в них зачастую попадали совершенно не причастные к делу люди, и приводил собственный список членов Общества переводчиков и издателей, полагаясь на свою память.

Противопоставление воспоминаний архивным документам было характерно также и для дискуссии, развернувшейся вокруг доклада, а затем и статьи Е. Кушевой об «Обществе народного освобождения»⁶. Кушева явилась первооткрывателем этой организации конца 1870-х годов, которая объединяла российских революционеров-якобинцев. Документальным подтверждением существования Общества служили обнаруженные Кушевой его устав, инструкции и воззвание. Однако в ходе обсуждения сами активные участники революционного движения 1870-х годов в лице В.Н. Фигнер, А.В. Якимовой, М.П. Шебалина не подтвердили выводов молодого историка, отрицая существование подобной организации⁷. Наиболее полно с критикой статьи Кушевой выступил М.Ф. Фроленко. Он предполагал, что «Общество народного освобождения» было мистификацией Ткачева и других сотрудников «Набата», которые хотели приписать Обществу, а значит и собственному влиянию, деятельность «Земли и воли» и других реально существовавших в России революционных организаций. Приводимые Кушевой документы, по мнению Фроленко, были просто частью этой мистификации и не могли являться доказательством существования Общества⁸.

Другим предметом критики историографии народнического движения, исходившей от непосредственных его участников, было преувеличение влияния идеологов и теоретиков социализма на революционеров. Например, в 1930 г. Б.И. Горев выступил на заседании секции в ОПК с докладом, в котором пытался показать большое влияние Прудона на народническое движение и даже прямо называл народовольцев прудонистами. Присутствовавшие на заседании «старики» (В.Н. Фигнер, М.П. Шебалин) скептически отнеслись к выводам Горева, сказав, что «русский прудонизм был стихийным и обуславливался общей экономической обстановкой»⁹.

В том же году разгорелась полемика вокруг книги «Народовольческая журналистика» Дм. Кузьмина. Под этим псевдонимом скрывался Е.Е. Колосов – известный деятель партии эсеров. С 1907 по 1916 г., находясь в эмиграции, он изучал наследие Н.К. Михайловского, работая над его архивом. По воспоминаниям Е.Л. Олицкой, которая встретила с ним в Суздальском политизоляторе в 1933 г., Колосов «мог говорить о Михайловском часами», рассказывать «о его привычках, costume, манере речи»¹⁰. Главным критиком книги Кузьмина выступила В.Н. Фигнер. По ее мнению, автор намеренно искажал факты и вольно пересказывал источники, чтобы преувеличить роль Н.К. Михайловского в редакционной деятельности «Народной воли» и его идейное влияние на народовольцев¹¹. С критикой Колосова выступили также историки Б.П. Козьмин, Б.И. Горев, П.И. Анатольев и И.А. Теодорович¹². Причем двое последних, в отличие от Фигнер, придали дискуссии ярко выраженный политический характер. Так, по мнению Теодоровича, Колосов использовал Михайловского для того, чтобы приписать народовольцам те идеи, которых позже придерживались эсеры, и вложить в уста народовольцев критику Советской власти за «декретирование» социализма¹³.

Иначе подошел к проблеме М.Ф. Фроленко, который считал, что историкам в принципе свойственно преувеличивать роль теоретиков в истории революционного движения, в то время как оно зачастую развивалось не под влиянием Лаврова, Бакунина, Ткачева или Михайловского, а исходя из определенных обстоятельств и возможностей: «Нас обвиняли в том, что мы бакунисты, другие в том, что мы лавристы, – все это чепуха. Мы были просто революционеры. С самого начала, когда мы додумались в 70-х гг. до революции, мы начали помимо Бакунина и Лаврова делать все по-своему. С чего начать? Глушь ужасная, надо сколько-нибудь поднять умственное развитие людей. Мы начинаем книги распространять, начинаем учить грамоте рабочих. <...> Хождение в народ было помимо всяких Бакуниных и Лавровых. Собственно, русская революция развивалась постепенно, смотря по обстоятельствам, к террору пришли потому, что сами обстоятельства сложились так, что вызвали этот террор, сама жизнь таким образом выдвинула этот вопрос о необходимости террора»¹⁴.

Конечно, в этих словах М.Ф. Фроленко можно заподозрить простое стремление подчеркнуть собственную независимость. В то же время нельзя не заметить, что историография народничества 1920–1930-х годов действительно занималась вопросами в основном интеллектуальной истории революционного движения.

Наиболее яркие работы и дискуссии того периода были посвящены идеологам народничества, развитию их взглядов, а также проблеме преемственности между теми или иными социалистическими учениями. В различных вариациях выделялись идейные направления в народничестве, и далеко не только ставшие традиционными лавризм, бакунизм и ткачевизм. Так, например, И.А. Теодорович видел несколько течений внутри народовольчества, которые он сформулировал как бабувизм, предсоциалдемократизм и политический радикализм¹⁵. Сами же старые народники пытались показать, что это чрезмерное увлечение интеллектуальной составляющей истории революционного движения часто приводит к ошибочным выводам из-за того, что историки оставляют вне поля своего внимания его эмоциональную и повседневную сторону. Так, известный народоволец Н.А. Морозов писал в 1933 г.: «...мы принимали людей в свою организацию не по деталям их идеологии, а по энергии и готовности жертвовать своей жизнью в борьбе с общим врагом. <...> Но это еще не значит, что у нас тогда совсем не интересовались теоретическими вопросами социологического характера, – ими интересовались, но к ним относились так же спокойно, как, например, к вопросам о происхождении солнечной системы или жизни на небесных светилах. Большинство одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю, Марксу и Энгельсу»¹⁶.

Критику со стороны «стариков» часто вызывало навязывание революционерам принадлежности к определенному направлению. Так, М.Ф. Фроленко и Л.Г. Дейч указывали, что Кушева в целях расширения круга потенциальных членов «Общества народного освобождения» ошибочно приписала некоторых участников революционного движения к якобинцам. Наибольшее недоумение вызвало то, что Кушева в качестве доказательства принадлежности И.М. Ковальского к Обществу приводила факт нахождения у него при обыске большого количества номеров ткачевского «Набата»¹⁷: «Русские революционеры постоянно пользовались заграничной литературой, издававшейся различными революционными группировками, но это не обязывало их быть лавристами, бакунистами или ткачевцами»¹⁸.

«После несчастного дела с Гориновичем я [Л.Г. Дейч] и Стефанович нашли себе приют у одного офицера, и в один прекрасный день контрабандист привез большой чемодан, не то баул, и там оказалось довольно много экземпляров “Набата”, и если бы полиция нас арестовала, нас могли бы причислить к его [Ткачева] последователям»¹⁹.

Распространенной в 1920–1930-е годы тенденцией было увеличение влияния марксизма на российское революционное движение. Элементы марксизма обнаруживались во взглядах Чернышевского, Ткачева, Лаврова и многих других. Шел поиск российских корней марксизма, в том числе, и марксистских организаций внутри России первой половины 1880-х годов. В этом русле была написана и статья П.И. Анатольева, о которой уже шла речь выше. Анатолев доказывал, что Общество издателей и переводчиков эволюционировало в сторону марксизма, опираясь на перечень издаваемых им книг²⁰. П.А. Аргунов же посчитал такой подход к анализу эволюции идеологии Общества неверным, так как выбор той или иной книги для издания не всегда делался по идеологическим причинам: «Если замечается перемена в программе изданий от Луи Блана и Дюринга к Марксу и Энгельсу, так это не результат идеологического сдвига. Мы начали осторожно – с политических писателей, желая нащупать почву в публике и не очень возбуждать ретивость жандармов. Почва оказалась благодарной, требующей революционных и социальных учений, а бдительность “стражей” мы усыпили тем, что стали печатать брошюры в виде лекций по политэкономии. Идеология же оставалась без существенных изменений»²¹.

Таким образом, на основе материалов журнала «Каторга и ссылка» и сохранившихся протоколов и стенограмм заседаний секции по изучению революционного движения 1830–1870-х годов при ОПК можно выделить две основные группы проблем, поднятых «стариками» в их критике историографии народничества. Первая – это противопоставление собственных воспоминаний письменным документам, которые преподносятся как менее достоверные. На одном из заседаний М.П. Сажин даже сказал: «Современные исследователи, изучая прошлую жизнь по письменным материалам, часто искажают прошлое»²², подчеркнув таким образом, что причиной неверных интерпретаций являются именно документальные источники. Вторым наиболее распространенным основанием для критики было то, что историки сосредотачивали свое внимание прежде всего на интеллектуальной истории народничества, воспринимая ее в отрыве от практических, повседневных задач, стоявших перед революционерами, и преувеличивая таким образом влияние теоретиков социализма и роль идеологии в революционном движении.

Примечания

- ¹ *Седов М.Г.* Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М., 1965. С. 246–269; *Алаторцева А.И.* Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. М., 1990. С. 209–230; *Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 5–19; *Юнге М.* Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М., 2015. С. 301–363.
- ² *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935) // Конспект времени: труды и дни Александра Ратнера. М., 2007. С. 284–338.
- ³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 50.
- ⁴ *Анатольев П.* Общество переводчиков и издателей // Каторга и ссылка. 1933. № 3. С. 82–141.
- ⁵ *Аргунов П.А.* Еще об «Обществе переводчиков и издателей» (голос участника) // Там же. № 9. С. 73, 82.
- ⁶ *Кушева Е.* Из истории «Общества народного освобождения» // Там же. 1931. № 4. С. 31–62.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 66–66об.
- ⁸ *Фроленко М.* «Общество Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 81–100.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 69–69об.
- ¹⁰ *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания: В 2 кн. Франкфурт н/М., 1971. Кн. 2. С. 146.
- ¹¹ *Фигнер В.Н.* Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 231–275.
- ¹² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 3–13. *Теодорович И.* По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.
- ¹³ *Теодорович И.* По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым. С. 84, 86, 87.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–1об.
- ¹⁵ *Теодорович И.* Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 7.
- ¹⁶ *Морозов Н.* Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов // Там же. 1933. № 3. С. 144.
- ¹⁷ *Кушева Е.* Указ. соч. С. 47.
- ¹⁸ *Фроленко М.* Указ. соч. С. 91.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 25.
- ²⁰ *Анатольев П.* Указ. соч. С. 101.
- ²¹ *Аргунов П.А.* Указ. соч. С. 76.
- ²² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.

Булгаковское наследие как культурный код современности (молодежный аспект)

Основная цель этой статьи – взглянуть на советскую власть, ее носителей и ее институты, а также на массового советского обывателя через систему символов и элементов кода романа «Мастер и Маргарита». В исследовании проведен анализ вариантов интерпретации романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» через молодежный аспект, через современный пласт культуры.

Ключевые слова: Булгаковское наследие, христианская парадигма, культурный код, сталинизм, практика молодежной коммуникации.

Булгаковские произведения, написанные в неоднозначную и сложную для общества эпоху сталинизма, без малого почти восемь десятилетий назад, оказались встроены в культурный контекст современности путем массовой интерпретации образов и символики, их наполняющей. Наиболее ярко и отчетливо этот момент может быть прослежен при анализе романа «Мастер и Маргарита», а также его современной интерпретации в среде современной молодежи. Важны не только образы массового сознания, но и их манифестация в бытийности: граффити, элементы творчества (стихи, очерки, фантазии).

С одной стороны, роман «Мастер и Маргарита» как сложный набор символов и система образов – это один из культурных кодов современности. С другой стороны, интересен аспект его «вживления» в практику молодежной коммуникации и бытование в российской среде, что, безусловно, имеет место быть.

В связи с вышеизложенным представляется актуальным и необходимым выход на проблемно-исследовательское поле, где

основными понятиями исследователя будут понятия сакрального и профанного, содержание которых емко отражено в элементах булгаковского культурного кода через базовую христианскую парадигму. Данный проект – своеобразная проба пера, попытка посмотреть на уже знакомое между тем под иным углом – историко-философским.

Основная цель короткого исследования – взглянуть на советскую власть и ее носителей, ее институты и учреждения, а также на массового советского обывателя через систему символов и элементов кода романа «Мастер и Маргарита», вычленив столкновение сакрального (в романе – это божественное милосердие в лице Иешуа и сакральное зло в лице Воланда и его свиты) как неотвратимого и предикатного начала и профанного (образа советского режима и советской системы) как окружающей обыденности.

Специфика исследования заключается в анализе вариантов интерпретации булгаковского романа «Мастер и Маргарита» через молодежный аспект, через современный пласт культуры. В качестве источников взяты текст романа М.А. Булгакова, киноверсия романа (телесериал «Мастер и Маргарита», реж. В. Бортко), результаты социологического опроса (автором было проведено анонимное анкетирование молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет, абитуриентов и студентов РГГУ), а также материальные источники в виде граффити и иной «настенной живописи».

Кроме того, был исследован такой информационный контент, как сообщества и группы в социальных сетях ВКонтакте и Фейсбук, посвященные М.А. Булгакову и непосредственно его произведению «Мастер и Маргарита». Можно говорить о том, что, сталкиваясь с современной молодежной интерпретацией романа Булгакова, мы имеем возможность наблюдать элементы сакральности, иными словами, перед нами – вариация религиозной микросистемы, опирающейся на христианскую парадигму.

Говоря о сакральном (от *лат.* «посвященные богам», «священное», «запретное», «проклятое») как о философской категории, мы подразумеваем святое, священное. Это важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая области бытия и состояния сущего, воспринимаемые человеческим сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные. Во многих языках такой смысл заложен изначально в семантическом строе слова, принятом для наименования сакрального: *лат.* – *sacer*, *др.-евр.* *gadosh* связаны со значением отделенности, сокрытости, неприкосновенности¹. В более конкретном культурном контексте – исполненное иночеловеческой силой. В картине

мира сакральное выполняет роль структурообразующего начала: в соответствии с представлениями о сакральном выстраиваются другие фрагменты картины мира и складывается их иерархия.

Во всех без исключения культурах исторически комплекс идей и чувств, предметом которых выступает сакральность, нашел свое наиболее полное выражение в религиозной духовности. Убеждение в существовании сакрального и, что важно, влечение быть сопричастным ему составляет суть религии. В религии же сакральность представлена в своем онтологическом аспекте как чудесное, сверхъестественное. Немецкий теолог Р. Отто в классической работе «Святое» (1917) указывал, что для религиозного сознания сакральное есть «совершенно Иное». В религиозной культуре сакральное – не просто иная реальность, но также реальность абсолютная, вечная и по отношению к бытийному миру первичная. Сакральному соответствуют такие атрибуты, обычно взятые в превосходной степени, как разумность, нематериальность, духовность, могущество.

Что касается извечной антитезы данной категории – профанного (от *греч.* *pro* – прежде, и *лат.* *fanum* – святилище, храм), то исходя из предыдущего философско-культурологического контента, оно представляет собой мирское, не связанное с религиозным и священным; светское и всегда оценивается по нисходящему вектору от сакрального.

Противопоставление сакрального/профанного по линии духовное, возвышенное, божественное VS телесное, обыденное, мирское сложилось в рамках христианской парадигмы культуры и господствовало на протяжении многих веков европейской культуры и, конечно, не могло не проявиться в, пожалуй, наиболее загадочном романе XX в. – «Мастер и Маргарита». В значительной степени данное противопоставление через сложившийся культурный код продолжает выполнять свою функцию и в сознании современного российского человека, особенно – в молодежной среде. Функция эта – актуализация сакральности и критика профанности через устойчивую систему образов романа. Причем, исходя из содержания произведения, данная критика контекстно проявлена буквально в каждой сцене романа.

Благодаря сюжету, читатель оказывается в Москве конца 1920 – начала 1930-х годов, в обстановке конструирования новой, советской социальной реальности, где роли распределены и уже никому неинтересны, где вера как базис европейской христианской культуры – это нерабочий компонент в рамках проинженерированного властью советского быта, а любое проявление сакральности классифицируется как нелепость и фикция (например, часть текста

романа, описывающая пресловутый «сеанс черной магии»², являющийся, по сути, проявлением, материализацией сакрального зла в советской столице), как глупость и отсутствие здравого смысла. Только все помнят, чем закончилось появление Дьявола на публике: глупостью и отсутствием здравого смысла были наделены как раз городские обыватели, присутствовавшие на шоу в театре Варьете. Действительно, с точки зрения современных исследователей сталинской тематики, для становления и фиксации сталинизма была характерна узурпация смысла бытия: решалась проблема переустройства общества на основе партийных установок³. И если другие тоталитарные идеологии Европы (итальянский фашизм и немецкий национал-социализм) заимствовали у традиционных религий объяснение мира с позиции спасения, то большевизм изначально отличался антирелигиозной направленностью. Эта направленность была в полной мере характерна для сталинизма периода его консолидации.

Результаты отрицания сакрального также отражены в сценах романа. В частности, отрицание традиционных метафизических основ бытия приводит к отказу от религиозной ценности жизни и смерти (сцена гибели Берлиоза, его похорон, кражи головы и последующего «доказательства» существования Дьявола, принятые Воландом, заставляют по-другому взглянуть на жизнь и смерть: сложившаяся обыденность этих таинств уходит, привнося глубину сакрального и заставляя как персонажей, так и читателя прочувствовать величие этих процессов)⁴.

Отрицание права и справедливости (во многом привнесенное культом революционного насилия, террора и произвола) разрушается появлением образа глобальной сакральной справедливости в лице Воланда и его свиты: череда сцен романа, в которых показаны деяния Дьявола и его свиты, имеют своим итогом наказание за совершенное людьми зло. Проявляется вектор неотвратимости наказания с элементом возмездия, когда наказаниям подвергаются мздоимцы, распутники, шпионы, любители легкой наживы и охотники за квартирами: судом Воланда каждому воздается по вере его⁵.

Подмена творческой деятельности имитационной также контекстно и сюжетно подвергается критике: роман о Понтии Пилате, написанный Мастером (за которым исследователи локально просматривают образ самого Булгакова, а глобально – Творческого Начала как такового), сам по себе есть убедительный знак, символ поруганного творческого гения в советском обществе.

Наконец, тот фатализм и пассивность, которые были присущи советскому обывателю эпохи становления тоталитаризма, разби-

ваются в романе на мелкие кусочки, когда в сюжете разворачивается линия Любви и Долга, связанная с Мастером и его любовницей, а особенно когда сакральное в романе (сюда можно отнести и «ершалаимские главы», и «линию сакрального возмездия») начинает превалировать над обыденным, профанным, менять реальность и актуализировать в ней новые, забытые смыслы.

Но вернемся к современности: актуализированные М.А. Булгаковым и вызванным им к жизни смыслы и символы романа «Мастер и Маргарита» на сегодняшний день можно считать одним из культурных кодов современной российской культуры. Само понятие «культурный код» предполагает некую совокупность символов и смыслов (а также их комбинаций), которые заключены в предмете материальной либо духовной деятельности человека.

С помощью культурного кода осуществляется фиксация и оценка как индивидуальной, так и общезначимой информации о человеке и мире, о добре и зле, о сакральном и профанном в культурных текстах, общение индивидов и социальных групп между собой, совместное целедостижение и многое другое.

В случае с романом «Мастер и Маргарита» мы сталкиваемся с классическим вариантом культурного кода, однако действующим не только прямо (через текст романа, его экранизации, музыкальные произведения и театральные постановки), но и опосредованно: так сказать, «с изнанки», интерпретируясь современной молодежной средой в нечто большее – в вариант сакральной системы.

При исследовании любой знаковой системы важен социологический подход. Автором данной статьи было проведено анонимное безгендерное анкетирование молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет (абитуриентов и студентов 1–4-го курсов РГГУ), имевшее целью выявление булгаковского культурного кода. В анкетировании (в бумажной и электронной форме) приняли участие 60 человек, ответивших на все вопросы анкеты.

Данные опроса могут быть признаны репрезентативными и соответствующими тематике исследования. Все 60 опрошенных читали роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», читали книгу и смотрели телесериал В. Бортко 34 человека (всем, кто читал книгу и смотрел фильм, больше понравилась книга). Признались в том, что книга является их любимым произведением, 44 человека, 8 студентов и абитуриентов таковым для себя роман не сочли; еще 8 человек затруднились ответить на этот вопрос однозначно. На основе данного опроса был составлен рейтинг любимых персонажей: 35 человек из числа ответивших на вопросы анкеты назвали своими любимыми персонажами Воланда и его свиту как

сакральное зло и как Гарант глобальной справедливости. Мастер и Маргарита являются любимыми персонажами для 9 опрошенных. Еще 6 человек отметили Понтия Пилата (проводника локальной справедливости в романе), также 6 человек высказались за Иешуа Га-Ноцри как сакральное добро и милосердие. Не смогли выделить любимого персонажа 4 человека.

Киноэкранизацию В. Бортко назвали своим любимым фильмом 18 человек, затруднились с однозначным ответом 31 человек, для 11 опрошенных телесериал не является любимым однозначно. В сверхъестественное применительно к роману «Мастер и Маргарита» верят 44 человека из 60 опрошенных. Считают глупостью подобное суждение 6 человек, еще 10 человек с ответом затруднились. Интересны и свои варианты ответов на данный вопрос анкеты (их было всего 3):

1. Книга непростая, но не по своей сверхъестественности, а по глубине и загадкам в тексте (с).

2. Это красивое литературное произведение, оно о любви вообще (с).

3. Я не верю в сверхъестественное применительно к этой книге. А вот применительно к автору... (с)

В рамках анкеты давалась возможность и пофантазировать: представить, что Воланд и его свита посещают современную Москву. Ответы были следующего характера: из 60 опрошенных 41 человек считает, что это было бы замечательно, справедливость бы восторжествовала и визит Дьявола в Москву крайне желателен. Категорически против посещения Москвы Воландом 3 человека. «Мне все равно» – такой вариант ответа дали еще 6 человек. Свой вариант ответа предоставили 10 студентов и абитуриентов (несколько наиболее интересных на взгляд автора ответов приведены ниже):

1. Это было бы интересно (с).

2. Воланду современная Москва не показалась бы местом, достойным его внимания (с).

3. Я не писатель, чтоб представлять себе такое, и не режиссер (с).

4. Это катастрофа – но это замечательно. Если появление Воланда разрешится так же, как в романе, то на это будет интересно посмотреть, для многих людей это станет уроком (хорошим!) (с).

В анкете присутствовал также вопрос, призванный выявить молодых людей, знакомых с творчеством и биографией М.А. Булгакова не только дистанционно, но и посредством посещения Музея-квартиры писателя. На вопрос «Посещали ли Вы “нехорошую квартирку” в Москве?» 12 человек ответили положительно, указывая, впрочем, что сделали это 1 раз. «Да, и неоднократно», –

ответили 8 человек. Еще 31 опрошенный не был в Музее, но очень хочет это сделать в ближайшее время. Наконец, не посещали и не хотят посещать «нехорошую квартирку» 9 человек из 60 опрошенных.

Таким образом, можно констатировать, что все опрошенные знакомы с творчеством М.А. Булгакова по роману «Мастер и Маргарита», читали и любят это произведение. Опрос выявил элементы культурного кода на уровне сознания опрошенных: реальность, созданная писателем, является довольно устойчивым пластом молодежного сообщества.

Симпатии молодых людей также ярко проявлены в их ответах: наибольшее количество опрошенных отдает предпочтение именно сакральному злу в лице Воланда и членов его свиты, интерпретируя их как Справедливость и Возмездие, перед лицом которого несколько меркнет как божественное милосердие и всепрощение в лице прототипа Христа Иешуа Га-Ноцри, так и замечательная история Любви Мастера и Маргариты.

Интерпретировать данные результаты опроса стоит как раз через бытийность, окружавшую автора романа: атмосфера сталинского режима, невозможность полноценно творить в рамках тоталитарной реальности подтолкнули автора текстуально и символично зафиксировать символы Справедливости и Возмездия. Эти символы в лице персонажей романа прописаны очень живо и бытийно: настолько реалистично в романе сакральное зло, что поневоле начинаешь воспринимать повседневность романа, профанное в произведении как фон для литературной визуализации сакральной системы. Но любая подобная система, как и любая религиозная система, нуждается в материализации (ритуалике своего культа), актуализирующей саму систему вновь и вновь.

Подобной материализацией на сегодняшний день является современная «настенная живопись» – граффити. Граффити – рисунки с мотивами «Мастера и Маргариты» есть в Москве и Киеве. Большинство из них украшают стены Музея М.А. Булгакова в Москве, однако и в отдалении (например, граффити на ул. Советской армии) от квартиры писателя они также имеются. В Киеве большие настенные рисунки украшают пригороды. Персонажи рисунков – это Воланд и его свита (особое предпочтение отдается коту Бегемоту), Мастер и Маргарита, а также цитаты из романа и такие неперсонифицированные объекты, как трамвай, печатная машинка, стопка рукописей и примус. Интересно обратить внимание и на обращения людей к героям романа, которые «возникают» на стенах, например, Музея-квартиры писателя на Садово-Кудрин-

ской ул. в Москве. Эти обращения часто имеют характер просьб и почти молитвы: неизвестные (часто в стихотворной форме) просят как самого писателя, так и Воланда помочь им решить всякого рода проблемы (сдать ЕГЭ, найти любимого/любимую, написать книгу, найти работу, отомстить врагам и мн. др.). Просьбы обращены также к Мастеру и Маргарите (к Мастеру люди часто обращаются за вдохновением и даже за познанием истины). Подобные рисунки и обращения также являются материальным проявлением той сакральной системы, которая была создана автором романа «Мастер и Маргарита».

Важным для данного проекта представляется и анализ групп и сообществ по интересам в самом современном и доступном СМИ – в Интернете. Были исследованы наиболее многочисленные на данный момент в России социальные сети – Вконтакте (VK) и Фейсбук (Facebook).

Лично М.А. Булгакову в социальной сети ВКонтакте посвящено 17 сообществ. Из них 12 открыты для пользователей, 5 закрыты. В открытых группах в общей сложности около 4500 тысяч участников. Основным содержанием открытых контентов являются фразы из произведений Булгакова (большинство – из романа «Мастер и Маргарита»), портреты писателя и близких ему людей, картинки, граффити и книжные миниатюры из романа, отрывки из киноверсий романа. Менее трети содержания открытых групп составляют собственные литературные опыты участников (в основном поэзия и философско-публицистические очерки), посвященные опять же (более 80%) роману «Мастер и Маргарита». Наконец, менее всего информации об экскурсиях и совместных прогулках по булгаковским Москве и Киеву. Важная деталь, на которую хотелось бы обратить внимание, – опросы в тематических группах. Почти 90% из них посвящены роману, а конкретно – любимым персонажам произведения.

Непосредственно роману «Мастер и Маргарита» и его киноэкранизациям в сети ВКонтакте посвящено 365 сообществ, открытых – 260. Основное содержание этих групп – цитаты, картинки, кадры из фильма реж. В. Бортко, части биографии М.А. Булгакова, а также собственные литературные и проблемно-публицистические описания участников. Порядка 5 групп посвящены проведению ролевых игр по сюжету романа. Еще 37 групп – театральным постановкам по мотивам романа. Эти группы объединяют более 80 тысяч участников по всей России и за рубежом.

Что касается социальной сети Фейсбук, то здесь было найдено 36 сообществ (включая страницы мероприятий и встреч), посвя-

ценных роману «Мастер и Маргарита». Тематика нравится (поставили «лайк») более чем 148 тысячам пользователей по всему миру. 15 сообществ из 36 посвящены книге, ее проблематике и героям; 5 – киноэкранизациям романа (из них 4 – телесериалу В. Бортко и 1 – фильму Ю. Кары).

Непосредственно М.А. Булгакову (все его произведения, биография) на Фейсбуке посвящено всего 6 сообществ (включая страницы мероприятий). Они объединяют 3248 участников.

Таким образом, можно говорить о наличии устойчивого булгаковского культурного кода в современном российском культурном пространстве, который наиболее ярко и бытийно проводится и интерпретируется молодежной средой не только как система символов и смыслов, но и как вариант мистико-религиозного пласта современности, своего рода сакральной системы, в которой есть место божественному, его проводникам и носителям, а также воспринимающим данную систему обывателям.

В романе сакральное олицетворяется Воландом и дьявольской свитой (вариация божественной справедливости и карающего возмездия), а также прототипом Христа философом Иешуа Га-Ноцри (божественное милосердие и всепрощение в типично «толстовском» варианте его интерпретации). Можно говорить о наличии персонажей – носителей этой сакральности – в мире профанного, повседневного (это Мастер (а под его личиной скрывается сам писатель), Маргарита и в какой-то степени духовный ученик Мастера поэт Иван Бездомный). Есть и непосредственно профанный мир бытийной повседневности, на фоне которого читатель еще острее чувствует необходимость вмешательства сакрального в жизнь героев романа. Если интерпретировать роман «Мастер и Маргарита» через его отражение в молодежном сегменте российской современности, то можно говорить о наличии в этом культурном коде элементов своеобразного религиозного культа: в нем есть божественное (сам роман и его киноверсии), в нем есть последователи, активно продвигающие основные идеи и смыслы в окружающую реальность (об этом говорит впечатляющее количество многочисленных сообществ, групп и страниц с соответствующим информационным контентом в социальных сетях, где люди общаются порой чаще, чем в реальной жизни), а нем есть своеобразная материализация сакрального (примером служат многочисленные примеры современной «настенной живописи» – граффити и надписи), а также варианты инвокаций и просьб как к представителям сакрального в романе, так и к персонажам, привносящим его в повседневность (многочисленные

просьбы самого разного содержания, выполненные в виде настенных надписей и выраженные как в поэзии, так и в прозе).

Необходимо отметить, что мотивы сакрального и повседневного проявлены в творчестве М.А. Булгакова неслучайно: можно предположить, что именно через грани творчества им мастерски был передан контекст самой сути сталинизма, специфики восприятия сталинской эпохи сквозь призму сознания Творца. Творца, которому (как и Мастеру в романе) не давали полноценно осуществлять его смелые замыслы, Творца, сумевшего в каждой сюжетной линии «романа-загадки» повесить столь необходимые исследователям на данном этапе символы-маячки, помогающие полнее и глубже рассмотреть эпоху сталинской социальной инженерии.

Представляются актуальными и дальнейшие исследования в области культурных кодов и знаковых систем через современный молодежный сегмент: вариативные возможности продуктов культуры как контекста эпохи, а также их современная интерпретация открывают новое междисциплинарное поле исследователям как сталинской эпохи, так и иных исторических континуумов.

Примечания

- ¹ *Забияко А.П.* Сакральное // Нов. филос. энцикл.: В 4 т. М., 2001.
- ² *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. СПб., 2002. С. 121–136.
- ³ *Медушевский А.Н.* История сталинизма: итоги и проблемы изучения // Рос. история. 2009. № 5. С. 189–196.
- ⁴ *Булгаков М.А.* Указ. соч. С. 48, 84, 120.
- ⁵ Там же. С. 76–87, 101–106, 284–285.

Abstracts

M. Dubovitskaya

A scandal as a kind of political narrative in N. Khrushchev's personal diplomacy

The article analyses one of the main kinds of N. Khrushchev's political narrative – a scandal. Some examples of headline-making international events where N. Khrushchev played the main role demonstrate distinctive features and behavior acts of the Soviet leader. They are considered to be indicators of such a complicated communicative event as a scandal. The author comes to the conclusion about the definite degree of management of a scandal on the part of Khrushchev.

Key words: N. Khrushchev, diplomacy, political narrative, scandal, political communication, cultural-historic code.

A. Fernandes-Eres

“To make them love this life...”. The orphanages for spanish children in the USSR (1937–1939)

The article discusses the problem of social adaptation of the Spanish children who came to the Soviet Union as a result of the Civil War in Spain. Very soon after evacuation a number of orphanages for Spanish children was opened in Soviet Russia and Ukraine. The author focuses on classroom curriculum, studies and other aspects of the everyday life. Soviet authorities couldn't ensure equal conditions for all Spanish orphans. Some locations were not well enough prepared for the children, there was lack of the teaching materials, space for studies, professional teachers, clothes. The author comes to the conclusion that creating the system of children special orphanages was the main barrier for total assimilation of small Spanish children.

Key words: social adaptation, orphanage for Spanish children, Narcompros, education, Civil War in Spain.

N. Ivanov

Technical skills of the Red Army soldiers in the 1930s. Hand arms and their use

The article discusses technical skills of the Red Army soldiers on the eve of the Great Patriotic war. It is shown that the fundamental fighting unit of the Red Army remained a soldier with an ordinary rifle, so the fighting capacity was largely dependent on the ability of a soldier to address to his rifle and to provide it with proper care. It is concluded that for various reasons technical skills of a soldier of the Red Army were insufficient, which was one of the reasons of defeats of the Red Army in the Soviet-Finnish war and at the beginning of the Great Patriotic war.

Key words: Red Army, arms, hand arms, rifle, rearmament, technical skills, Soviet-Finnish war.

S. Karpenko

Business class in the Crimea under the rule of general P.N. Wrangel (1920)

The article discusses number, composition and activity of business class in Crimea in 1920, when the peninsula was controlled by general P.N. Wrangel's army. The emphasis is on trading activities of entrepreneurs in the domestic market, as well as their role in export and import operations. The author reveals the connection between activities of entrepreneurs and the economic crisis in Crimea.

Key words: Russian Civil War, White movement, general P.N. Wrangel's government, business class, trade, speculation, corruption.

A. Kolesnikova

The Bulgakov's heritage as a cultural code of the modernity (aspect of youth)

The main purpose of this article is to make a deeper look at the Soviet power, its proponents, its institutions and at the attitude of the soviet admass commoner through symbols and elements of "Master and Margarita" by M. Bulgakov. Research specifies on the interpretation analysis of the novel through the aspect of youth and modern cultural flow.

Key words: Bulgakov's heritage, Christian paradigm, cultural code, Stalinism, youth communication practices.

T. Kolosovskaya

D.A. Milyutin and his Caucasus papers. On early attempts of forming the Caucasus military and political history

The article focuses on the academic activity of D.A. Milyutin in 1839–1850. The author tries to have an analysis of his unpublished works such as programs, notes, official and private letters covering studies of the history of Russian-Caucasus relations. The author shows the results of early attempts of setting up the official approach to the Caucasus military and political history studying in Russia.

Key words: D.A. Milyutin, military historiography, historical Caucasus Studies, military and political history of the Caucasus, Caucasian War of 19th century.

M. Konevskaya

The organization of supply in the period of centralization of supply system of the Red Army (1935–1941)

The article analyzes the organization of supply of the Red Army in 1935–1941. The author describes changes of the supply system at that period. The research is based on documents of the Russian State Military Archives. The author depicts shortcomings in the organization of supply on the eve of the Great Patriotic War, and remarks, that military staffs of the Red Army have gained valuable experience in supplying troops.

Key words: Soviet-Finnish War of 1939–1940, Red Army, baggage train, supply, Administration of supply, military administration service.

G. Lanskoj

The issues of Russia's economic history on the pages of the "Economic journal"

The article examines main directions of the study of economic history of Russia in the "Economic journal". Special attention is paid to the modern approaches applied by the authors of this publication in the study of economic issues of the history of the Russian Civil war and the New Economic Policy.

Key words: historiography, economic history, Russian Civil War, peasantry, anti-Bolshevik governments, New Economic Policy.

A. Lukshin

The critical analysis of the biographical books about general P.N. Wrangel in the Russian magazine journalism of 2000s

The article deals with the critical analysis contained in the magazine scientific and journalistic reviews of the biographies of the general P.N. Wrangel. The article discusses reviews published in scientific journals and written by professional historians and literary critics. It focuses on criticism of the authors of the reviews and their own assessments of the personality of general P. N. Wrangel.

Key words: Russian Civil War, White Movement, P.N. Wrangel, biography, review, historical journalism.

V. Nazarov

The railway transport and conditions of the military railway transportation to the North-Western (Finnish) Front (1939–1940)

On the basis of archival documents the article examines the state of the railway system of the North-Western regions of the USSR. It discusses the ability of this rail system to implement mass military transportation. It examines the role of the military rail transport in ensuring the operations of the North-Western Front during the Soviet-Finnish War.

Key words: railway transport, military transportation, military logistics, military train, Soviet-Finnish War of 1939–1940.

J. Philina

Russian political emigration in the European context at the beginning of the 19th century (based on artist N. Prakhov's memoirs)

In this article the history of the colony of Russian emigrants on Capri Island is presented, based on Prakhov's memoirs from the archive of the Tretyakov Gallery. The main emphasis is laid on the activity of the Capri Propagandistic School and M. Gorky. Russian revolutionaries and representatives of intelligentsia were so socially active that local community and authorities got worried, in spite of the fact that Italians were loyal towards them.

Key words: Bolsheviks, artistic elite, Italy, Capri, emigration, Propogandistic School, M. Gorky, N. Prakhov

I. Rychkov

River transport in the Volga basin on the eve of the World War I

The article discusses an early stage of development of the river transport of the Volga river basin. The focus is on management and staffing aspects of the state of river transport on the eve of the World War I. It investigates the reasons why river transport in the Volga basin did not cope with tasks of the wartime.

Key words: river transport, steamship, steamship company, cargo turnover, military supply, Volga river, World War I.

A. Seregin

The projects of state reforms in monarchist-legitimist movement in emigration (1920s)

The article analyzes the restoration of the monarchy in Russia projects which were formed in monarchist-legitimist movement in emigration. It presents an analysis of projects by A.G. Timrot, P.N. Krupensky, count V.A. Bobrinsky. The conclusion that the agricultural project of legitimist movement was the most liberal one in comparison with the projects of other monarchist organizations.

Key words: monarchist emigration, legitimist movement, projects of restoration of the monarchy in Russia, Grand Duke Kirill Vladimirovich.

E. Seregina

The state institutionalization of the memory of the Stalinism period in Russia and Latvia. A comparative study

The article analyses the Russian and Latvian experience in conducting the state policy towards the institutionalization of Stalinism time memory. The point of author's attraction is the difference between Russian and Latvian approaches and its causes. The author comes to the

conclusion that these differences are based on the diverse objectives set by Russia and Latvia after the fall of the Soviet Union.

Key words: World War II, Russia, Latvia, historical memory, historical policy, Stalinism, memorial, museum.

O. Shemyakina

The historiography of populist movement through the eyes of its participants

The article discusses the interaction between historians and participants of the populist movement in the process of forming in the 1920s – 1930s Soviet historiography of the populist movement. It is based on the materials of the journal “Katorga i ssylka” and the Section for the study of social movements of the 1830s – 1870s of the Society of Former Political Prisoners and Exiles. The author outlines major issues that were raised by old revolutionaries in their critique of the works by historians of populist movement.

Key words: Soviet historiography, populist movement, historiography of revolutionary movement, historical memory, Society of Former Political Prisoners and Exiles.

A. Vinokurov

“Fish – for the Front!”. The tragedy of Churapcha, 1942–1944. From the history of labour mobilizations in the Yakut ASSR

On the basis of documents of the National Archives of Sakha (Yakutia) and audio-visual memories collected in the framework of the historical-memorial project “Alban aat – 2015”, the article investigates the issue of forced labor mobilization of Churapchinsky collective farmers (kolkhozniks) for catching fish to supply the army and central regions of the USSR. Based on the analysis of memoirs, the author highlights the practice of adapting to the new conditions of life, eating habits, and production everyday life among farmers-migrants.

Key words: Great Patriotic War, Yakut ASSR, settler, labor mobilization, traditional practices, production everyday life.

Сведения об авторах

- Винокуров Александр Данилович* – сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ykt_pobeda@mail.ru
- Дубовицкая Мария Анатольевна* – аспирантка кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, dubovitskaya.maria@gmail.com
- Иванов Никита Михайлович* – аспирант кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, ivanov.n@rggu.ru
- Карпенко Сергей Владимирович* – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, skarpenk@mail.ru
- Колесникова Александра Геннадьевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, kolesnikova.alex@mail.ru
- Колосовская Татьяна Александровна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, kolosowskay@yandex.ru
- Коневская Мария Анатольевна* – аспирантка кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, vitromash@ Rambler.ru
- Ланской Григорий Николаевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения; декан факультета документоведения и технотронных архивов РГГУ, gri_lanskoi@list.ru
- Лушкин Алексей Федорович* – аспирант кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, blb1@mail.ru
- Назаров Владимир Николаевич* – аспирант кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, historiograf@yandex.ru
- Рычков Игорь Александрович* – аспирант кафедры истории государства и права Нижегородского института управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, i.rychkov@volgafлот.com
- Серегин Александр Владимирович* – кандидат исторических наук, преподаватель Института повышения квалификации и дополнительного образования РГГУ, aleksseregin@yandex.ru

Серегина Евгения Анатольевна – аспирантка кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, evgeniya.seregina@gmail.com

Фернандес-Эрес Анна Павловна – ведущий специалист Российского государственного архива фонодокументов, annafernandes@yandex.ru

Филина Юлия Сергеевна – аспирант кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела РГГУ, www.w@icloud.com

Шемякина Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры истории и политологии гуманитарного факультета Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, shemiakina@yandex.ru

General data about the authors

Dubovitskaya Maria A. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, dubovitskaya.maria@gmail.com

Fernandes-Eres Anna P. – head staff member, State Archive of Phonodocuments, annafernandes@yandex.ru

Ivanov Nikita M. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, ivanov.n@rggu.ru

Karpenko Sergey V. – Ph.D. in History, professor, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, skarpenk@mail.ru

Kolesnikova Alexandra G. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, kolesnikova.alex@mail.ru

Kolosovskaya Tatyana A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History of Russia, Institute for the Humanities, North-Caucasus Federal University, kolosowskay@yandex.ru

Konevskaya Maria A. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, vitromash@rambler.ru

Lanskoy Grigory N. – Dr. in History, professor, Department of Foreign Areas Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Foreign Areas Studies; Dean, Faculty of Records Management and Technetronic Archives, Russian State University for the Humanities, gri_lanskoi@list.ru

Lukshin Alexey F. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, blb1@mail.ru

Nazarov Vladimir N. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, historiograf@yandex.ru

Philina Julia S. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, wweww.w@icloud.com

Rychkov Igor A. – postgraduate student, Department of History of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management, Russian Presi-

dential Academy of National Economy and Public Administration,
i.rychkov@volgafлот.com

Seregin Alexander V. – PhD. in History, lecturer, Institute for Advanced Professional Studies and Supplemental Education, Russian State University for the Humanities, aleksseregin@yandex.ru

Seregina Evgeniya A. – postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia, Faculty of Archives, Russian State University for the Humanities, evgeniya.seregina@gmail.com

Shemyakina Olga V. – senior lecturer, Department of History and Political Science, Faculty for the Humanities, Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, shemiakina@yandex.ru

Vinokurov Alexander D. – researcher, Institute for the Humanities Research and Studies in Indigenous Minorities of the North NB RAS, ykt_pobeda@mail.ru

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *Т.Ю. Журавлева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 11.01.2017.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 19

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
